

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ
ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКИ

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ
ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКИ

В шести томах

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ
ВНЕШНЕЙ
РАЗВЕДКИ

Том 1

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
1996

ББК 63.3(2)
О-95

Главный редактор академик Е.М.ПРИМАКОВ

Зам. главного редактора В.А.КИРПИЧЕНКО

Ответственный секретарь Л.Г.ПОДГОРНОВ

Авторский коллектив: Н.А.ЕРМАКОВ (25, 26), О.К.ИВАНОВ (10, 20, 21),
А.Н.ИЦКОВ (3, 5, 9, 13, 15, 16, 18, 22, 23, 24, 28, 29),
Г.А.ОРЛОВ (11, 12), В.И.САВЕЛЬЕВ (1, 2, 4, 6, 7, 8, 14, 17, 27, 28,
30, 31), В.К.ТОЛСТИКОВ (19)

Литературный редактор Л.П.ЗАМОЙСКИЙ

Очерки истории российской внешней разведки: В 6-ти тт.
О-95 — Т.1: От древнейших времен до 1917 года. — М.:Между-
нар. отношения, 1995. — 240 с., ил.

ISBN 5-7133-0860-X (Т.1)

ISBN 5-7133-0859-6

В данном издании Служба внешней разведки (СВР) хочет по-
накомить читателей с реальной стороной работы российских раз-
ведчиков. К подготовке «Очерков» привлекались профессиональ-
ные разведчики-ветераны, лично принимавшие участие во многих
разведывательных операциях последних десятилетий.

Для широкого круга читателей.

О 0503020000-047 Без объявл.
003(01)-95

ББК 63.3(2)

ISBN 5-7133-0860-X (Т.1)
ISBN 5-7133-0859-6

© Служба внешней разведки, 1995
© Подготовка к изданию и оформление изд-ва
«Международные отношения», 1995

Предисловие

«Очерки истории российской внешней разведки» по содержанию, охватываемому периоду и объему — первое подобное издание.

Разведка — это необходимый механизм, решающий целый ряд важнейших государственных задач. Это доказала история. Это доказывает и современность.

Можно ли говорить о своеобразии российской разведки, свойственных только ей чертах? Конечно, есть целый ряд характеристик, которые отличают разведку вне зависимости от ее национальной принадлежности: методы и приемы работы, структура, позволяющая добывать материалы политического, военного, научно-технического, экономического характера, использование так называемого «человеческого фактора» — иными словами, агенты, доверительных связей, применение технических средств. Но, тем не менее, хотелось бы сказать об особенностях **русской** разведки. Может быть, они (пусть меня не осудят читатели за рубежом) — в несколько большем, чем у других, патриотизме, самоотверженности, меньшем, чем у других (и по субъективным, да и по объективным причинам), влиянии материального фактора на деятельность офицера-разведчика, большей склонности к самопожертвованию ради своего народа.

Конечно, «в семье не без урода» — это характерно для всех разведок мира. Но, может быть, наши «уроды» все-таки уродливее других. Напомню слова бывших руководителей ЦРУ Хелмса и Колби о том, что они не знали ни одного перебежчика из советской разведки, который бы не руководствовался материальными соображениями, иными словами, мотивами наживы. Этого нельзя сказать о всех зарубежных лицах, пришедших к сотрудничеству с нами.

Когда мы ведем читателя в нашем многотомнике «Очерков» от эпохи к эпохе, то при всей разрозненности отдельных событий, при всей их специфичности прослеживается общее магистральное направление деятельности разведки. На любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах она защищала интересы государства. Не отсюда ли проистекает акцент на деполитизацию разведки, к чему мы осознанно пришли сегодня, в постсоветскую эпоху? Естественно, что эта деполитизация относительна. Государство всегда защищало и защищает интересы не только общенациональные, но и правящих групп. А разведка всегда была и остается отражением государства. Как увидит читатель, один из российских разведчиков в начале XX века П.И. Рачковский служил не только интересам Отечества, но и царскому департаменту полиции, ведя слежку за русской политической эмиграцией за границей. Не была изолирована разведка и от трагических сталинских репрессий. Но что важно отметить — она, не являясь правоохранительным органом, меньше других повинна в происшедшем и, будучи в наибольшей степени связанной с зарубежными странами, вобрав в себя элиту вооруженных сил, в большей степени, чем другие, пострадала от кровавых репрессий. Десятки, сотни разведчиков были отлучены от своей профессии, арестованы, расстреляны.

Вопросы деполитизации, деидеологизации разведки особенно важны и актуальны в наше время. В чем они проявляются? Разведка — нужно сказать об этом со всей твердостью — не участвует во внутривнутриполитической жизни России. Конечно, каждый ее офицер и служащий не только могут, но и должны питать симпатии или антипатии к той или иной политической, общественной силе в РФ. Манкурт, робот, лишенный чувств, эмоций, привязанностей, неприятия того, что он считает плохим, не может быть разведчиком. Но он не может и руководствоваться своими политическими симпатиями или антипатиями в повседневной работе. Там он должен думать лишь о национальных интересах страны — в этом, как ни парадоксально это звучит, и заключается деполитизация разведки. Естественно, при этом разведчик должен быть привержен демократическим ценностям и верен закону — это чрезвычайно важно для всех без исключения.

Несколько слов и об отказе от идеологизации внешней разведки. Этого термина вообще не было до 1917 года. Однако в период существования СССР разведка, как и любой другой государственный инструмент, не могла не быть идеологизированной. ЧК, НКВД, КГБ, включая внешнюю разведку, были оружием партии, и именно в этом качестве под марксистско-ленинскими лозунгами осуществляли свою деятельность.

Лучшие источники, зарубежные помощники приобретались советской разведкой на идеологической основе. Еще будучи за-

местителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, я хорошо и близко знал работавшего там старшего научного сотрудника Дональда Маклейна. Это был один из самых умных и образованных людей, которые встречались на моем жизненном пути. Д.Маклейн в прошлом работал на советскую разведку. Директор одного из ведущих департаментов английского МИД, он обладал информацией первостепенной, подчас жизненной для Москвы ценности и передавал эту информацию нам. Д.Маклейн, будучи выходцем из семьи шотландских лордов, руководствовался не материальными соображениями. Как бы мы ни относились сейчас к нашему идеологическому прошлому, но именно идеи этого прошлого привели Маклейна и многих ему подобных в советскую разведку.

Многие предрекали, что деидеологизация СВР в нынешних условиях лишит нас возможности выходить на сотрудничество с зарубежными источниками информации. Это оказалось не так. Теперь мы не говорим об идеологической основе приобретения зарубежных помощников. Но продолжает действовать политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве — теперь уже не с советской, а с российской разведкой. За этим стоят и нежелание видеть мир «однополюсным», и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и в мире в целом.

Так что деидеологизация разведки отнюдь не ликвидировала и даже не подорвала ее как важнейший инструмент российской политики.

Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно более или менее крупное, а тем более великое государство не способно и не сможет обойтись без нее. Она, очевидно, отомрет с ликвидацией государств, но такая перспектива существует только в теории и не просматривается в жизни. Между тем в истории российской разведки было два периода, когда необходимость ее существования или не осознавалась, или подвергалась сомнению. Первый из них — становление Российского государства. Разведка в этот период еще не оформилась в самостоятельный институт государственной власти, возникала и образовывалась не только «под крышей», но и как составная часть дипломатического здания. Очевидцами второго периода мы были в недалеком прошлом, когда эйфория выхода из холодной войны настолько замутила умы, что некоторые лица в России стали проповедовать отказ от разведки в эпоху «цивилизованных отношений», к которым приближается мир.

Насколько быстро происходит такое приближение? Так или иначе, но ни в одном государстве — бывшем противнике СССР в

эпоху холодной войны — вопрос о необходимости сохранения разведки вообще не дебатировался. Об изменении акцентов в ее деятельности — да. Об отказе от некоторых методов работы — тоже да. Но никогда — об отказе от разведки как важнейшего инструмента государственной политики.

В 1992 году у меня брал интервью один английский журналист, который спросил: готова ли, с моей точки зрения, Россия отказаться от ведения разведывательной работы по Англии, если Англия примет те же условия в отношении России? В нашем взаимосвязанном, тесно переплетенном мире решение такого вопроса на двусторонней основе, конечно же, невозможно. А если все страны вместе решат отказаться от разведки? Ну что ж, тогда это можно обговаривать, но, честно говоря, лишь неисправимые фантазеры могут поверить в такую перспективу.

Одной из особенностей российской разведки является преемственность, верность лучшим традициям предшествовавших ей единопрофильных служб. Мы никогда не отрекались и не откажемся от всего хорошего, полезного, важного для государства, общества, народа, что было наработано за многие десятилетия и века в России предшественниками СВР, в том числе, естественно, и в Советском Союзе. Но признание преемственности отнюдь не означает отказа от критического отношения к своей истории. Читатель поймет это и из «Очерков», в которых показаны не только «светлые», но и «темные» стороны деятельности разведки.

Многотомные «Очерки» подводят читателя к современной внешней разведке России. Чем она занимается после окончания холодной войны, какие задачи решает, на чей алтарь отдает силы, здоровье, а иногда и жизни своих офицеров?

Можно считать, что в конце XX века Россия переживает один из самых нелегких этапов истории. Экономический кризис, неурегулированность отношений между центром и частью периферии, угроза территориальной дезинтеграции или, во всяком случае, отторжения отдельных ее частей, сопротивление реинтеграционным процессам на территории СНГ, политическая необходимость отстаивания позиций самостоятельной великой державы на международном поприще, опасения, связанные с тем, что РФ входит в мировое хозяйство преимущественно как сырьевой его элемент, в то время как другие великие державы уже взяли и успешно осуществляют курс на развитие наукоемкого высокотехнологического производства, — все это признаки нелегкого времени. Но и в самые тяжелые дни ни один из зрелых политиков не сомневался в том, что Россия — с ее огромным человеческим потенциалом, великой историей, выдающимся вкладом, внесенным в мировую цивилизацию, неисчислимыми природными ресурсами, большими заделами в фундаментальной науке — не может застрять на этом

этапе. Она была, есть и будет великой державой. Разведка в числе других важнейших государственных механизмов на всем протяжении истории Российского государства помогала ему преодолевать тяжелые периоды — в этом тоже еще одна канва, объединяющая «Очерки» в единое целое.

Причем процесс выхода из кризисной ситуации 90-х годов, возникшей как из наследства прошлого, так и из ошибок и недоделок того времени, когда писались эти строки, происходил в далеко не однозначной международной обстановке. Да, в 80-х — начале 90-х годов была закрыта глава в международных отношениях, когда по разные стороны баррикад стояли, готовясь перейти к сражению, две различные по идеологической окраске силы. Перестал существовать раздел мира на две системы — следовательно, исчезла почва и для **детерминированных постоянных противников России**. Но мир не стал от этого менее сложным. Национальные интересы нашего государства, которые раньше отступали на задний план, а нередко и приносились в жертву борьбе с постоянными идеологическими противниками или поддержке постоянных идеологических союзников, стали первостепенными по своей значимости, вышли на авансцену. Это имело по меньшей мере два последствия: резкую интенсификацию поисков полей совпадения этих интересов с другими государствами, а в случае их несовпадения — определение путей защиты национальных интересов неконфронтационным, политическим путем.

Однако всегда ли удавалось это сделать? Сложный характер ответа на этот вопрос подкрепляется фактом значительного после распада СССР расширения зоны региональных конфликтов, которая распространилась на территории многих национальных республик бывшего Союза, то есть дошла до границ России, вклинилась в Европу, где боснийский кризис не только породил угрозу дестабилизации на всех Балканах, но и стал «магнитом», притягивающим к себе внимание и материальную помощь сражающимся сторонам из государств, подчас отстоящих от региона на сотни, а то и тысячи километров.

Опасность расширения конфликтов резко усилилась, так как они получили развитие в условиях распространения оружия массового уничтожения, роста международного терроризма. Самым негативным образом повлияла на эти конфликты (и, очевидно, это влияние сохранится еще надолго) многолетняя, расшатанная донельзя ситуация в Афганистане — среднеазиатская конфликтная зона вплотную примыкает к этой стране.

Не только на среднеазиатскую, но и на кавказскую конфликтную зону распространил — и, вероятно, еще долго будет распространять — свое дестабилизирующее влияние исламский экстремизм, то есть насильственные формы распространения воин-

ствующего ислама, ставящего своей целью внедрение исламской модели государства. В период после холодной войны произошло усиление и межэтнических противоречий.

Естественно, что российская внешняя разведка на всех этапах своего развития, как показано в «Очерках», снабжала высшее руководство своей страны достоверной, во многом упреждающей информацией и построенными на ее основе аналитическими оценками своих экспертов. При этом главным направлением ее работы было и остается отслеживание всех тех процессов, которые при неблагоприятном для России развитии могли бы нанести ущерб ее интересам. К концу нашего столетия среди таких угроз можно назвать:

— деятельность внешних сил, пытающихся углубить или просто сыграть на слабостях самой России, ее разногласиях с другими государствами — бывшими частями СССР; одной из приоритетных задач разведки на середину 90-х годов стала нейтрализация усилий, предпринятых с целью сорвать центростремительные тенденции как в самой России, так и в пределах Содружества Независимых Государств;

— перспективы пополнения «клуба ядерных государств», выхода ряда стран «третьего мира» на различные системы ОМУ, принятия политического решения в некоторых из них, кладущего начало движению к обладанию ядерным оружием;

— вероятность выхода стран — бывших участниц холодной войны на новые, дестабилизирующие системы вооружений — разведка обязана своевременно оповещать соответствующие российские государственные структуры о разработках и внедрении в других странах новых видов вооружений и боевой техники.

Не только сбор информации, анализ и синтез ее, прогноз развития ситуации, но и активная роль в осуществлении внешней политики страны — такова историческая роль разведки, действующей своими специфическими методами.

При этом одной из важных задач разведки была и остается помощь в проведении активной внешней политики России и на западном, и на восточном (китайском, арабском, азиатско-тихоокеанском и т.д.) направлениях. В «Очерках» это показано ретроспективно. Необходимость решения такой задачи подтверждает и период, наступивший после отхода от холодной войны, что отнюдь не нивелировало значение геополитического фактора, насколько не снизило необходимость добиваться благоприятной для России геополитической ситуации.

Нелишне, очевидно, напомнить, насколько всегда, во все времена были и остаются важными для России взаимовыгодные, равноправные, не ущемляющие ее интересов экономические связи с другими государствами, иностранными частными фирмами и каки-

ми опасностями для нее, каким ущербом для ее экономики подчас оборачиваются такие контакты. Задача разведки — вовремя предупредить об опасностях, «ловушках», подлинной ценности подчас сомнительных предложений в области экономического и научно-технического сотрудничества.

Важнейшей задачей Службы внешней разведки и вчера, и сегодня, и завтра будет содействие в повышении оборонного потенциала и ускорении социально-экономического развития России.

В начале 90-х годов приобрел определенную динамику такой феномен, как взаимодействие российской разведки со спецслужбами многих иностранных государств, в том числе стран НАТО. Сотрудничество развивается по линии предотвращения распространения ядерного оружия, борьбы с международным терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью, обмена информацией об обстановке в «горячих точках». Не сдает ли российская разведка своих позиций в таком на первый взгляд не совсем естественном сотрудничестве? Однозначно — нет. Оно не осуществляется взамен разведдеятельности. Оно невозможно — и СВР это демонстрирует на практике — не на равноправной основе. Вместе с тем оно взаимополезно и служит решению задач на поле совпадающих интересов.

Российская разведка с июля 1992 года работает на правовой основе, зафиксированной в Законе «О внешней разведке», в «Положении об СВР», утвержденном Президентом России.

А теперь снова вернемся к «Очеркам». К их подготовке привлекались профессиональные разведчики-ветераны, имеющие многолетний опыт работы за рубежом, лично принимавшие участие во многих разведывательных операциях последних десятилетий. В распоряжение авторов были предоставлены архивные материалы. Использованы мемуары, записки, фрагменты из ранее подготовленных разведчиками книг.

«Очерки», конечно, не летопись и, тем более, не дневники. И никто не ставил себе задачу воссоздания прошлого день за днем. Такой подход был бы просто нереальным. В процессе работы иногда возникали трудности восстановления той или иной конкретной картины, эпизода по отдельным сохранившимся, часто разрозненным и противоречивым фрагментам. Ведь секретные архивы создавались не ради написания истории разведки, а для повседневных оперативных нужд.

Написание «Очерков» затруднялось и тем, что в предвоенные да и в более поздние годы многие сотрудники разведки были оклеветаны и вычеркнуты из жизни. Нередко исчезала и документация, связанная с их служебной деятельностью. Многое пришлось восстанавливать по крохам. Из жизни уходят многие свидетели и участники недавних дел и операций разведки, те, кто хранит в

своей памяти страницы ее истории. Именно поэтому авторы издания сочли целесообразным сделать доступными для общества те материалы, которыми уже располагают. «Очерки» не содержат домысла, истина не приносится в жертву украшательству. Даже когда в целях конспирации изменены имена ряда лиц, подлинная основа событий сохраняется.

Разумеется, разведка — особо оберегаемый, деликатный организм. Ее предназначение — раскрывать не свои, а чужие тайны. Но конспирация и гласность могут быть совместимы. Конечно, служебные секреты до поры до времени должны оставаться таковыми, если их поспешное раскрытие может нанести ущерб государственным интересам или интересам хотя бы одной-единственной личности, привлекавшейся к выполнению разведывательных заданий и честно выполнившей свой долг. Но это вовсе не означает, что нужно закрывать или «прикрывать» все и вся. Как показывает практика, это приводит лишь к отрицательным результатам. Профессия разведчика, информация о которой дается читателю «из третьих рук», понимается превратно, в искаженном виде. Есть немало примеров и тому, как в погоне за сенсацией публикуются сомнительные откровения отдельных «сочинителей», «обличителей» и «реформаторов» от разведки. Как видим, твердокаменное молчание иногда порождает злопыхательство, безудержные, безответственные разглаживания.

Публикуя «Очерки», СВР стремится ознакомить читателей с реальной стороной работы российских разведчиков, надеется вызвать добрый интерес к их нелегкой, но благородной профессии.

Академик Е.М.ПРИМАКОВ,
Директор Службы внешней разведки России

Октябрь 1994 года

1

Предтечи

Приступая к теме наших "Очерков", прежде всего хотелось бы определить, что понимать под словом «разведка». Что это такое? Говорят, профессия разведчика — одна из древнейших на Земле, и в подтверждение этому приводят цитаты из Ветхого завета или из шумерского эпоса о Гильгамеше, повествующего о том, как Утнапиштим, прообраз легендарного Ноя, на седьмой день после потопа не сразу вышел из ковчега, поостерегся, решил сначала проверить обстановку в окрестностях и выпустил птиц на разведку. Слов нет, эпос о Гильгамеше — замечательный литературный памятник одной из первых цивилизаций мира. Но можно ли Ноя или Утнапиштима причислять чуть ли не к родоначальникам славного рыцарства «плаща и кинжала»? Правомерно ли это?

Действительно, слово «разведка» в своем исконном, изначальном смысле предполагает проведение какого-либо тайного обследования со специальной целью. В этом широком смысле разведка существовала с незапамятных времен.

В пещерный век вопрос ставился классически просто: быть или не быть? И нашему неандертальскому пращуру не надо было особых мозгов, чтобы прикинуть, то есть провести «обследование со специальной целью»: а будет ли «трапеза» по зубам? Иначе неровен час, и сам угодишь в западню! И, конечно же, эта «прикидка» — еще никакая не разведка, а элементарное стремление к выживанию, инстинкт самосохранения, свойственный даже животным.

Другое дело, что именно этот инстинкт, необходимость обеспечения собственной безопасности, умение защитить себя, тайно выведать намерения и возможности потенциального противника и, не раскрывая своих планов, упредить готовящееся нападение — все это в той или иной мере является составной частью (хотя лишь только частью) емкого понятия «разведка».

Знаменитый греческий историк, «отец истории» Геродот подробно рассказал нам о том, как могущественный персидский царь Дарий отправился воевать с нашими дальними предками скифами. Было это в 512 году до новой эры. К тому времени Дарий создал гигантскую империю, простиравшуюся от Индии до Греции. Под его властью оказались такие древние царства, как Египет и Вавилон. Перейдя Босфор с семисоттысячным войском, Дарий покорил Фракию и Македонию, переправился через Дунай и двинулся в скифские степи Причерноморья.

Скифы — народ смелый, воинственный. Но и инстинкт самосохранения был им не чужд. Воинов против Дария было у них маловато, да и вооружение не то: у персов — железо, а у скифов оно еще не вошло в обиход, только деревянные стрелы и копья с костяными и бронзовыми наконечниками. Зато было у скифов одно преимущество: их войско состояло из конницы, а армия Дария в основном была пешей. Скифы были лихими наездниками, хорошо с седла стреляли из лука, ловко метали дротики. Их низкорослые кони были крепкими и выносливыми. Все эти «за» и «против» предстояло взвесить и принять решение.

Получив сведения о численности и вооружении приближающегося противника, скифские военачальники «посоветались и решили» — не входить с персами в открытый бой, а стали отступать перед Дарием вместе с семьями, кочевыми кибитками, стадами скота, все дальше удаляясь в бескрайнюю степь, а по дороге засыпали колодцы, выжигали траву. Так скифы перешли за Дон, стали подниматься к Волге.

Персы, преследовавшие их по опустошенной земле, так и не сумели догнать кочевников. Войско Дария было утомлено, многие, испытывая жажду и голод, погибли в походе. А скифы между тем были целы и невредимы.

Тогда, как повествует Геродот, Дарий направил своего посла к скифскому царю с такой речью:

«Зачем ты все убегаешь? Если ты считаешь себя сильнее, то сражайся со мной. А если ты считаешь себя слабее меня, покорись и приходи ко мне, твоему владыке, с землею и водою в руках».

На это скифский царь отвечал:

«Из страха я не убегал никогда и ни от кого. Я и теперь веду такую же самую жизнь, какую и всегда вел, и от тебя вовсе не убегаю. В нашей стране нет ни городов, ни садов, ни полей. Нам нечего поэтому опасаться, что наше достояние будет покорено или опустошено кем-нибудь. Нам защищать-то нечего. Мы ведь в любом месте живем одним и тем же способом. Где мы, там и наша родина. Значит, нам и нечего торопиться, чтобы вступать с тобою в бой. А коли ты сам хочешь сражаться, отыщи гробницы наших предков — тогда ты узнаешь, как мы за них постоим! Вместо воды

и земли я пошлю тебе другие дары. А за то, что ты называешь себя моим владыкой, я еще расплачусь с тобой».

И Дарий отступил. Тяжело пришлось его войску на обратном пути к Дунаю. Сохранилось предание, будто бы именно в это время скифские послы принесли Дарию загадочный «подарок»: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Долго персы ломали голову над его смыслом. Наконец нашелся один мудрый «переводчик», который растолковал это Дарию так: «Если вы, персы, не улетите, как птица в небеса, или не спрячетесь в землю, как мыши, или не ускачете в озера, как лягушки, то не вернетесь назад и погибнете от наших стрел».

Дарий, могущественнейший властелин мира, с остатками своего войска еле ноги унес за Дунай. Полудикие скифы, которые еще не владели железом, не знали оседлости и грамоты, оказались победителями. Используя современную терминологию, можно было бы сказать: они сумели вовремя получить информацию о превосходящих силах противника, правильно оценить обстановку и упредить готовившееся на них нападение.

Сочетание военной доблести с умом, природной смекалкой позволило скифам совершить то, что не удавалось многим другим народам современного им древнего мира. Ум, информация, знание — по-английски «intelligence», это слово одновременно означает «разведка». Да и по-русски это однокоренное слово: «ведать» — знать, «разведывать» — узнавать, распознавать, приобретать информацию, знания.

Слово «разведка» было хорошо известно и на заре создания государства на Руси — государства княжеского, удельного, когда, по выражению Н.М.Карамзина, «еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою».

Однако в летописях того времени мы напрасно стали бы искать какие-либо упоминания о специальных разведывательных органах или разведчиках-профессионалах. Государственный аппарат был еще слишком слаб, а круг внешних сношений слишком узок и ограничен, чтобы разведка могла выделиться тогда в самостоятельную государственную службу. Для этого не хватало двух очень важных составных частей: развитой государственности и развитых внешнеполитических связей. А между тем разведка уже начинала действовать.

В работе византийского историка X века Льва Дякона¹ повествуется о том, как в 971 году император Византии Иоанн I Цимисхий «вознамерился предпринять поход против росов». По пути «ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев (т.е.

византийцев). Когда они стали упрекать ромеев, утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев».

Как известно из истории, Иоанну Цимисхию удалось потеснить отряды киевского князя Святослава и подчинить себе северо-восточную часть Болгарского царства, но на Русь он пойти не решился. Любопытно, знал ли он о судьбе Дария?

В древнерусских летописях можно встретить буквально единичные эпизоды, которые в той или иной степени представляют интерес с точки зрения истории разведки. Есть сейчас, например, профессиональный термин «доброжелатель». Под ним понимается иностранец, который добровольно, по собственной инициативе, предлагает разведке свои услуги, как правило, в виде передачи секретной информации, устной или чаще документальной, рассчитывая при этом на соответствующее вознаграждение. Разведчики-профессионалы относятся к «доброжелателям» очень осторожно, пытаются, прежде чем воспользоваться их услугами, проверить, не являются ли они «подставой» спецслужб противника, иначе сам рискуешь стать объектом провокации.

Но в случае, о котором пойдет речь, никакого риска не было. В 988 году великий князь киевский Владимир, собрав многочисленное войско, подошел на судах к греческому городу Херсонесу (располагавшемуся близ нынешнего Севастополя). «Сей торговый город, — пишет Н.М.Карамзин, — построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклейскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов да козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием.

Владимир, остановясь в гавани или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся, но горожане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом, по древнему обыкновению военного искусства.

К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру по имени Анастас. Сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: за вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее. Великий князь поспешил воспользоваться советом и велел перекопать водопроводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам».

Любопытно, что сохранилось даже имя доброжелателя — Анастас. Кто он был по национальности? Скорее всего, грек. Какими мотивами он руководствовался? Об этом, как говорится, история умалчивает. Но важно отметить другое: случай с Анастасом мог подсказать россиянам ту незыблемую истину, которая позднее превратилась в афоризм: «хороший агент стоит целой армии».

Рассмотрим еще один случай из летописи времен князя Владимира. Читателю, конечно, известно слово «дезинформация». Термин «активные мероприятия», или «мероприятия содействия», может предполагать и дезинформацию или акции, которые могли бы ввести противника в заблуждение. Оказывается, древние россияне в трудные минуты проявляли недюжинную изобретательность и прибегали к тому, что сейчас профессиональный разведчик назвал бы «активным мероприятием». Еще раз вернемся к Н.М.Карамзину: «Владимир (в 997 г.), желая собрать воинство многочисленное для отражения печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекали сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на Вече или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, — говорил он, — печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем вероятная, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою (медовый взвар на воде), другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах. Печенеги сняли осаду».

Даже если всю приведенную летописцем историю рассматривать не как быль, а как предание, то, тем не менее, можно полагать, что древние россияне были вполне способны на хитрость подобного рода, такой отвлекающий маневр.

Не хуже нас древние знали и о том, какие огромные преимущества может дать вовремя полученная информация о тайных за-

мыслах противника. В этом отношении примечателен такой, на сей раз вполне достоверный, случай.

Летом 1380 года великий князь Московский Дмитрий Иоаннович (впоследствии прозванный Донским) отправил к Мамаю «хитрого мужа», боярина Захарию Тютчева, дав ему много золота, серебра и двух переводчиков. Сей посол, как повествует Никоновская летопись, услышал в земле Рязанской об измене местного князя Олега, а также о союзе литовского князя Ягайлы с Мамаем и дал знать о том Дмитрию. В начале сентября заговорщики намеревались встретиться на берегу Оки и вместе двинуться на Москву. Великий князь немедленно отправил «первую стражу» для проверки поступивших сведений, «дабы разведать о неприятеле». «Стража» вернулась с вестью, что Мамай точно намерен «воевать Россию». Тогда великий князь приказал собрать войску в Коломне 15 августа, чтобы, не дожидаясь соединения Мамаю с Олегом и Ягайло, нанести ему упреждающий удар.

А тем временем Захария, прибыв в Орду, именем великого князя спросил Мамаю, как положено, о здоровье. Мамай, как свидетельствует предание, сбросил башмак с правой ноги и дерзко сказал ему: «Се ти дарю... от ноги моя отпадшее». И, обратясь к своим воинам, якобы сказал: «Возмите дары Московские и купите себе плети; злато бо и серебро князя Димитрия все будет в руку мою; землю же его разделю служащим мне, а самого приставлю стадо пасти верблюжее».

Разгром Мамаю в Куликовской битве стал началом освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Быстрые и решительные действия Дмитрия Донского не позволили Олегу и Ягайло соединиться с Мамаем, и оба они бежали в Литву.

О дальнейшей судьбе Захарии Тютчева известно, что на дерзкие выпады Мамаю он отвечал смело, с достоинством и чуть не был убит мурзами из окружения хана. Однако Мамай удержал их и пригласил Захарию к себе на службу. Хитрый Захария, как повествует летопись, не отказался, но просил, чтобы ему позволили прежде отправить Димитриево посольство. Мамай написал грамоту великому князю, предлагая сдаться: «Прииде ко мне, до помилую тя». Захария в сопровождении четырех ханских мурз был отправлен к Дмитрию, но близ Оки встретил передовой отряд русских войск, «связал сих четырех мурз, изорвал грамоту Ханскую, послал одного татарина сказать о том их государю и благополучно возвратился в Москву».

Был ли Захария Тютчев разведчиком? Тогда такой профессии еще не существовало. Он был «хитрым мужем». Он сумел получить секретную информацию, своевременно довел ее до сведения своего руководства, что позволило правильно оценить сложившуюся обстановку и нанести противнику упреждающий удар, имев-

ший столь важные последствия для всей дальнейшей истории государства.

До формирования разведки как профессиональной государственной службы было, конечно, еще очень и очень далеко. На этом долгом пути, проходящем через несколько столетий, прослеживается целый ряд более или менее четко определившихся этапов:

1549 год: создание Иваном IV Посольского приказа — первой в России самостоятельной государственной структуры, ведавшей всеми вопросами международных отношений. В этот период еще не делается различий между дипломатической и разведывательной службой. Еще не было на Руси дипломатов-профессионалов, как не было и профессионалов-разведчиков.

До создания Посольского приказа дипломатические документы хранились вместе с царской казной. Внешнеполитические задания выполнялись казначеем, печатником, другими особо доверенными лицами из окружения самодержца. Теперь эти функции постепенно сосредоточиваются в одном учреждении, включая наиболее деликатные, секретные задания разведывательного характера. Дипломатия и разведка идут рука об руку, составляют единое целое.

1654 год: царь Алексей Михайлович создает при себе особую канцелярию — Приказ тайных дел. Происходит некоторое перераспределение функций в государственном аппарате. Посольский приказ продолжает существовать, но разведывательная деятельность все больше переходит в ведение Приказа тайных дел. Таким образом, впервые предпринимается структурное разделение дипломатии и разведки, хотя и руководители Посольского приказа, и сотрудники дипломатической службы по повелению царя по-прежнему продолжают выполнять отдельные ответственные задания разведывательного характера. В регулярную практику секретной переписки вводятся шифры.

1716 год: в новом воинском уставе Петра I разведывательная работа впервые приобретает правовую основу. Она поручается генерал-квартирмейстерской службе. Наряду с этим продолжается традиция негласного использования официальных дипломатических представителей, включая послов, для выполнения разведывательных заданий (А.А.Матвеев, П.А.Толстой, А.Я.Хилков и др.).

1810 год: военный министр М.Б.Барклай-де-Толли направляет первых постоянных представителей — «военных агентов» — в российские посольства ряда европейских стран. Основной задачей является ведение агентурной, разведывательной работы. Впервые добыча секретной военно-политической информации за рубежом ставится на регулярную, профессиональную основу. Внешняя разведка структурно все более четко оформляется в военном ведомстве.

ве и в последующие годы, особенно при военном министре А.И.Чернышеве. Одновременно вопросы внешней разведки в той или иной мере продолжают оставаться в ведении Министерства иностранных дел (например, при К.В.Нессельроде), хотя здесь они не носят четко выраженного структурного характера и в основном решаются на уровне разовых, хотя и весьма ответственных, поручений.

1856 год: Александром II утверждена первая в истории российской разведки инструкция о работе военных агентов. Функции внешней разведки все больше становятся прерогативой военных. В этом вопросе большое влияние оказало поражение России в Крымской войне 1853—1856 годов. Мирный договор был подписан 18 марта, а инструкция — 10 июня 1856 г. Развитие военного искусства и перевооружение российской армии на основе новейших западных образцов приобретают приоритетное значение.

1905 год: ситуация повторяется, снова поражение в войне стало серьезным импульсом для пересмотра и реорганизации всей разведывательной и контрразведывательной работы спецслужб империи. Впервые вводится курс тайной разведки в академии Генерального штаба, и подготовка кадров профессионалов-разведчиков ставится на регулярную основу².

Таковы наиболее крупные вехи в истории отечественной внешней разведки до октября 1917 года. Подробнее о каждом из этих периодов и людях, принимавших непосредственное участие в разведывательной работе, читатель узнает из предлагаемых «Очерков».

¹ См. Лев Диакон. История. — М.: «Наука», 1988. — С.124.

² См. Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг. — М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1993. — С.148.

2

Два Ивана

История становления в России внешней разведки как отдельной государственной службы складывалась весьма медленно. На раннем этапе это объяснялось двумя причинами. Первая из них состояла в том, что на протяжении нескольких веков Русь оставалась в вассальной зависимости от могущественных восточных завоевателей. Эта зависимость, практически близкая к колониальной, сдерживала самостоятельное развитие внешнеполитических связей, а следовательно, и тех надстроечных структур, которые обеспечивают реализацию государственных интересов на международной арене, в том числе и внешней разведки.

Со времени Куликовской битвы минуло еще ровно сто лет, прежде чем Русь окончательно освободилась от татаро-монгольского ига. Летом 1480 года отряды Золотой Орды подошли к берегу маленькой речушки Угры у южных границ Московского государства, где путь им преградили русские войска. Долго противники стояли по обеим сторонам реки, не предпринимая военных действий. Наконец 11 ноября хан отступил. С того дня тень зависимости Москвы от Золотой Орды исчезла навсегда.

Вторая причина состояла в том, что правители разрозненных княжеств Руси вели между собой бесконечную борьбу за власть. В этот период «главным противником» часто оказывался свой же родственник — дядя, племянник, брат. Поэтому и «разведывательные» усилия отдельных князей или претендентов на княжеский престол в таких случаях направлялись не во внешние сферы, а «вовнутрь» семейного клана. Со времени окончательного освобождения от татаро-монгольского ига стремление к объединению на Руси заметно растет, хотя таябы и интриги, братоубийственные конфликты по-прежнему вспыхивают то тут, то там.

1480 год — время правления великого князя Ивана III, время собирания разрозненной, удельной Руси в единое государство. Иван III первым из московских князей принял титул «государя всея Руси», объединив под своим владением практически все земли, некогда управлявшиеся его отдаленными предками — киевскими князьями. Заложенные при Иване III основы русской государственности явились тем прочным фундаментом, на котором происходило ее дальнейшее строительство.

При Иване III Россия, по образному выражению Н.М.Карамзина, «вышла из сумрака теней». Замечательный русский историк С.М.Соловьев сравнивал его с Петром Великим. Царь Иван Грозный едва ли смог бы так радикально ликвидировать пережитки феодальной раздробленности на Руси и столь незыблемо утвердить принципы самодержавной власти, если бы не опирался на достижения своего деда.

Итак, дед и внук, оба — Иваны, Иваны Васильевичи, личности сложные, неоднозначные — с большими достоинствами и не менее крупными недостатками, крутого, необузданного нрава, люди трагической судьбы и большого, неоспоримого величия. Оба представляют особый интерес с точки зрения создания основ государственного аппарата на Руси и начала широкого развития внешнеполитических связей — двух необходимых условий для формирования разведки в ее нынешнем понимании.

Иван III (1440—1505 гг.) родился в самый разгар кровавой феодальной смуты — борьбы удельных князей за московский престол. Его отец — Василий Васильевич (получивший впоследствии Темный) — был старшим сыном Московского царя Василия Дмитриевича и внуком Дмитрия Донского. Василий Дмитриевич по духовной грамоте, написанной незадолго до смерти, предполагал передать «великое княжение» не братьям, а своему прямому наследнику, сыну Василию: «А даст Бог сыну моему Великое Княжение ино и яз сына своего благословляю князя Василья».

По всей видимости, сам Василий Дмитриевич с тревогой смотрел на будущее, опасался враждебного выступления брата своего, Юрия Дмитриевича, претендовавшего на московский престол. Заботясь об укреплении положения сына, Василий Дмитриевич поручил его опеке матери, дочери великого князя Литовского Софье Витовтовне и митрополиту Фотию.

Престолонаследнику было всего десять лет, когда умер отец. Однако образовавшееся при малолетнем Василии Васильевиче «правительство» представляло собой солидную опору великокняжеской власти. Софья Витовтовна была крутой, энергичной женщиной, чувствовавшей за собой сильную поддержку отца. Уроженец далекого Пелопоннеса, грек митрополит Фотий пришел в Москву с церковно-политическим мировоззрением, сложившимся

на византийской почве, частью которого являлось представление о государе как «помазаннике» Бога на земле. Союз Москвы, Литвы и церкви представлял собой такую силу, против которой претендент на престол Юрий Дмитриевич выступить не решился. К тому же в эти годы Золотая Орда, занятая внутренними усобицами, не вмешивалась во взаимоотношения между русскими князьями.

Но вскоре положение изменилось. Умерли Витовт и Фотий. Спор о великом княжении Московском был перенесен в Золотую Орду. В 1431 году к хану Улу-Мухаммеду отправились Юрий Дмитриевич и Василий Васильевич с боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским. Около десяти месяцев соперники провели в Орде, доказывая свои права на престол. Московская сторона оказалась более искусной, и хан отдал ярлык семнадцатилетнему Василию Васильевичу. Тогда Юрий Дмитриевич решился прибегнуть к оружию, втянув в эту борьбу своих сыновей — Василия Косого и Дмитрия Шемяку. В 1433 году Юрий Дмитриевич занял Москву, но вскоре принужден был ее оставить. В 1434 году он еще раз захватывает Москву, но через два месяца умирает.

Остаются его сыновья. В 1436 году сын Василий Юрьевич потерпел жестокое поражение, был захвачен в плен и ослеплен (отсюда прозвище Косой). Другой сын — Дмитрий Шемяка — продолжает борьбу.

В 1446 году ему удается захватить Василия Васильевича во время моления в Троице-Сергиевом монастыре и ослепить. Княжич Иван, будущий государь всея Руси, которому в ту пору едва исполнилось шесть лет, был свидетелем захвата отца, и лишь верные князю люди сумели спрятать его и спасти от неволи, а быть может, и от гибели.

В таких условиях формировался характер и мировоззрение княжича Ивана. С раннего детства он привык видеть себя в окружении врагов, в центре кровавых интриг, порождаемых удельно-княжеской системой.

Дмитрий Шемяка засел в Москве «великим князем», но вскоре был изгнан, хотя еще долго продолжал борьбу за престол. В 1453 году он скоропостижно скончался в Новгороде. Некоторые летописи передают «людскую молву», будто бы от отравы умер Шемяка, а привез ее в Новгород великокняжеский дьяк Стефан Бородатый. Он якобы подкупил повара Шемяки, «именем Поганку», и тот дал своему господину «зелье в куряти». Так завершается цепь преступлений, тайных и явных, в борьбе за московское наследство.

Княжич Иван становится сначала соправителем при слепом отце, а затем и полноправным великим князем с уже сложившимся мировоззрением: он — непримиримый враг феодальной раздробленности, удельного сепаратизма, создатель новой государственной системы.

Важнейшие события его правления: присоединение к государству Московскому земель Новгородских, Вятских, Пермских, Тверских, Ярославских, Рязанских, а также ряда западнорусских земель, ранее завоеванных Литвой (Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, Гомель и др.), окончательное освобождение от татаро-монгольского ига, брак с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, что фактически сделало Москву воспреемницей центра православия. Так складывались основы единой державы, или самодержавия, на Руси. Московское княжество становится великорусским государством. С Ивана III слово «самодержец» официально введено в постоянный титул московского государя и освящено церковным обрядом, благословением духовной власти.

Слово «самодержец», как отмечает В.О.Ключевский, стало входить в московский официальный язык, когда с прибытием «царевны царегородской» Софьи к московскому двору начала пробиваться мысль, что московский государь и по жене, и по православному христианству есть единственный наследник павшего цареградского императора, который считался на Руси высшим образцом государственной власти, вполне самостоятельной, независимой ни от какой сторонней силы. Самодержец, по определению В.О.Ключевского, входит в московский титул одновременно с царем, а это означало, что московский государь уже не признавал себя данником татарского хана. Первоначально словом «самодержец» характеризовали не внутренние политические отношения, а внешнее положение московского государя, под этим словом разумели правителя, не зависящего от посторонней, чуждой власти, самостоятельного; самодержцу противопоставляли то, что мы назвали бы вассалом, а не то, что на современном политическом языке носит название конституционного государя. Так и смотрели на московского государя современники Ивана III: они видели в нем «русских земель государя», независимого главу православного русского христианства¹.

Принцип самодержавия лег в основу развития международных связей государства Российского. Уже при Иване III устанавливаются дипломатические отношения с папской курией, Германией, Венгрией, Молдавией, Турцией, Ираном, Крымским ханством.

Однако, как указывает В.О.Ключевский, несмотря на многостороннее развитие дипломатических сношений московского двора со времени Ивана III, «долго не заметно особого заведовавшего ими учреждения: их вел непосредственно сам государь с думой»².

Отдельное государственное учреждение, ведавшее вопросами внешней политики, было создано только при Иване IV Грозном. В архивах Министерства иностранных дел России сохранился доку-

мент, точно указывающий, когда дипломатические дела, входившие сначала в ведомство казначея, были выделены и поручены особому делопроизводителю, что и послужило основанием Посольского приказа: «В 1549 г. приказано посольское дело Ивану Висковатому».

Висковатый до того времени уже участвовал в дипломатических делах, в 1542 году писал «перемирную грамоту» с Польшей. Теперь же он играет главенствующую роль в сношениях с иностранными представителями, приезд которых в Московию заметно участился во второй половине XVI века.

Особенно интересны необычные обстоятельства установления дипломатических отношений между Россией и Англией. Весной 1553 года из устья Темзы вышли три корабля, снаряженные британским «Обществом купцов-странствователей» на поиски северного морского пути в Китай и Индию. После шестимесячного плавания корабли, потрепанные штормами, оказались у северных берегов русской земли, которая в то время на протяжении многих сотен верст была необитаемой. Два корабля погибли во льдах. Третий из них, «Эдвард Бонавенчер», под командованием Ричарда Ченслора достиг устья Северной Двины, где впоследствии был построен первый российский порт Архангельск, знаменитый своей торговлей, а тогда приютилась маленькая бедная рыбацкая пристань возле старинного монастыря Михаила Архангела.

Несмотря на явную «близость к Богу», ничто в этой крохотной деревушке не говорило о близости властей. И, тем не менее, «система оповещения» сработала на редкость безукоризненно: о прибытии иностранцев тут же стало известно в ближайшем административном центре, и тамошний воевода радушно принял незваных гостей. А вскоре Ченслора приглашают в Москву к самому царю. Одновременно двинский летописец довольно подробно заносит в свои «анналы» рассказ о приезде в Холмогоры на «малых судах» посла «Рыцарта» (Ричарда Ченслора) от «аглинского короля Эдварда» с гостями³.

Сохранилось письменное свидетельство и самого Ричарда Ченслора о приезде в Москву и встрече с Иваном Грозным: «Перехожу к рассказу о моем представлении царю. После того, как прошло уже 12 дней с моего приезда, секретарь, ведающий дела иностранцев, послал за мной и известил меня, что великому князю угодно, чтоб я явился к его величеству с грамотами короля, моего государя. Я был очень доволен этим и тщательно приготовился к приему. Когда великий князь занял свое место, толмач пришел за мною во внешние покои, где сидели 100 или больше дворян, все в роскошном золотом платье; оттуда я прошел в зал совета, где сидел сам великий князь со своею знатью... Канцлер Иван Михайлович Висковатый и секретарь стояли перед великим князем. Когда я отдал поклон и подал свои

грамоты, он обратился ко мне с приветствием и спросил меня о здоровье короля... Мое приношение канцлер представил его милости с непокрытой головой (до того они все были в шапках). Когда его милость получил мои грамоты, мне предложили удалиться; мне было сказано, что я не могу сам обращаться к великому князю, а только отвечать ему, когда он говорит с мной».

Судя по всему, аудиенция прошла успешно. Вернувшийся на родину Ченслор весной 1555 года снова отправляется в Москву, чтобы содействовать учреждению постоянной английской торговли с Россией. Этот визит также дал положительные результаты. Окрыленный успехом, Ченслор возвращается домой с богатым грузом на корабле и с первым русским послом на борту — Осипом Непеей. В бурную ночь у шотландских берегов корабль разбился о скалы. Стараясь спасти московского посла, Ченслор погиб вместе с сыном и большей частью экипажа. Непея спасся и был торжественно принят в Лондоне, где местные купцы устроили в его честь настоящий праздник. Известие об этом событии сохранилось в английских хрониках. Русские летописи того времени также повествуют о том, что Осип Непея был с почетом принят английским королем «в большом своем городе в Луньском» (Лондоне) «да отпустил с Непеею мастеров многих, докторов и злату и серебру искателей и делателей, и иных многих мастеров, и пришли с Непеею вместе»⁴.

Есть немало и других примеров расширения международных контактов России в этот период. Томас Хернер, прибывший в Москву в декабре 1557 года в составе посольства магистра Ливонского ордена, в своих записках вспоминал: «Фриц Гросс и Мельхиор Гротгаузен отправились в замок (по всей видимости, имеется в виду Кремль) просить канцлера (Ивана Михайловича Висковатого), чтобы исходатайствовал нам аудиенцию у великого князя...»

Как видно из примеров, с созданием Посольского приказа Москва налаживает довольно широкие дипломатические связи. Тот же Ченслор вспоминает: «В то время, когда я был в Москве, великий князь отправил двух послов к королю Польскому по крайней мере при пятистах всадниках; они были одеты и снаряжены с пышностью свыше всякой меры — не только на них самих, но и на конях были бархат, золотая и серебряная парча, усыпанная жемчугом...»

Все это делалось, конечно, с определенным умыслом: продемонстрировать за рубежом богатство и мощь государства Российского, поднять его международный престиж.

Но не только эту цель преследовал Иван Грозный. Ему хотелось знать и о том, что происходит в зарубежных государствах. Причем его интересовала информация не только официальная, но и, так сказать, «подспудная», секретная.

Сохранилось любопытное письменное свидетельство некоего Михалона Литвина о делах того времени. Вот что он пишет:

«У нас [в Литве] большое число московских перебежчиков, которые, разузнав наши дела, средства и обычаи, свободно возвращаются к своим, пока они у нас, тайно передают своим наши планы... Между московскими перебежчиками, которые в темные ночи убивали людей в Вильне и освобождали пленных своих земляков из темниц, был один священник, который посылал князю своему с договоров, указов и других бумаг, тайно добытых в королевской канцелярии, копии... Хитрый этот человек [Иван IV] назначил награду возвращавшимся перебежчикам, даже пустым и бесполезным: рабу — свободу, простолюдину — дворянство, должнику — прощение долгов, злодею — отпущение вины...»⁵.

Видно, Грозный внимательно прислушивался к перебежчикам, очень ценил разведывательную информацию, помогавшую ему правильно ориентироваться в вопросах внешней политики, жаловал даже тех, кто возвращался «пустым и бесполезным» (на всякий случай, на перспективу), не говоря уже о тех, кто приносил настоящие секретные сведения из-за рубежа. Жаловал щедро, по-царски. Далеко смотрел Иван, мечтал утвердиться на Балтике, выйти дальше на Запад, даже породниться с английской королевой Елизаветой I или хотя бы с ее племянницей Мэри Гастингс.

В 1565 году на территории Кремля строится отдельное учреждение, которое в различных документах того времени именуется Посольной палатой, Посольской избой или Посольским приказом. «Но оно остается очень близким к государю учреждением, — отмечает В.О.Ключевский, — как бы его собственной канцелярией по иностранным делам: выезжая из Москвы, царь берет с собой его или, скорее, его отделение вместе с управляющим им дьяком. Из описи царского архива времен Грозного и из посольских книг его отца и деда видно, что при московском дворе еще до Ивана III накопился значительный запас дипломатических бумаг, потом все более увеличивавшийся; эти бумаги хранились в ящиках, которые по роду дел назывались «немецким», «волошским» или обозначались именами дьяков, при которых велись дела. Уже при деде Грозного в конце XV века дипломатические документы передавались казначею для хранения в его приказе вместе со всякой домовою казною государя. С этим в связи надобно поставить и то, что в конце XV и во весь почти XVI век дипломатические поручения очень часто возлагались на казначеев... Другим важным дельцом по дипломатическим делам является в XVI веке печатник (т.е. хранитель царской печати). Этим объясняется тесная административная связь двух столь различных учреждений, как Казенный двор и ведомство иностранных дел».

Итак, процесс создания и становления централизованных государственных структур, начатый при Иване III, оставался еще в зачаточном состоянии и через сто лет, при его внуке Иване Грозном. При нем оформился Посольский приказ, но еще не было дипломатов-профессионалов. Дипломатические и разведывательные задания выполнялись одними и теми же людьми, разницы не было. А назови их казначеями, печатниками — это не важно. Чаще всего это были люди разносторонние, крупные личности, выдающиеся фигуры своего времени, о которых мы расскажем в последующих очерках.

¹ См. Ключевский В. Боярская дума древней Руси. — М., 1909. — С.248.

² Там же. — С.163.

³ См. Летопись Двинская. — М., 1889. — С.10 —13.

⁴ ПСРЛ. — Т.ХIII. — С.-Пб., 1904. — С.286.

⁵ Иностранцы о древней Москве. — М., 1991. — С. 94.

3

Судьба царского любимца

Нелегко складывались судьбы многих российских разведчиков. Несмотря на большие заслуги перед Отечеством, многие из них подверглись необоснованным репрессиям, знакомым современному читателю по 30-м да и более поздним годам нашего столетия. Но еще при Иване Грозном была пущена в ход зловещая схема: огульное обвинение в государственной измене — казнь — запоздалая реабилитация. Список жертв открывает имя Ивана Михайловича Висковатого.

25 июля 1570 г. царские опричники вывели на московскую рыночную площадь, прозванную в народе «Поганой лужей», около ста осужденных на смерть. Все они были сановниками — старшие приказные чины, дьяки и подьячие. Всех их Грозный заподозрил в измене и заговоре против трона. Палачи разожгли огромный костер, повесили над огнем чан с водой, соорудили распятия. Грозный появился на месте казни в окружении стрельцов, дал приказ согнать на площадь всех, кто попадет под руку на улицах города. «Поганая лужа» быстро заполнилась народом. Началась церемония казни. Первым был Иван Михайлович Висковатый. Его пытались заставить публично признаться в «преступном заговоре» против царя и просить о помиловании. Но самолюбивый и твердый Висковатый отрицательно покачал головой, произнеся сквозь зубы последнюю фразу: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!». Грозный махнул рукой, и Ивана Михайловича распяли на кресте из бревен, расчленили живого у всех на глазах. Так закончил свой земной путь первый дьяк Посольского приказа, первый руководитель дипломатической службы царя. По свидетельству историков, Грозный любил его «как самого себя».

Что же произошло, какая черная тень легла между ними? Почему царь послал на плаху, по словам польского историка А.Гвань-

ини, «превосходного мужа, выдающегося по уму и многим добродетелям канцлера»?

Ответ на этот вопрос не прост. Умный, грамотный, красноречивый, исполнительный — эти качества, пожалуй, и приглянулись молодому царю, который поручил рядовому, мало кому известному подьячему «ведать посольское дело». Иван Михайлович Висковатый, как никто другой при дворе, умел вникать в тексты посланий царю зарубежных государей и правителей, находить в них межстрочный смысл, интерпретировать содержание с выгодой для царя. А потому еще до создания Посольского приказа Грозный направлял Ивану Михайловичу все заморские бумаги со своими указаниями.

И Висковатый готовил проекты ответов, оценивал складывающуюся обстановку, планировал дальнейшие действия, причем делал это весьма профессионально, с большим знанием дела и широкой эрудицией. Став во главе Посольского приказа, Иван Михайлович, как и подобает мудрому государственному мужу, прежде всего направил свое усердие на создание единого Царского архива, в который вошли рукописные своды и государственные бумаги московских великих и удельных князей, вся документация внешнеполитического характера и различные следственные материалы, хранившиеся до этого в «ларцах текущей документации», принадлежавших отдельным великокняжеским дьякам. Общаясь по долгу службы с иностранными послами, Висковатый постоянно заглядывал в материалы созданного им документального хранилища, наводил справки, делал выписки, определял характер и содержание оперативной информации, которую следовало бы получить во время бесед в «дьячьей избе» от литовского посланника, ногайского представителя или, скажем, посланца датского короля.

Круг интересов и обязанностей Ивана Михайловича как первого руководителя Посольского приказа был весьма разнообразен. Он ведал перепиской царя и Боярской думы с иностранными послами, решал вопросы, связанные с представлением Ивану IV вновь прибывающих в Москву дипломатов, занимался подбором кандидатов на дипломатическую службу и формированием российских посольств за границей. Архивы сохранили отдельные экземпляры переписных документов с пометками, сделанными лично Висковатым, которого зарубежные современники считали «ничему не учившимся москвитом, подобного которому не было равных в то время в Москве».

Его природные дарования в полной мере испытал на себе английский посланник Ричард Ченслор. После торжественного приема у царя Ченслор вел переговоры о развитии политических и экономических связей между Англией и Россией исключительно с Висковатым, который отлично понимал значение таких связей и

во многом содействовал получению англичанами «льготной грамоты» с различными торговыми привилегиями. В благодарность за это английские власти разрешили русским подданным также бесполошлинно и свободно торговать на территории Англии. Кроме того, была достигнута договоренность о свободном въезде в Россию английских художников, ремесленников, медиков, «рудознатцев» и т.д., что в те времена сыграло заметную роль в сближении между двумя странами.

И.М.Висковатый всячески стремился закрепить достигнутые результаты в развитии русско-британских отношений, направив в Лондон первого русского посла Осипа Непею.

И.М.Висковатый был сторонником выхода России на Запад и поэтому все свое дипломатическое усердие употреблял на то, чтобы выйти к просторам Балтики. А это означало конфликт с Польшей, Швецией, Ливонией, Данией, которые считали этот регион своей традиционной сферой влияния. Понимая это, Иван Михайлович тщательно изучал с помощью специально посланных людей военно-политическую обстановку в Прибалтике, пытался ослабить союз противостоящих России государств, сам лично отправился для ведения межгосударственных переговоров в Данию в августе 1562 года. Висковатый привез в Москву союзный договор с Данией и 20-летнее перемирие со Швецией, что в значительной мере ободрило Грозного в его Ливонской военной кампании, проходившей с переменным успехом.

Нелегко было Висковатому выполнить возложенную на него миссию в Датском королевстве. Король и слышать не хотел о договоре с Москвией. Иван Михайлович понял, что обычными дипломатическими средствами успеха не добьешься. И тогда он прибегнул к другим методам — к тому, что сейчас на профессиональном языке разведчиков называется приобретением «агентуры влияния». Потребовались деньги и недюжинная сила убеждения, чтобы тайно привлечь на свою сторону датских вельмож, оказавших в нужный момент выгодное для Ивана Михайловича влияние на короля. В «датском дипломатическом походе» И.М.Висковатый поставил на карту личный престиж и особое положение царского любимца. И добился своего методами, которые лишь несколько веков спустя получают наименование «разведывательных».

В 1566 году в Москву к царю Ивану IV прибыло великое польское посольство для ведения переговоров об условиях прекращения Ливонской войны. К этому времени военные успехи русской армии в Прибалтике заметно снизились, и поляки воспрянули духом. Они потребовали у России возвращения Смоленска и Полоцка, не желая при этом уступать русским морской порт Ригу. Переговоры застыли на мертвой точке. За дело взялся И.М.Виско-

ватый. Он видел опасность для России в продолжении кровопролитного конфликта и предложил полякам компромисс: он соглашался на перемирие при условии вывода из Прибалтики польских войск и не настаивал на том, чтобы Польша уступила России спорные ливонские города...

Так уж повелось в русской истории, что у мудрых и коварных царей не было недостатка в толковых и знающих дело помощниках. Грозный умышленно то приближал, то удалял от себя способных, самостоятельно мыслящих царедворцев, сталкивал их лбами, чтобы затем по-царски «мудро рассудить». Изнанкой такого политического лукавства была неизбежная вражда претендентов на царские милости. Таким политическим соперником и врагом Висковатого царь сделал окольного А.Ф.Адашева, который внушал царю мысль о прекращении практически выигранной войны с Ливонией и переносе военных операций против Крымского ханства и Турции. Бесспорно, логика в этих военно-политических изменениях была. Русскому государству приходилось воевать на два фронта, а постоянные столкновения на востоке и особенно юге, с Крымским ханством и Османской империей, сильно досаждали царю Ивану Грозному. Русское общество было расколото: придворная знать поддерживала линию Висковатого, рассчитывая на получение поместий на западе и расширение торговли с Англией, Германией, Голландией и другими странами. Группе А.Ф.Адашева оказывало содействие служилое дворянство, особенно воеводы, которые вдоволь натерпелись от постоянных набегов со стороны турок и татар.

Спор Висковатого с Адашевым мог разрешить только царь. Но намеревался ли он это сделать? Сомнительно. И тут вмешался «его величество случай». Ивана Михайловича, слывшего знатоком церковно-учительской премудрости, вовлекли в чисто теологический, церковный спор, связанный с делом о так называемой «ереси Башкина». Суть конфликта состояла в том, что один из видных религиозных мыслителей того времени Матвей Башкин, вопреки канонам православной церкви, стал отрицать божественное происхождение Христа, необходимость церковной иерархии, а святые книги, за исключением Нового Завета, объявил «баснословием». И.М.Висковатый в присутствии царя и бояр выступил против религиозных взглядов Матвея Башкина, но, доказав судьям свою правоту, он явно не сумел убедить в этом Ивана Грозного, который своим иезуитским умом заподозрил лукавство со стороны Ивана Михайловича. Вот уж, поистине: не бойся суда, а бойся судьбы, тем более, если судья — сам царь. По воле Грозного Ивана Михайловича на три года отлучили от церкви. В первый год он должен был стоять около храма и просить входящих помолиться за него; во второй — входить в церковь только для слушания божес-

твенного писания; в третий — находиться в церкви, но без права общения. Дальше — больше. Висковатого постепенно отстраняют от ведения текущей повседневной работы в Посольском приказе, затем и формально лишают должности. А когда Иван Грозный вернулся в Москву после «наведения порядка» в мятежном Новгороде, положение бывшего первого руководителя Посольского приказа стало критическим. Его причислили к группе так называемых «московских заговорщиков» и инкриминировали «заговор» с целью сдать Новгород и Псков полякам; обвинили в тайных изменнических сношениях с турецким султаном и крымским ханом, которым Висковатый якобы «предлагал» Казань и Астрахань.

Иван Грозный быстро «разобрался» с заговорщиками и всех их отправил на эшафот.

Прошло долгих тринадцать кровавых лет после смерти Ивана Михайловича Висковатого. Трудно сказать, какими душевными переживаниями и угрызениями совести мучился Грозный, но, очевидно предвидя неизбежную встречу с Богом, царь решил покаяться. С 1583 года во всех монастырях стали регулярно проводиться «поминаения опальных». И одним из первых в трагический список поминаемых попал Иван Михайлович Висковатый. Более того, доподлинно известно, что Иван Грозный самолично прислал в Троице-Сергиев монастырь 223 рубля и на 23 рубля свечей на «помин души Висковатого». Не зря утверждали историки, что царь любил Ивана Михайловича «как самого себя»...

4

Приказ тайных дел

Царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим за свой в общем-то добродушный характер, был вторым из династии Романовых. Заботясь о собственной безопасности, боясь интриг боярской верхушки, он начал приближать к себе молодых людей из числа «худородных», определяя их на службу в свою личную канцелярию. Тайно от бояр стал давать им секретные поручения. В 1654 году канцелярия была преобразована в Приказ тайных дел.

Известный историк К.Валишевский в книге «Первые Романовы» определял его следующим образом: «Это было нечто вроде тайной канцелярии Людовика XV... Татищев смотрел [на Приказ тайных дел] как на инквизиционный стол... Современные же историки открыли в нем, подобно Костомарову, зародыш будущей тайной полиции... Он [Приказ] входил в область дипломатическую, военную, полицейскую, финансовую и отправлял множество еще других функций, не поддающихся никакой классификации»¹.

Историк М.Н.Покровский дал ему следующее определение: «Почти во главе всего государства был поставлен при Романовых «Приказ тайных дел», и с его легкой руки всякие тайные «канцелярии» и «экспедиции» провожают нас через весь XVIII век. В XIX веке все эти тайные учреждения передаются в руки корпуса жандармов и департамента полиции. Тайный приказ с самого начала, при первых Романовых, был наделен огромными полномочиями. Даже члены Боярской думы, т.е. государственного совета, употребляя позднейшее выражение, в этот приказ не ходили и дел там не ведали. Он был, значит, вне контроля этого московского государственного совета. Он был подчинен непосредственно самому царю, и чиновники его на деле имели больше власти, чем члены Боярской думы»².

История не всегда щедра на документальные источники, особенно в том случае, когда речь идет о тайных делах. Конспирация и секретность — основа разведывательной деятельности. Поэтому исследователи истории разведки неминуемо сталкиваются с большими трудностями при попытке воссоздания структуры, целей и задач разведывательных органов, а также выявления их личного состава на том или ином конкретном историческом этапе. Как правило, нам достаются очень скудные, отрывочные, весьма разрозненные свидетельства, достоверность которых порой приходится ставить под сомнение. Вместе с тем особо важные поручения разведывательного характера были столь деликатны, что, как правило, их отдавали в устной форме.

О Приказе тайных дел, этом дальнем предшественнике российских спецслужб — разведывательной, контрразведывательной, охраны «августейших особ», шифровальной, мы можем судить и по сохранившейся довольно значительной части секретного архива, и по сведениям, полученным в то время от перебежчика. При Алексее Михайловиче бежал за границу один из сотрудников дипломатической службы царя — Посольского приказа. Судя по всему, он имел некоторое негласное отношение и к делам Тайного приказа, был хорошо осведомлен о дворцовых секретах. Кроме того, он выполнял тайные поручения царя.

Как и положено перебежчику, он кормился за рубежом за счет продажи своих сенсационных «откровений». О Приказе тайных дел, в частности, он сообщал: в нем «сидит дьяк да подьячих с десять человек и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные, а в тот приказ бояре и думные люди не ходят и дел не ведают, кроме самого царя, а посылаются того приказу подьячие с послами в государства и на посольские съезды и в войну с воеводами... И те подьячие над послы и над воеводы подсматривают и царю приехав сказывают. А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Подлинные документы Тайного приказа, найденные через полтора года после откровений перебежчика, в общем подтвердили данную им характеристику этого «загадочного» учреждения.

Приказ непосредственно подчинялся самому царю и осуществлял контроль за деятельностью всех государственных учреждений, послов, городских и воевод, вел следствия по важным политическим делам, занимался разведкой, в понятие которой входили тогда не только политические вопросы, но и, к примеру, поиск полезных ископаемых. С 1663 года к нему перешла часть функций Приказа Большого двора по управлению царским хозяйством, охране и обслуживанию царской семьи.

За все время существования приказа должность дьяка, то есть руководителя, в нем занимали четыре человека: Томила Перфильев, Дементий Башмаков, Федор Михайлов и Иван (он же Данило) Полянский. Все они были незнатного происхождения, но по чину приглашались за царский стол наравне с самыми родовитыми боярами. Дьяк Тайного приказа должен был всегда находиться поблизости от царя на случай, если понадобится для какого-либо спешного, секретного поручения. В его обязанности входило организовать тайную охрану, сопровождать царя во время походов и выездов на охоту и богомолье. Дьяк одним из первых встречал иностранных послов при посещении ими Кремлевского дворца и одним из последних провожал их.

Во многих грамотах он именовался дьяком «в государевом имени», так как имел право подписывать указы, исходившие «из его, великого государя, царских палат за его, государскими, тремя красными печатями».

Для работы в Приказе тайных дел отбирались наиболее проверенные и способные, хорошо знающие грамоту, сообразительные подьячие из других приказов. Они проходили специальную школу обучения, созданную при Спасском монастыре. В ней учился, например, Семен Медведев, постригшийся впоследствии в монахи под именем Сильвестра и прославившийся своими литературными сочинениями.

Выполнявшие сложные и щекотливые поручения подьячие Приказа тайных дел получали гораздо большее жалованье, чем служащие других государственных учреждений. Они кормились во дворце и получали значительные суммы на дорожные и всякие иные расходы, связанные с выполнением государевых поручений. На пошив парадной одежды им выдавалось вдвое больше денег, чем, например, подьячим Приказа Большого дворца. По праздникам они щедро награждались.

Работа в этом «спецучреждении» и усердие при выполнении личных поручений царя способствовали успешному продвижению по служебной лестнице. Подьячие Тайного приказа назначались дьяками в другие приказы, а дьяки становились думными дьяками, но и тогда они продолжали оставаться особо доверенными царскими чиновниками и привлекались к выполнению все тех же секретных заданий.

Учитывая деликатность тайных поручений, царь Алексей Михайлович да и дьяк в «государевом имени» предпочитали отдавать их в устной форме. Но если указ отдавался письменно, то его имел право читать только тот, кому он был непосредственно адресован. Прочитав секретное распоряжение, адресат тут же должен был вернуть его посланцу. А если посланец по каким-либо причинам не мог вручить его адресату, то должен был вернуть царю или

своему высшему должностному лицу в нераспечатанном виде. «Прочетчи, пришли назад с тем же, запечатав сей лист», — писал царь в одном из своих указаний.

Выполнив секретное поручение, подьячие Тайного приказа были обязаны немедленно докладывать об этом лично царю. Если же доклад облекался в письменную форму, то излагать на бумаге суть поручения запрещалось. Писали так: «Что по твоему, великого государя, указу задано мне, холопу твоему, учинить, и то, государь, учинено ж».

Когда нужно было доставить особо важное, секретное письмо иностранному правителю, собственному послу или воеводе, царь посылал запечатанный пакет не с обычным гонцом, а с одним из подьячих Приказа тайных дел. При этом подьячему давались дополнительные задания разведывательного характера: разузнать стороной то, что интересовало лично царя, собрать сведения о настроении населения, с некоторыми лицами провести доверительные беседы наедине по вопросам, перечисленным в тайном наказе, составленном лично царем. Нередко подьячим предписывалось скрывать свое истинное место службы и выдавать себя за другого, то есть, прибегая к нынешней профессиональной терминологии, действовать «под прикрытием».

Подьячие Приказа тайных дел и посольские дьяки, ведавшие поддержанием связи с царскими представителями в зарубежных странах, нередко прибегали к зашифрованной переписке. Ключ к расшифровке этих посланий не записывался, его заучивали наизусть. Существовали различные варианты секретного письма, и, как положено по правилам конспирации, никто из подьячих не должен был знать все варианты тайнописи.

Как правило, она составлялась по одному из наиболее примитивных способов зашифровки, получившему название «тарабарской грамоты». Иногда она также называлась «литореей» (т.е. «буквенной», от лат. «littera»). Секрет этого способа в том, что одни буквы подменялись другими. Тайное письмо иногда называлось «затейным». Нередко писцы прибегали к написанию фраз в обратном порядке, составляя своеобразные криптограммы, иногда не дописывали буквы — такой шрифт назывался «полусловицей».

Еще в 1633 году отец первого царя из династии Романовых патриарх Филарет, будучи фактическим правителем России, написал «для своих государевых и посольских тайных дел» особую азбуку и «склад затейным письмом». Сохранился наказ русскому дипломатическому представителю в Швеции Дмитрию Андреевичу Францбекову, из которого видно, что он должен был использовать тайнопись при составлении донесений царю Михаилу Федоровичу. Наказ заканчивался такими словами: «Да что он, Дмитрий, будучи в Свее, по сему тайному наказу о тех или иных о наших

тайных делах и наших тайных вестей проведает и ему о всем писати ко государю царю и великому князе Михайлу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайному наказу закрытым письмом».

Дошел до нас и черновик этого наказа, в котором слово «затейным» зачеркнуто и заменено «закрытым». Тайнопись в России перестала быть затеей и превратилась в одно из средств сохранения государственных тайн.

Царь Алексей Михайлович в своей личной переписке нередко прибегал к «тарабарской грамоте». Шифром обычно писались инструкции подьячим Приказа тайных дел, выезжавшим за границу. Например, подьячему Григорию Никифорову поручалось передать руководителю русской делегации на переговорах с Польшей, А.Л.Ордин-Нащокину написанное шифром предписание царя. Из инструкции Никифорову, исполненной тоже «тайным письмом», видно, что царь был озабочен вопросом, как укрепиться в Ливонии и на Балтике. Царь требует: «Проведать подлинно, сколько ратных людей и каких в Риге и в иных городах по сей стране...». Это уже настоящее разведывательное задание.

В 1673 году к польскому двору был назначен постоянный московский представитель (резидент, как тогда называлась эта должность) полковник Василий Тяпкин. Он находился в пути, когда в Москву пришла весть о кончине польского короля Михаила Корнбута Вишневецкого. Поскольку у короля не было наследников, то в Варшаве должен был собраться сейм для обсуждения вопроса о престолонаследии. Вопрос очень интересовал Алексея Михайловича, так как сейм уже однажды высказался за избрание королем одного из его сыновей. Царский гонец догнал Тяпкина по дороге в Вильню и вручил ему составленную самим государем тайнопись. Ожидания царя не оправдались, королем избрали воеводу Яна Собеского. Тяпкин же продолжал оставаться при польском дворе и в течение пяти лет посылал в Москву составленные «закрытым письмом» донесения. Сохранилось более шестисот листов донесений первого русского постоянного посланника в Польшу к «оберегателю посольских дел» боярину Артамону Сергеевичу Матвееву.

Примечательно, что эта переписка вызвала у Яна Собеского подозрение, что Тяпкин настраивает против него московские власти. Когда Алексей Михайлович умер и Тяпкин со своей свитой явился в королевский замок в черном «жалобном» платье, Собеский гневно высказал ему свое недовольство, упрекая в том, что он писал «ссорные и затейные письма к покойному царю, от которых до сих пор войска наши не соединились и взаимная между нами дружба не могла утвердиться».

Можно предположить, что польским спецслужбам удалось перлюстрировать (т.е. тайно вскрыть) и прочесть секретные письма

русского резидента. Нельзя также исключить, что информация о содержании писем Тяпкина дошла до поляков через агентурные каналы — ведь среди русской верхушечной знати были сторонники сближения с Польшей, представлявшие для польских разведчиков определенную «питательную среду».

Алексей Михайлович вступил на престол, когда в Европе подходила к концу Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.), разделившая страны континента на два противоборствующих лагеря. Каждое из втянутых в этот конфликт государств стремилось в той или иной мере развивать дружественные отношения с Россией, преследуя при этом свои конкретные цели: обеспечение тыла с востока, перераспределение сфер влияния и завоевание новых земель, расширение выгодных условий торговли. Россия, со своей стороны, была заинтересована в росте своего международного престижа. Все чаще в Москву приезжали иностранные представители, а русские послы и купцы, в свою очередь, направлялись в различные зарубежные страны.

Первые шаги были неуклюжими, полными курьезов. Одна из причин этого — отсутствие надежной информации о событиях за рубежом. С этой целью в Москве (уже с 1621 г.) издавались «Куранты» (нем. «couranten» — «текущие известия») — рукописный бюллетень Посольского приказа в количестве двадцати номеров в год. Цель издания — информировать правительство о заграничных событиях. Источником служили в основном польские, немецкие и голландские газеты, другие издания, письма русских людей из-за границы. Об оперативности поступавшей в Посольский приказ информации можно судить хотя бы по такому случаю. В 1656 году стольник И.И. Чемоданов был послан в Италию. Прибыв на место, он вдруг с удивлением обнаружил, что герцог Франциск, которому были адресованы его верительные грамоты, имел уже... третьего преемника. Можно представить себе состояние и посла Потемкина, который рассчитывал на встречу с испанским королем Филиппом IV, но тот не смог принять его, так как... умер два года назад.

Эти первые посланцы были по большей части новички, совсем не знавшие ни обычаев, ни традиций тех стран, которые они посещали, но старавшиеся ввести там чисто «кремлевский ритуал». Во Флоренции стольник Чемоданов и его помощник, дьяк Постников, падают ниц перед государем, целуют ему ноги, после чего они считают себя обиженными, когда, при произнесении имени царя, герцог не отвечает никаким жестом, который свидетельствовал бы об уважении к российскому государю.

Беря с собою, как правило, пышную свиту, многие послы затем попадали в затруднительное положение, не зная, как ее содержать. Дело в том, что на Руси в то время было принято обеспечивать иностранные посольства продовольствием («кормом»), и царские

эmissары, попадая за границу, рассчитывали на взаимность, но часто ошибались. Правда, они брали с собой товары и долю выручки от их продажи тратили на содержание посольства. Это удавалось, хотя и не всегда. «В Ливорно, — пишет К.Валишевский, — Чемоданов выкрутился, продав выгодно шестьдесят орококов! Но потом покупатель заупрямился, так как флорентийцам пришлось не по вкусу произведения «veramente bruttissime» (итал. «ужасно грубые») иноземного колбасника, ввиду чего Чемоданову пришлось выпрашивать у герцога милостыню в 100 дукатов, которые были ему даны с обязательством воздерживаться от нового выпрашивания на итальянской территории».

И, тем не менее, несмотря на казусы, именно при царе Алексее Михайловиче русская дипломатия набирается ума-разума, постепенно приобретает достойный тон и корректный стиль. В «Большой Энциклопедии» так характеризуется этот период: «При Алексее Россия вступила в дипломатические отношения со всем Западом. В 1656 году отправили Чемоданова в Венецию из Архангельска; других посылали просто для разведок во Францию, Испанию, Флоренцию и Рим... Торговые цели сосредоточивались в Англии и особенно в Голландии, где сидел наш постоянный резидент или «комисариус», а политика вела в Вену, Венецию, Швецию и Данию. Это — восточный вопрос или борьба с турками и связь со славянами. Русским вдруг захотелось везде показаться, найти свою выгоду и не зависеть от других. Они собирались даже «ходить кораблями для пряных зелий и овощей», т.е. до Индии. Алексей просил герцога Курляндского продать ему для этого свои суда»³.

Частенько людям Тайного приказа приходилось исполнять и просто прихоти самодержца. Среди уцелевших в архиве царских грамот есть одна, предписывающая астраханскому воеводе князю Одоевскому призывать в Москву «индейских мастеровых людей», умеющих делать и красить «киндяки», то есть всякую легкую ткань. Воевода доносил, что в Астрахани таких людей нет, надо весной послать за море. Но одного все-таки разыскали. Это был «бухарского двора жилец» красильный мастер по имени Кудабердейка.

В ведомстве Тайного приказа числилось два стекольных завода, которые под присмотром выписанных из Венеции умельцев изготовляли скляницы — «венецейки», в том числе потешные стаканы «в четверть ведра и больше» и «царь-рюмку» в сажень величиной.

В тогдашнем подмосковном селе Измайлове царь устроил образцовый питомник, где выращивал русский виноград, дыни бухарские и «трухменские», арбузы, кавказский кизил, венгерские груши и даже пытался сажать финиковые пальмы. Ездившим в Англию послам был дан наказ привезти оттуда «семян всяких».

Как это, на первый взгляд, ни покажется курьезным, но, по существу, эти задания можно считать весьма отдаленным прообразом нынешней научно-технической линии разведки.

Любил царь всякую новинку, диковинку. Тайный приказ строго следил за тем, чтобы купцы — заготовщики всякой снеди — обеспечивали изобилие блюд на царском столе. Оказывается, и это входило в круг обязанностей приказа. Царь был большой жизнелюб. По случаю рождения царевича Петра, например, на царский стол было подано сто двадцать одних только сладких блюд: «коврижка сахарная, большая — герб государства Московского; вторая коврижка сахарная же, коричная; голова сахару большая, расписана с цветом, весом два пуда двадцать фунтов; орел сахарной, большой, литой, белой, другой орел, сахарной же; большой, красной, с державами, весу в них по полтора пуда; утя сахарное, литое ж, весом двадцать фунт; голубь сахарной, литой, весом в восемь фунт; город сахарной — кремль с людьми с конными и с пешими; башня большая с орлом; башня средняя с орлом; город четвероугольный с пушками...»

Всего для царского двора ежедневно требовалось не меньше трех тысяч яств. Приготавливали их пятьдесят девять поваров и ставили на стол на парадных приемах сто восемьдесят три столы и стулья.

Но для кого-то это изобилие было и мукой: прежде чем попасть в царский рот, все это должно было быть проверено и опробовано представителями царской службы безопасности, то есть людьми из Тайного приказа. Причем, не дай Бог, кабы чего не вышло!

В ведении Тайного приказа был и Аптекарский двор. Здесь под надзором подъячих приготавливались лекарства для царской семьи и различные напитки для царского стола: брага и меды, пиво «доброе», морсы ягодные и фруктовые. Там же было налажено производство коричной, анисовой и тминной водки и разных настоек. Виноградные вина — «романея», «малмазея», «кинарея» — закупались за границей. А поскольку функции Приказа Большого дворца были переданы вездесущим спецслужбам, то нетрудно догадаться, что они принимали участие и в этих закупках.

С прихотями царя связаны поручения, которые давались одному из агентов Тайного приказа из числа иностранцев. Его имя — Иван Гебдон. По происхождению англичанин, сначала он выполнял обязанности толмача при английских купцах, а потом остался в России на постоянное жительство. Лично по поручению Алексея Михайловича Гебдон несколько раз ездил в Венецию и Голландию за разными заморскими диковинками. В сохранившейся, к сожалению не полностью, росписи поручений Гебдону, составленной в

Тайном приказе, упоминается, между прочим, и приглашение в Россию мастеров, которые умели бы делать, чтобы «птицы пели на деревьях, так же и люди играли в трубы», и кроме них еще двух мастеров «комедии делать».

Поручение привезти из-за границы двух человек, «которые б умели всякие комедии строить», получил и еще один иноземец — полковник Николай фон Стаден, ездивший в Ригу к «курляндскому Якубусу князю». Он же должен был «навербовать» там и целую труппу актеров. Таким образом, волею царя Тайный приказ невольно оказался у истоков создания российского театра.

После кончины Алексея Михайловича в 1676 году Тайный приказ был упразднен. По вполне понятным причинам среди бояр было немало людей, которые спешили ликвидировать и его архив. Сейчас трудно восстановить, что именно уничтожено. Часть архивных дел была разослана по разным ведомствам, «в которые какие пристойно». Лишь небольшой дубовый ящик с личной перепиской Алексея Михайловича был «внесен вверх», в царские покои, одним из бывших руководителей приказа дьяком Дементием Башмаковым. Он же через некоторое время принес «наверх» мешок с «тайными азбуками» — шифрами.

Петр, став царем, вспомнил об отцовском архиве и велел своему «тайному советнику и ближней канцелярии генералу» Никите Зотову, воспитателю царя, обучавшему его в детстве грамоте, немедленно переписать все оставшиеся от Тайного приказа бумаги и хранить их в своей канцелярии. Впоследствии эти документы оказались в подвалах дома Двенадцати коллегий на Васильевском острове, которые не раз затоплялись во время часто случавшихся в Петербурге наводнений. Лишь в 1835 году правительствующим Сенатом была назначена специальная комиссия по разбору архива. Оказалось, что в подвалах скопилось более двух миллионов дел, многие из которых «по случаю наводнения и от долговременности» пришли в такую ветхость, что «едва ли можно узнать их содержание». Найти среди них все дела Тайного приказа, конечно, не удалось. Многие безвозвратно исчезли, другие настолько истлели, что при первом прикосновении превращались в прах.

¹ Валишевский К. Первые Романовы. — М., 1911. — С. 160,162.

² Покровский М.Н. Избр. произв. — Т.3. — М., «Мысль», 1967. — С.76.

³ См. Большая Энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. — С.-Пб., 1902. —Т.1. — С. 353.

5

«Русский Ришелье»

21 февраля 1672 г. в Крыпецком монастыре Иоанна Богослова, что в 60 километрах от Пскова, местный игумен Тарасий постриг в монахи под именем инока Антония Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина. Так несколько неожиданно завершилась незаурядная служебная карьера одного из самых талантливых и искусных руководителей «царственных и государственных посольских дел» боярина, которого историк В.О.Ключевский назвал «русским Ришелье».

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин родился в 1605 году в дворянской семье в провинциальном городке Опочка. Благодаря своим недюжинным природным дарованиям он быстро осваивал иностранные языки, математику и механику, отличался большой начитанностью не только среди провинциального служивого люда, но и среди столичной вельможной знати. С поляками он легко разговаривал по-польски, с литовцами — на их родном языке. Мог изъясняться и по-немецки, научившись этому языку у заезжего иностранца в Опочке.

Царь Михаил Федорович довольно быстро обратил внимание на яркую личность, ознакомившись с несколькими его «аналитическими работами» по истории и военному делу. Одна из них — о военно-политическом положении Российского государства — приглянулась самодержцу особенно по душе, поскольку в ней впервые была четко сформулирована мысль о том, что Россия должна идти к международному признанию самостоятельным путем, используя в первую очередь свою мудрость и свой исторический опыт.

Когда в условиях надвигающейся войны с Оттоманской Портой и постоянных конфликтов с Речью Посполитой возникла реальная угроза объединенного наступления Варшавы и Стамбула на

Московское государство, царю потребовался человек, который был бы в состоянии объективно оценить сложившуюся ситуацию и дать свои рекомендации по предотвращению внешней угрозы. А для этого нужно было быть поближе к театру военных действий и иметь в пограничных странах надежных друзей, которые могли бы заранее предупредить Москву о надвигающейся опасности. Выбор Михаила Федоровича пал на Ордин-Нащокина.

24 октября 1642 г. Афанасий Лаврентьевич отправился в свое первое заграничное путешествие в молдавский город Яссы. Этот город был выбран не случайно. В нем пересекались многие пути с Востока на Запад: из Оттоманской империи на Украину, в Польшу, в страны Западной Европы. Но главным достоинством Ясс — тогдашней столицы изнемогавшей от турецкого ига Молдавии — была прорусская, доброжелательная атмосфера, которую стремился всемерно поддерживать молдавский господарь Василий Лупу. Это он дал знать царю, что примет и комфортно устроит при своем дворе негласного посланца Московии, определив ему место в своей свите.

Итак, захватив с собой подарки — серебро, шкурки соболей и чернобурых лисиц — Афанасий Лаврентьевич отправился в путь. Дорога была не из легких. Он ехал по пустынной, безлюдной местности, избегая крупных поселений и городов, чтобы не привлекать излишнего внимания к себе и дорогостоящему багажу. Василий Лупу радушно принял гостя. Он выделил ему удобную резиденцию, прислал гардероб национальных молдавских одежд, назначил хорошее «жалованье». Ведь по тайному уговору между российским царем и молдавским господарем было условлено, что Афанасий Ордин-Нащокин поступает на службу к Василию Лупу и будет выполнять его личные указания и распоряжения. В общем, выражаясь современным профессиональным языком разведчиков, молдавский господарь любезно предоставил московскому гостю надежную «крышу», которой он разумно и воспользовался.

Ордин-Нащокин начал с изучения обстановки. Прежде всего государю московскому требовалась информация о планах польского и турецкого правительств и их военных приготовлениях против России. Где ее достать? Нужны были люди, которые знали бы, о чем думают и что намереваются делать правители Стамбула, Варшавы и союзных с ними государств. В те далекие времена такой разведывательной информацией до некоторой степени располагали духовные пастыри — греческие монахи — и странствующие русские и молдавские купцы. И Ордин-Нащокин нашел к ним верный подход: золото и православие. Результат оправдал ожидания. В Москву стали уходить частые доклады и наблюдения об обстановке на российской границе. В одном из них, в частности,

подробно излагалось содержание антирусских выступлений в сейме Польши в 1642 году, в другом — о намерении крымских ханов совершить поход на Москву, в третьем — о коварстве литовских князей и их сговоре против московского царя.

Афанасий Лаврентьевич отлично сознавал, что в лице Василия Лупу он имел не только доброго покровителя и личного друга, но и надежного союзника России, проводника ее политики, защитника ее международных интересов. Поэтому он всегда помогал Лупу в укреплении его авторитета и расширении его влияния, подчеркивал в своих докладах новому царю — Алексею Михайловичу — значение для Москвы личности Лупу и его преданности православию.

Заканчивая свою миссию в Молдавии, Ордин-Нащокин увозил с собой не только приятные воспоминания о Молдавии, но и личное послание В. Лупу московскому царю. В послании, в частности, говорилось: «Где ни услышу де какое дурно к Его царскому Величеству, или што де мне укажет Его царское Величество, и аз де готов ему, государю, головой своей служить».

А тем временем над Россией сгушались тучи большой войны. Речь шла о возможности внезапного нападения объединенных польско-датских вооруженных отрядов, сгруппировавшихся для атаки в западных приграничных районах. И Афанасия Лаврентьевича спешно призвали помочь разузнать о намерениях «супостатов». Ордин-Нащокин не растерялся. «Если в Молдавии мне содействовали духовные иерархи, почему бы и на этот раз не обратиться к ним за содействием?» — рассуждал он. Так, Ордин-Нащокин установил контакт с архимандритом Духова монастыря в Вильно Никодимом и уговорил его разузнать о планах Польши и Дании. Секретный доклад царю был оптимистичен: «Дания не намерена ссориться с Россией из-за неудавшегося сватовства принца Вольдемара к русской царевне Ирине Михайловне — сестре Алексея Михайловича. Поляки в одиночку на Россию не нападут», — сообщил в Москву Афанасий Лаврентьевич.

Царь Алексей Михайлович мог на какое-то время вздохнуть свободно. Но только ненадолго. Другой противник России — Швеция — усиленно готовился к восточному походу. Теперь Ордин-Нащокину судьба уготовила роль своего рода военного разведчика. Он должен был подробно описать царю театр возможных военных операций в Прибалтике. В секретных посланиях в Москву Афанасий Лаврентьевич называл численность шведских вооруженных сил, давал подробное описание состояния дорог и военных фортификаций, рекомендовал наиболее удобные пути передвижения российских войск. Как разумный политик и прозорливый дипломат, он в то же время советовал царю шире применять практику найма на платную военную службу в российскую

армию солдат из числа латышей, что, по его мнению, способствовало бы росту русофильских настроений среди прибалтийского населения.

С 1650 по 1666 год Ордин-Нащокин выступал по указанию царя в различных ипостасях. Он был посредником на российско-шведских переговорах о взаимном обмене пленными: 607 человек были переданы шведам и 462 россиянина вернулись на родину. Но одновременно ему приходилось заниматься и делами, не связанными с внешней политикой, наиболее крупным из которых было подавление вспыхнувшего в Пскове «хлебного» восстания. Суть его возникновения такова. В Москве решили совершить своеобразную «бартерную сделку» со шведами при выкупе пленных россиян. Нам — пленных, им — хлеб. Псковские хлеботорговцы, прослышав про такую комбинацию, немедленно взвинтили цены на зерно, и от этого начало страдать население, которое и взялось за оружие. Ордин-Нащокин через своих личных друзей попытался остудить страсти, но не тут-то было: бунт разрастался в восстание. И все же изворотливый ум нашел выход из положения. Чтобы выиграть время, прибывший в Псков Афанасий Лаврентьевич предложил бунтарям писать челобитную царю Алексею Михайловичу, которую он обещал тут же доставить адресату. Сказано — сделано. Послание бунтовщиков Афанасий Лаврентьевич повез в Москву, и псковитяне стали ждать ответа на свои жалобы. А тем временем Ордин-Нащокин в беседах с царем рекомендовал ему действовать по методу «кнута и пряника», чтобы расколоть ряды восставших и выиграть время. Пряников псковитяне, естественно, не дождались, а вот кнута попробовали вдоволь. Бунт был быстро подавлен подошедшими войсками, но Ордин-Нащокин оказался в большом выигрыше: его обласкал сам царь за хитроумные рекомендации.

Но все-таки душа Афанасия Лаврентьевича больше тяготела к внешней политике. Недаром историки считают звездным часом его дипломатического и разведывательного искусства заключение Андрусовского договора 1667 года между Россией и Польшей, по которому к России вернулись ее исконные территории — Смоленское и Черниговское воеводства, Северская земля. Благодаря этому договору Россия получила тринадцать с половиной лет перемирия с Польшей и право управлять Киевом. Все Запорожье объявлялось совместным владением России и Речи Посполитой «на общую их службу от наступающих басурманских сил». Но главный свой успех Ордин-Нащокин видел даже не в земельных приобретениях, а в том, что ему удалось надолго вбить клин между извечными врагами России — Речью Посполитой и Крымским ханством. Нелестное определение «басурмане» было как бы не-

взначай вставлено в текст Андрусовского договора именно «с подачи» Афанасия Лаврентьевича.

Москва с восторгом встретила посольский кортеж Ордин-Нащокина. По свидетельству историков, весь царский двор собрался в Дорогомиловской слободе, чтобы чествовать триумфатора. Это произошло 1 февраля 1667 г., а уже через день после прибытия в Москву и доклада государю Ордин-Нащокин «был пожалован в бояре». Он получил также 500 крестьянских дворов в Костромском уезде, вотчину в Порецкой волости под Смоленском с пристанью на реке Касыле, 500-рублевый боярский оклад и атласную шубу на соболях. По специальному указу царя Афанасий Лаврентьевич возглавил Посольский приказ, который тут же принялся усердно расширять. Кадровый аппарат приказа при Ордин-Нащокине практически удвоился. Причем он лично подбирал надежных людей, способных и обаятельных, умевших в личных беседах с иностранцами так ставить вопросы, чтобы на основе ответов можно было загодя составить информацию государю, до того как иностранный посол будет принят в Кремле российским монархом.

Руководитель Посольского приказа, однако, недолго купался в лучах славы и монаршей милости. Он лично на себе испытал справедливость старинной русской поговорки: «Подальше от царей — головушка целей!» Кто-то из завистливых придворных сумел убедить российского государя в том, что Ордин-Нащокин «уж больно рьяно и подозрительно» старается замирился с Речью Посполитой в ущерб сношениям с другими государствами. А тут как раз на имя царя пришла «служебная записка», исполненная рукой самого Афанасия Лаврентьевича. В своем послании царю глава Посольского приказа упорно повторял мысль о необходимости заключения русско-польского союза и даже о возможном возвращении Киева полякам. Эта записка и решила дальнейшую судьбу «русского Ришелье». Его предполагаемая поездка в Речь Посполитую была отменена, и он был лишен звания «оберегателя Посольского приказа». А в конце 1671 года царь и формально принял отставку своего первого дипломата. В присутствии всех своих приближенных царь зачитал указ, в котором говорилось, что он принимает отставку А. Л. Ордин-Нащокина и «освобождает его явно от всей мирской суеты».

Ордин-Нащокин был внешнеполитическим деятелем крупной величины — «наихитрейшей лисицей», по выражению вступавших с ним в переговоры иностранных представителей. «Это был мастер своеобразных и неожиданных политических построений, — писал В.О.Ключевский. — Вдумчивый и находчивый, он иногда выводил из себя иноземных дипломатов, с которыми вел

переговоры, и они ему же пеняли на трудность иметь с ним дело: не пропустит ни малейшего промаха, никакой непоследовательности в дипломатической диалектике, сейчас подденет и поставит в тупик неосторожного или близорукого противника».

У Ордин-Нащокина была своя заветная мечта, которую он пытался осуществить с большим упорством и последовательностью. Он считал первостепенным направить все усилия Российского государства на приобретение «морских пристаней» на Балтике. Но судьба распорядилась иначе: пришлось «бросить якорь» на Псковщине. Время Петра еще не пришло, хотя было уже не за горами.

6

Вор Гришка

26 января 1664 г. шведский представитель в Москве (или, как тогда называли, комиссар) Адольф Эберс в зашифрованном донесении своему королю писал: «Мой тайный корреспондент, от которого я всегда получаю ценные сведения, послан отсюда к князю Якову Черкасскому и, вероятно, будет некоторое время отсутствовать. Это было для меня очень прискорбно, потому что найти в скором времени равноценное лицо мне будет очень трудно».

В одном из донесений на имя короля Адольф Эберс пояснял: «Онный субъект, хотя русский, но... по своим симпатиям добрый швед... обещался и впредь извещать меня обо всем, что будут писать русские послы и какое решение примет Его царское Величество...»

Из этих донесений даже самому неискушенному в делах спецслужб ясно, что у Адольфа Эберса был в Москве ценный агент из числа русских, имевший доступ к секретной переписке царских послов и, по всей видимости, из близкого окружения царя. Такой человек мог быть только из Приказа тайных дел или из Посольского приказа.

Если бы в Москве знали об этих донесениях Эберса, то претателя нетрудно было бы вычислить, зная, где в тот момент находился князь Черкасский. А он вместе с другим царским воеводой, князем Прозоровским, сдерживал в это время стоявшие на берегу Днепра польские войска. Туда же, под Смоленск, к ним прибыли проводить переговоры о мире с Польшей особо доверенный царский воевода Ордин-Нащокин вместе со своим родственником Богданом Нащокиным и подьячим Григорием Котошихиным. А.Л.Ордин-Нащокин — один из наиболее доверенных людей царя — находился вне всяких подозрений, его родственник — тоже. Остается Г.К.Котошихин?

Среди начальства и сослуживцев его не без оснований считали весьма способным молодым человеком с явной перспективой занять высокий пост при дворе. Сам царь благоволил к нему, хотя однажды в сердцах и приказал строго наказать его. То ли по молодости лет, то ли просто в минуту рассеянности допустил он ужаснейшую ошибку: при написании грамоты вместо «великий государь» написал просто «великий», пропустив высочайшее имя! Алексей Михайлович такие промахи не терпел. Дьяку Посольского приказа Ордин-Нащокину, где служил провинившийся, было дано следующее письменное указание: «...Подьячему Гришке Котошихину, который тое отписку писал, велели б есте за то учинить наказание — бить батоги».

У Гришки в душе, конечно, засела обида. Но царь не был злопаятен и вскоре сменил гнев на милость. Буквально в следующем году Котошихин был включен в состав важного посольства, направленного Алексеем Михайловичем в Эстонию для переговоров со шведами.

В Посольском приказе сохранилось письмо, посланное А.Л.Ордин-Нащокиным из занятого русскими войсками Дерпта, в котором он сообщал, что отправил Котошихина в Ревель поторопить шведское посольство поскорее направиться в Москву. Шведы ответили, что выедут без задержки, как только вернется из Стокгольма отозванный туда за инструкциями посол Бенгт Горн. Известно также, что позднее Котошихин беседовал со шведским послом, который пожаловался ему на «небрежность» русских (в грамоте на имя шведского короля был пропущен один из титулов «король лифляндский»), и выразил надежду, что предстоящие переговоры закончатся подписанием мирного договора на вечные времена. Котошихин умолчал о том, что «описка» была преднамеренной, так как русские не считали Лифляндию шведской землей.

21 июня 1661 г. в эстонской деревушке Кардис, расположенной между Дерптом и Ревелем, был подписан наконец договор о перемирии со шведами. Котошихин принимал участие в заключении этого договора.

В августе 1661 года царь посылает Котошихина в Стекольн (так тогда русские называли Стокгольм) с письмом к шведскому королю Карлу XI. Алексей Михайлович просил короля прислать своих посланцев для обмена ратификационными грамотами, подтверждающими одобрение Кардисского договора высшими органами государственной власти. Шведы встретили Котошихина с почетом и отпустили с дорогими подарками.

Договор был вскоре утвержден, и стороны приступили к вопросу об урегулировании взаимных денежных претензий. Переговоры на эту деликатную тему в Москве с царской стороны вел окольный Василий Семенович Волинский, а со шведской — уже известный читателю Адольф Эберс.

Что же подтолкнуло Котошихина на предательство? Может, обида на царя? Среди архивных бумаг Посольского приказа за тот период сохранились ведомости на выплату дьякам и подьячим жалованья. В одной из ведомостей против суммы в «13 рублей» стоит подпись Котошихина и следующее пояснение: «Григорию Котошихину великого государя жалованье на нынешний на 169 год (т.е. на 7169 год по старому или 1661 год по новому летосчислению)».

Тринадцать рублей за год службы — не очень-то жирно. В то же время Эберс в одном из сообщений королю докладывал, что заплатил своему источнику за ценную информацию целых сто червонцев! Не в материальной ли основе заключался тайный корыстный умысел предательства?

Может быть, и так. Тем более, что по возвращении из Кардиса Котошихина ждали в Москве неприятности: он узнал, что его отец, монастырский казначей, был обвинен в растрате. История эта осталась довольно темной. Известно, в частности, что за долги отца у Котошихина отобрали дом со всем добром. А потом проведенным расследованием выяснилось, что растраты вроде бы никакой и не было: в монастырской казне не хватало пяти алтын, всего пятнадцати копеек. Но отобранное в казну имущество Котошихину так и не вернули.

Вполне вероятно, что допущенная несправедливость могла вызвать в нем озлобленность, хотя все эти неприятности не отразились на служебной карьере Котошихина. Он продолжал пользоваться доверием и продвигаться по службе. В 1663 году он получал уже тридцать рублей, а Эберс, как выяснилось позднее со слов самого Котошихина, заплатил ему не сто червонцев, а только сорок, ловко прикарманив остальные...

Последняя запись, внесенная в 1665 году в ведомости на выплату жалованья дьякам и подьячим Посольского приказа, гласит: «В прошлом во 172 году Гришка своровал, изменил, отъехал в Польшу. А был он в полках бояр и воевод князя Якова Куденетовича Черкасского с товарищи». Что именно «своровал» Гришка и своровал ли действительно — установить сейчас не представляется возможным, каких-либо конкретных документов или свидетельств на сей счет не обнаружено. Однако сохранилось прошение самого Котошихина на имя шведского короля Карла XI с просьбой предоставить ему убежище и работу в Швеции.

Котошихин объяснял причину своего поступка так. Он действительно был с Ордин-Нащокиным у князя Черкасского, готовя проведение мирных переговоров с поляками. Поляки оказались неуступчивыми. Тогда князь Черкасский решил воздействовать на них силой и перешел в наступление, но был отброшен с большими потерями и отозван в Москву. Вместо него царь направил своего

любимца князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Однако и ему не удалось добиться успеха. Тогда Долгорукий решил прибегнуть к интригам: пытаясь возложить всю вину за провал переговоров на своего предшественника, он якобы обратился к Котошихину с требованием сочинить царю донос с обвинением князя Черкасского в том, что он «сгубил царское войско». За это он посулил подьячему повышение в должности и возврат имущества, конфискованного в казну в связи с делом отца. Как признавался Котошихин в письме шведскому королю, он предпочел бежать в Польшу, опасаясь своим отказом навлечь гнев нового воеводы.

Котошихин предложил свои «услуги» польскому королю Яну-Казимиру, и тот назначил ему жалованье — сто рублей в год — в три раза больше, чем тот получал в Москве, и велел ему «быть при его милости канцлере литовском». Котошихин явно набивал себе цену и упрашивал Яна-Казимира оставить его при своей особе. Он выражал готовность давать королю «полезные» советы, от которых даже «к способу в войне будет годность». При этом он ставил условие, чтобы поляки информировали его о том, что делается на границах и «что делается на Москве и меж Москвою и шведами, также и на Украине и меж татарами». Котошихин хвастался, что, будучи в Москве в Посольском приказе, он крепко дознался к тем «вестовым делам».

Перебежчик также предлагал польскому королю свои «изобретения» в военном деле: изготовление таких рогаток¹, которые будут «лутче и легче московских», а также способ «разрывать московские рогатки». В конце прошения он сетовал на то, что не был допущен «дойти к Королевскому Величеству поклонитца», и просил о разрешении свободного доступа к королю.

К просьбам и предложениям перебежчика Ян-Казимир отнесся прохладно. То ли настойчивость и чрезмерная угодливость предателя вызвали у короля естественную подозрительность, то ли устремление Котошихина прорваться лично к королю показалось слишком дерзким, но что-то вызвало обратную реакцию, и Ян-Казимир так и не допустил его до собственной персоны.

Котошихин разобиделся и махнул в Пруссию, а оттуда в вольный немецкий портовый город Любек. Там он случайно встретил бывавшего в Москве иностранца Иоганна фон Горна, тайного агента царя Алексея Михайловича. Котошихин был знаком фон Горну как подьячий Посольского приказа. Ничего не зная о его измене, фон Горн доверился предателю и просил переслать царю секретное сообщение о том, что собирается направить в Москву одного полковника, якобы хорошо осведомленного о военных планах шведского короля.

Воспользовавшись неосторожностью фон Горна, предатель, конечно же, спешно предпринял попытки связаться со шведскими

властями, чтобы как можно выгоднее запродать попавшую неожиданно прямо ему в руки ценную информацию лично Карлу XI, а заодно и добиться его расположения. На первом же попутном корабле он направился в Нарву, где в те времена была резиденция Якова Таубе, шведского генерал-губернатора Ингерманландии (область по берегам Невы и Финского залива, которая в 1583—1595 и в 1609—1702 гг. находилась под властью Швеции).

Дальнейшая судьба Котошихина подробно прослежена по документам шведских архивов. Оказывается, в Нарве он встретился с еще одним перебежчиком — купцом Кузьмой Овчинниковым, о личных качествах которого достаточно красноречиво свидетельствует следующая сохранившаяся в шведских архивах запись: «В Новгороде он набрал у одного купца товару на шестьдесят любекских ефимков и, не заплатив ни гроша, скрылся». Через этого афериста Котошихин передал Якову Таубе свое прошение на имя шведского короля.

В прошении, лгливо называя малолетнего Карла «великодушным славным государем», перебежчик сообщает, что желание послужить его королевскому величеству возникло у него еще во время поездки в Стокгольм с царским письмом. Поэтому, вернувшись в Москву, он вступил в тайную связь с Эберсом и передал ему текст царской инструкции русским послам. «За это комиссар подарил мне сорок рублей», — признается он, не ведая, конечно, подробностей переписки Эберса с королем.

Таубе, встречавшийся с Котошихиным в Стокгольме, знал, с кем имеет дело, и немедленно направил его прошение королю, присовокупив при этом, что русский подьячий якобы был захвачен поляками и бежал из плена. Нет сомнения, что эта версия была придумана самим Котошихиным.

Пока в Стокгольме рассматривался вопрос о дальнейшей судьбе перебежчика, в Москве получили сведения о его пребывании в Нарве. К Якову Таубе был направлен личный представитель новгородского воеводы князя В.Г.Ромодановского стрелецкий капитан Иван Репнин с требованием выдать царским властям Котошихина, «учинившего измену и предавшего польскому королю». Воевода в своем послании ссылался на 21-й пункт Кардисского договора, хорошо известного Котошихину, обязывающего обе стороны выдавать беглых и пленных. Князь требовал «вышереченного изменника и писца Гришку прислать ко мне с конвоем в Великий Новгород».

Из послания князя Ромодановского шведский генерал-губернатор понял, что русской разведке удалось получить достаточно веские доказательства пребывания Котошихина в Нарве, поэтому отрицать этот факт было просто бессмысленно. Тогда Таубе решил прибегнуть к другому ходу: в ответном послании он уверял, что

беглец «прибыл сюда, в Нарву, гол и наг, так что обе ноги его от холода опухли и были озноблены, и объявил, что желает ехать назад к своему государю, но по своему убожеству и наготе никуда пуститься не может». Таубе сообщал, что якобы приказал дать Котошихину одежду и пять риксдалеров² «для продолжения обратного пути к Царскому Величеству». В качестве реакции на послание Ромодановского генерал-губернатор заверил воеводу, что лично отдал приказ о немедленном розыске беглеца, и предложил Репнину выделить одного из своих стрельцов для участия в поисках.

Поиски, естественно, не дали результатов. Хозяин дома, где останавливался Котошихин, показал, что тот якобы несколько дней назад отправился в Псков к тамошнему воеводе и своему бывшему начальнику Ордин-Нащокину.

Встревоженный Котошихин тем временем продолжал упрашивать шведов усилить его «подальше от Отечества». На всякий случай он предусмотрел и отходную: просил держать в секрете все перипетии его домогательства шведского гражданства на случай, чтобы он мог «безопасно ехать в Москву».

Но отходной вариант не пригодился: «знакомый с тайнами Московского государства» угодливый подьячий пришелся на сей раз ко двору. Государственный совет Швеции, фактически управлявший страной до совершеннолетия короля, заслушал прошение Котошихина и «признал за благо» доставить его в Стокгольм, чтобы на месте удостовериться, «каков он в самом деле». 24 ноября 1665 г. Карл XI подписал специальный указ камер-коллегии «о некоем русском Грегори Котосикни», гласивший: «Поелику до сведения нашего дошло, что этот человек хорошо знает русское государство, служил в канцелярии великого князя и изъявил готовность делать нам разные полезные сообщения, мы решили всемиловнейше пожаловать этому русскому двести риксдалеров серебром». Одновременно Таубе было направлено распоряжение о принятии Котошихина на королевскую службу.

Судя по хранящимся в Стокгольмском архиве документам, перебежчик прибыл в шведскую столицу под именем Иоганна Александра Селецкого. Он снова, как и в Польше, желает видеть самого короля. В челобитной, поданной в Государственный совет, он заявляет: «Живу четвертую неделю, а Его Королевского Величества очей не видел...» Напоминает, что живет в «Стекольне» без дела, просит, чтоб ему «какая служба была учинена», а заодно просит пожаловать казенную квартиру и харчи. 28 марта король пожаловал «поступившему на шведскую службу и обязавшемуся быть нашим верноподданым, бывшему русскому писцу Иоганну Александру Селецкому сто пятьдесят далеров серебром на прокормление и содержание, а также на обзаведение в здешнем краю».

Осенью того же года был подписан еще один королевский указ о назначении ему жалования в сумме трехсот далеров серебром в год, «поелику он нужен нам ради своих сведений о Русском государстве».

Облагодетельствованный беглец, стремясь поскорее заслужить доверие новых хозяев, обращается с благодарственным письмом «к всемогнейшему и высококороченному государю Карлусу», не забывая назвать его и владыкою лифляндским, зная, как шведские вельможи ревностно реагировали на отсутствие этого титула в царских грамотах. Письмо заканчивалось клятвенным заверением служить королю «до смерти своей без измены», а ежели что не так, то «достойн смертной казни безо всякой пощады». Письмо подписано русскими инициалами «Г.К.К.» и латинскими буквами «Иоганн Александр Селецкий».

Мог ли лицемерный беглец подозревать, что в скором времени его действительно ждет смертная казнь?

Пока такого трагического поворота судьбы ничто не предвещало. Он был зачислен в штат чиновником архива и поселился в южном предместье Стокгольма у служившего в том же архиве переводчика русского языка Даниила Анастасиуса. Здесь-то он и писал свое сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича».

...10 сентября 1667 г. в суд низшей инстанции южного предместья Стокгольма явилась молодая взволнованная женщина, назвавшая себя Марией да Фаллентина. Она рассказала, рыдая, что ее жилец по имени Иоганн Александр Селецкий две недели назад, придя домой пьяным, бросился с ножом на ее мужа, королевского переводчика Даниила Анастасиуса, и нанес ему несколько ран, от которых муж спустя две недели скончался. Ее самой не было дома. Прибывшая на крик свояченица попыталась уговорить Селецкого, но тот ударил и ее кинжалом в грудь. «Неизвестно, останется ли она жива», — добавила женщина.

Кроме показаний о совершенном Котошихиним убийстве сохранился еще один документ — прошение вдовы о возмещении причиненного ущерба. Она обратилась в суд с просьбой помочь ей получить с убийцы плату за стол, комнату и постельное белье, которыми он пользовался больше восьми месяцев, так как ей не на что похоронить мужа. «Все мои сбережения ушли на содержание этого жильца, требовавшего, чтобы всего было вдоволь», — заявила она.

Суд южного предместья передал дело в городской суд, где оно слушалось 11 и 12 сентября 1667 г. Суд вынес приговор: «Поелику русский подьячий Иван Александр Селецкий, называющий себя также Григорием Карповичем Котошихиним, сознался в том, что он 25 августа в пьяном виде заколол несколькими ударами кинжа-

ла своего хозяина Даниила Анастасиуса, вследствие чего Анастасиус спустя две недели умер, суд не может его пощадить и на основании божеских и шведских законов присуждает его к смерти. Вместе с тем суд передает это свое решение на усмотрение высшего королевского придворного суда».

Решение королевского суда по делу Котошихина найти не удалось — оно сгорело во время пожара. Однако протоколы заседания Государственного совета от 21 октября 1667 г. свидетельствуют, что вынесенный приговор был утвержден. На этом заседании один из присутствовавших спросил, когда будет казнен русский канцелярист. Ему ответили: в среду. Государственный канцлер граф де ла Гарди интересовался: где будет анатомировано тело казненного — в Стокгольме или Упсале? Кто-то высказал мнение, что это должен сделать в Стокгольме прибывший из Упсалы знаменитый шведский хирург Олаф Рудбек. Член Государственного совета Петр Браге возражал, опасаясь, что вся эта история вызовет недовольство в России. Он сослался на уже имевшее место разговору с только что прибывшим в Стокгольм русским послом Иваном Леонтьевым, который узнал, где находится Котошихин, и настойчиво требовал его выдачи. Послу на это ответили, что последнее преступление Котошихин совершил в Швеции, поэтому здесь и должен быть наказан. На следующий день при вторичном обсуждении вопроса г-н Браге заявил: если русский посол пожелает, ему будет предоставлена возможность удостовериться в том, что приговор приведен в исполнение.

Последнее свидетельство о судьбе беглого подьячего сохранилось в приходно-расходной книге стокгольмской канцелярской коллегии за 1667 год. В ней отмечено, что в связи с казнью Селецкого причитающееся ему жалованье поступило в доход казны. 8 ноября 1667 г. коллегия вынесла решение о назначении вдове убитого переводчика Анастасиуса ежегодного пособия в сумме восьмидесяти четырех с половиной риксдалеров серебром из жалованья Селецкого.

Сохранились любопытные подробности о судьбе останков казненного Котошихина. Об этом своя история. В 1837 году русский ученый Сергей Васильевич Соловьев, проводя отпуск в Швеции, решил поискать в местных библиотеках и архивах древнерусские рукописи. Среди прочих интересных материалов его внимание привлекла старинная рукопись на шведском языке «О некоторых русских обычаях». Это было сочинение Григория Котошихина, переведенное на шведский язык Олафом Боргхузенем. В предисловии к переводу Боргхузен дает краткий биографический очерк о Котошихине и, в частности, сообщает, что после казни его тело было перевезено в Упсалу и анатомировано там Олафом Рудбеком. «Утверждают, — пишет Боргхузен, — что кости его до сих пор

хранятся в Упсале, как некий монумент, нанизанные на медные и стальные проволоки».

А может быть, этот скелет используется как наглядное пособие для студентов медицинского факультета старейшего шведского университета в Упсале и в наши дни?

¹ Рогатки, или рогатины, в то время широко использовались в войсках для отражения натиска противника в рукопашном бою, позднее были заменены штыком.

² Риксдалер — старинная шведская серебряная монета, равная (по данным 1704 г.) трем серебряным далерам, или 9 медным далерам, или 96 эре. Риксдалер выпускался до 1873 года и затем был заменен кроной как основной единицей денежного обращения в Швеции.

Ближний боярин Артамон Матвеев

В тринадцать лет Артамон — сын дьяка Сергея Матвеева, выдвинувшегося на дипломатической службе при царе Михаиле Федоровиче, — был взят во дворец. Будучи старше наследника престола царевича Алексея Михайловича на четыре года, он рос и воспитывался вместе с ним. Позднее они даже состояли в некотором родстве. Дело в том, что Артамон Матвеев был женат на Евдокии Григорьевне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, обосновавшегося в России еще при Иване Грозном, а родной дядя царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены Алексея Михайловича, был женат на племяннице Евдокии Григорьевны — тоже из семьи Гамильтонов.

В 1653 году Артамон Матвеев — особо доверенное лицо — направляется Алексеем Михайловичем на Украину для приведения малороссиян, как тогда было принято говорить, в подданство России. В последовавшей за этим войне с поляками он способствовал освобождению Смоленска, начальствовал в битве против поляков при Каменец-Подольском, осаждал Львов и вместе с князем Ромодановским отвоевал Чернигов. Впоследствии он дважды направлялся в Литву и Польшу для конфиденциальных переговоров с гетманом Гонсевским об избрании царя Алексея польским королем. В 1669 году он направляется царем на Глуховскую раду, где успешно отстаивает невозвращение Киева полякам. Позднее Алексей Михайлович назначает его главой двух важнейших царских приказов — Малороссийского и Посольского, из думных дворян жалует в окольничие, а затем и в ближние бояре.

Современники отмечали его особое умение ладить с людьми, не задевать самолюбие строптивых придворных бояр, уходить от конфликта, его верность и преданность Алексею Михайловичу. Но не только это сделало его царским любимцем.

Артамон Матвеев был одним из наиболее видных лидеров нарождающейся новой России. Крупный государственный деятель, выдающийся дипломат, военачальник, разведчик, писатель, историк, основатель русского придворного театра — вот лишь неполный перечень многогранных ипостасей этого человека. Наряду с такими известными деятелями, как Ордин-Нащокин, он входил в образовавшуюся вокруг царя «избранную думу» преобразователей, «западников», людей новых, в основном «худородных», которые служили при дворе своеобразным противовесом родовитым представителям старины. Трудями преобразователей укреплялась государственная система, создавалась дипломатическая служба, значительно расширялись контакты с зарубежными странами, реформировалась армия по западному образцу, все чаще стали говорить о необходимости выхода к морю и создания собственного флота.

Но какое отношение имел Артамон Матвеев к делам государственных тайных служб? Самое прямое. На протяжении всей жизни он, например, был связан со стрельцами: сначала стрелецкий голова, глава московских стрельцов, а потом — и всего Стрелецкого приказа. В обязанности стрельцов входила охрана царского дворца и дипломатического корпуса. Как это выглядело на практике?

При особе государя в качестве телохранителей постоянно находились 200 человек — выходцев из дворянских семей. Ночью подле царской спальни дежурил главный спальничий с одним или двумя приближенными царедворцами. В соседней комнате находились шесть телохранителей, а в следующей располагались еще 40 человек. Кроме того, у каждых ворот и дверей дворца стояли отборные молодцы. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стрелянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищальми и зажженными фитилями — по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства.

Что касается зарубежных представительств, то в Москве их окружали самым пристальным «вниманием». При дверях иностранной миссии ставились «караульщики»; особые «приставники» (т.е. сотрудники службы наружного наблюдения) сопровождали иностранцев, если они выходили в город, что, впрочем, не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходиться к послу и говорить с ним по частным делам. Если кто-то из сотрудников посольства заболел, то к нему не допускались или редко допускались придворные лекари из числа иностранцев (других врачей тогда в Москве не было).

В середине XVII века недалеко от Кремля был построен специальный Посольский двор с просторными сенями, золототкаными обоями и мебелью, покрытой красным сукном. Теперь, как от-

мечал посланец Шлезвиг-Гольштинского двора Олеарий, неоднократно посещавший Москву, послов принимали с большей вежливостью. После первой аудиенции послы со свитой могли без труда выходить из квартиры и осматривать город, даже без провожатых. «Оттого, — отмечал Олеарий, — европейские государи не боятся теперь посылать в Москву послов, а некоторые даже имеют там постоянных резидентов»¹. При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVII века кроме них упоминаются резиденты датский, польский и персидский.

Но до первой аудиенции послов держали по-прежнему в самом строгом заключении. Тот же Олеарий свидетельствует, что, едва гольштинское посольство разместилось в своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов, строго приказав никого не пускать ни со двора, ни на двор!

Одни только пристава приходили к послам каждый день, чтобы развлекать их и справляться, не имеют ли они в чем нужды.

Нужды особой они, по всей видимости, не испытывали, по крайней мере по части съестных припасов. Гольштинскому посольству, свита которого состояла из 34 человек, в Москве ежедневно выдавалось по 62 каравая хлеба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетереву, по 50 яиц, по 10 копеек на свечи и по 5 — на мелочные расходы по кухне, по четверти ведра испанского вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и несколько меньше водки; кроме того, посольским слугам отпускалось по бочке пива, по бочонку меда и по бочонку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, а по воскресеньям прибавляли по 2 барана и одному гусю. В дни прибытия посольства в Москву, а также в дни больших праздников и придворных торжеств содержание посольства удваивалось...

Что касается развлечений, то на сей счет имеется немало свидетельств о том, что пристава были большими мастерами устраивать застолья. Это называлось «поить посла», причем «как можно пьянее». Пили за здоровье великих государей, потом их братьев, сыновей и прочих родственников и важных лиц обоих государств. Известный русский историк В.О.Ключевский так писал по этому поводу:

«Пристава часто вполне достигали своей цели — напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другие важные цели: подпивший посол не раз проговаривался о том, что ему приказано было держать только на уме»².

Справедливости ради надо сказать, что к концу XVII века некоторые варварские обычаи в обращении с иностранными посла-

ми стали постепенно принимать более цивилизованные формы. Подозрительность уже не обнаруживалась так резко, хотя полнотой и не исчезала. По-прежнему зорко следили за тем, чтобы сотрудники посольства не входили в слишком короткие отношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что их могут посещать все, кому будет угодно, но на самом деле устраивали так, что немногим удавалось поддерживать такой контакт на официальной основе. Стража подвергала строгому допросу всех желающих видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника разрешения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтобы не возбудить подозрения при дворе.

Женщинам контакты с иностранцами вовсе запрещались. Например, английский представитель в Москве Карлайль не мог добиться позволения для своей жены видаться с английскими купчихами в Немецкой слободе. Из отряда стрельцов, ежедневно стороживших Посольское подворье, несколько человек размещались по потаенным углам с целью предупреждения и пресечения нежелательных посещений. Есть сведения, что эти стрелецкие добры молодцы не только прятались по темным углам, но и открыто «несли службу» прямо под окнами подворья.

В.О.Ключевский, ссылаясь на свидетельства иностранцев, сообщает о том, что письма, направлявшиеся из-за границы послам в Москву, якобы вскрывались, прочитывались и потом уничтожались. Видимо, нельзя исключать, что в «дипломатической» практике имели место и такие случаи. А если имели, то только с ведома главы Посольского и Стрелецкого приказов ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева.

Были у Стрелецкого приказа и другие функции: участие в сыском деле и пыточных допросах. Приказ тайных дел для удобства царя помещался рядом с его покоями, то есть в верхних кремлевских палатах — «в Верху», как было принято говорить тогда. Поэтому всякие сыски и расследования по подозрению в угрозе государевой безопасности назывались «государевым верхним делом». Попавших под подозрение частенько пытали: тащили в застенок, делали «стряжку» — били кнутом или жгли огнем, а то и на дыбу ставили, чтобы «язык развязался». Вся эта «черная и грязная» работа проделывалась уже не по соседству с царскими покоями, а в Стрелецком приказе.

Способы следствия были настолько жестокими, что многие, «не истерпя пытки», наговаривали на себя, предпочитая невыносимым мукам скорую смертную казнь. Заподозренные в преступлении, пытаясь избежать следствия, нередко кончали жизнь само-

убийством. Поэтому предписания Тайного приказа часто сопровождалась припиской: взятых под стражу «беречь накрепко, чтобы над собой какого дурна не учинили». Охрана задержанных по «государеву верхнему делу» поручалась стрельцам.

Личная причастность Артамона Матвеева к важнейшим государевым делам подтверждается многими примерами. Он, в частности, доказал свою преданность царю в «деле» патриарха Никона, пытавшегося поставить себя выше царя. Известно, в частности, что 12 октября 1667 г. А.С.Матвеев по личному указанию царя выехал для встречи патриархов Александрийского и Антиохийского соборов, прибывших в Россию по делу Никона. В задачи Матвеева входило убедить патриархов в виновности Никона. С подобным поручением царь мог направить только особо доверенное лицо, знающее всю подоплеку дела и обладающее даром убедительной аргументации. Матвеев успешно выполнил эту миссию. 4 ноября патриархи были приняты царем. Во время аудиенции присутствовал стольник, полковник и голова московских стрельцов Артамон Матвеев. Для разбора дела был созван церковный Великий собор, который объявил Никона простым монахом и отправил в заточение в Ферапонтов Белозерский монастырь.

Аналитические способности Матвеева, его умение правильно оценивать ситуацию и прогнозировать ее дальнейшее развитие ярко проявились во время восстания Степана Разина. В челобитных на имя царя в 1669 году он предупреждал, чтобы разинцев не выпускали из Астрахани, иначе к ним присоединятся посадские люди, крестьяне и народы Поволжья, и появится тыл, который будет поставлять оружие, продовольствие и людей для войск бунтовщика. После ареста Разина и его брата в 1671 году Матвеев сообщал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего, была».

В деятельности Артамона Матвеева особенно выделяются события, связанные с Украиной. Именно здесь наиболее ярко проявились его способности разведчика и дипломата. Украина середины XVII века представляла собой сложнейшее переплетение самых противоречивых общественных сил. Представители разных национальностей (украинцы, русские, поляки, литовцы, евреи), разных вероисповеданий (православные, католики, униаты), разных социальных слоев (шляхта, мещанство, казачья старшина и «голоута») находились в постоянном движении, противоборстве. На украинские богатства и земли с известной долей вождения поглядывали из Крыма, Турции, Молдавии, Польши да и со стороны северного соседа. Наибольшие притязания на украинские земли предъявляла польская шляхта.

В это время в казачьей среде появляется новая яркая фигура — Богдан Хмельницкий, человек неизвестного происхождения,

объявивший себя «гетманом» Украины, вступивший в вооруженную борьбу с Речью Посполитой и обратившийся к Московскому царю с просьбой принять его со всем войском казацким в российский подданство.

Царь в ответ направляет на Украину посольство во главе с Артамоном Матвеевым. Задача перед посольством очень непростая. Прежде всего необходимо разобраться, с кем конкретно имешь дело.

Сейчас все кажется очевидным. В Киеве на высоком постаменте стоит огромный бронзовый памятник с гетманской булавой, во время Великой Отечественной войны был учрежден орден Богдана Хмельницкого... Но триста с лишним лет назад было много сомнений. И Артамону Матвееву первому предстояло решить: кто же он, этот новоявленный атаман, — авантюрист или крупная историческая личность?

Были сведения, что Хмельницкий происходит из мелкопоместных дворян. Но эти слухи не подтвердились. Были другие сведения, что отцом «гетмана Украины» был еврей, мясник из города Хмельника в Подолии по имени Берко, крещенный Михаилом. Он поселился в деревне Субботово и содержал там кабак, затем какими-то неведомыми путями Богдан попадает в плен к крымским татарам. Не воспользовались ли крымчаки его пребыванием в плену для обращения будущего гетмана в свою «бусурманскую» веру? Известно было еще и другое: учился Богдан у иезуитов, но, кажется, только в первых классах, хоть вроде бы и освоил латынь... Как же все-таки понимать высказанную в Москве просьбу посланцев Хмельницкого, «чтобы великий государь их пожаловал, для православные христианские веры велел гетмана их со всем войском запорожским принять под свою государеву высокую руку»? Нет ли здесь какого подвоха?

Матвеев уже в пути приступил к выполнению тайного царского наказа. Проезжая по городам и весям, люди Матвеева да и сам посол подробно беседовали с местными жителями. Их интересовал широкий круг вопросов. Много ли войска у гетмана? Есть ли в нем иностранные наемники? Много ли войск крымского хана у гетмана и как они ведут себя на Украине? Хочет ли польский король заключить союз с Хмельницким? Согласится ли на это Рада? Поддержит ли она стремление Хмельницкого воссоединиться с Россией?

Не доверяя полностью Хмельницкому, царский эмиссар хотел понять мотивы, движущие им, особенно интересовался его связями с Речью Посполитой. Известно, в частности, что Матвеев имел тайную встречу с неким монахом Феофилом, который был послан гетманом Потоцким с письмом к Хмельницкому. От Феофила Матвеев узнал, что польские магнаты сильно обеспокоены воен-

ными приготовлениями России. В близком окружении Хмельницкого Матвеев установил доверительные отношения с писарем Иваном Выговским, через которого стало известно о попытках Турции присоединить к себе Украину...

Уже из этих скудных сохранившихся свидетельств вполне ясно, что поездка Матвеева к Хмельницкому и состоявшиеся с ним 4 июля 1653 г. секретные переговоры выходили далеко за рамки ныне принятой обычной дипломатической практики.

Посольство Матвеева подтвердило желание украинского народа воссоединиться с русским. Люди Матвеева собрали важный стратегический материал: «сколько ныне у гетмана полков ратных людей учинено и кто у них полковников имена». Большое значение имела добытая информация о приготовлениях Речи Посполитой, Турции, Крыма к военным действиям против России.

8–9 января 1654 г. в Переяславле состоялась казацкая рада, на которой было торжественно провозглашено воссоединение Украины с Россией. 11 января Артамон Матвеев, присутствовавший на Переяславской раде, направился с отчетом к царю.

После смерти Богдана Хмельницкого на Украине начинается продолжительный период брожения, снова различные социальные и религиозные силы и группировки вступают в междоусобное противоборство. В 1669 году царь Алексей Михайлович назначает Матвеева главой Малороссийского приказа. Историки отмечают, что в период правления Матвеева сведения о внутренних и внешних событиях поступали в основном от многочисленных агентов, специально направлявшихся на Украину. Ими часто были служащие Малороссийского приказа — дяки и подьячие.

В 1673 году Матвеев внимательно следил за отголосками разинского восстания в Запорожье, где действовал некий самозванец, выдававший себя за царевича Симеона, сына Алексея Михайловича. Матвееву удалось подкупить казацкую верхушку и заполучить самозванца. Матвеев принимает личное участие в его допросах и все полученные материалы направляет царю. 17 сентября 1675 г. Матвеев объявляет царский приговор самозванцу: «казнь вершить на Красной площади, четверговать и по колям растыкать...»

Мог ли всемогущий вельможа тогда предчувствовать, что в скором времени его ждет почти та же участь?

После смерти Алексея Михайловича в 1676 году Артамон Матвеев оказался в опале, в ссылке, а затем был лишен боярского чина, поместий и всего имущества. Только в мае 1682 года после смерти Федора и назначения новым царем 10-летнего Петра его мать Наталья Кирилловна Нарышкина, воспитанница Матвеева, принимает срочные меры для его приезда в Москву. Чины, власть и богатство снова возвращаются к нему. Но всего на несколько дней...

Сторонники Милославских — родственников первой жены Алексея Михайловича — поднимают в Москве стрельцкий мятеж. 15 мая стрельцы с пушками двинулись в Кремль, требуя престолонаследия для царевича Ивана и назначения царевны Софьи правительницей до его совершеннолетия. Среди стрельцов распространили слух, что царевич Иван якобы убит. Тогда они потребовали немедленной казни всех Нарышкиных. Вышедшему к толпе Матвееву в какой-то мере удалось утихомирить страсти. Но сторонники Софьи вновь стали провоцировать стрельцов, пугая их расправами в том случае, если они поддадутся уговорам. Отряд стрельцов ворвался во дворец. Артамон Матвеев был схвачен разъяренной толпой, выведен на Красное крыльцо и сброшен на пики.

Так была поставлена последняя точка на периоде правления Алексея Михайловича Тишайшего с его заботами об укреплении авторитета и могущества государства Российского, с его делами, явными и тайными, без которых едва ли стали бы возможны великие преобразования его сына Петра.

¹ В то время резидентами назывались постоянные представители иностранного государства, которые по рангу следовали за послом и посланником. См. Иностранцы о древней Москве. — М., 1991.

² Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1916. — С. 63.

За сотни верст от поля брани

Реформы, начатые предшественниками Петра, приобрели при нем характер крупномасштабных преобразований. Как отмечал В.О.Ключевский, еще с XVII века русское общество начало испытывать воздействие иноземной культуры, богатой опытом и знаниями. Это влияние встретилось с доморощенными порядками и вступило с ними в борьбу, волнуя русских людей, путая их понятия и привычки, осложняя их жизнь, сообщая ей усиленное и неровное движение.

С приходом Петра картина радикально меняется. Бросив споры и сомнения насчет того, опасно или нет сблизиться с Западной Европой, Петр, пишет Ключевский, «вместо робких заимствований предшественников начал широкою рукою забирать практические плоды европейской культуры»¹.

Впервые в политический обиход входит ставшее впоследствии крылатым словцо «догоним». В 1713 году на борту корабля, только что спущенного на воду в Петербурге, Петр, обращаясь к боярам, сказал: «Снилось ли вам, братцы, все это 30 лет назад? Историки говорят, что науки, родившиеся в Греции, распространились в Италии, Франции, Германии, которые были погружены в такое же невежество, в каком остаемся и мы. Теперь очередь за нами: если вы меня поддержите, быть может, мы еще доживем до того времени, когда догоним образованные страны».

Старое родовитое боярство не поддержало Петра, усмотрев в его деяниях «козни немецких рук» или, того хуже, действие нечистой силы — антихриста. Можно на пальцах пересчитать тех, кто из старой московской знати остался при Петре в правительственном кругу: князь Голицыны и Долгорукие, князь Репнин, Шереметев, Бутурлин — вот, пожалуй, и все. Петр чувствовал зыбкость социальной опоры власти и вслед за своим отцом Алексеем Михайловичем

чем начал выдвигать в правящую верхушку людей «худородных», из числа среднего и низшего дворянства, а то и более скромного происхождения (Апраксин, Бестужев, Волинский, Головкин, Толстой, да и сам светлейший — Меншиков). Петр назначал на высшие государственные должности не по роду и титулу, а по способностям и конкретным заслугам. Таковы были первый генерал-прокурор Сената граф Ягужинский, сын выехавшего из Литвы органиста лютеранской церкви, который в детстве, как рассказывали, пас свиней; вице-канцлер барон Шафиров, крещеный еврей, бывший приказчиком в мелочной лавке и даже будто бы дворовым у кого-то в Москве; генерал-полицмейстер новой столицы граф Девьер, приехавший в Россию юнгой на португальском корабле; барон Остерман, сын вестфальского пастора, и многие другие.

В 1705 году в Москве была открыта школа пастора Глюка, взятого в плен русскими войсками при занятии ливонского города Мариенбурга (там у него жила в услужении девица по имени Марта, дочь литовского крестьянина Самуила Скавронского — будущая императрица Екатерина I). Как считают, Глюк был весьма заурядной личностью — обыкновенный лютеранский приходской священник. Но у Петра он пользовался большим авторитетом как выдающийся педагог. При содействии царя он открыл учебное заведение для юношей, преимущественно из дворян. В программу входило обучение иностранным языкам, закону божьему — по лютеранскому катехизису, философии, географии, риторике и, что самое примечательное, политике. Впервые в России политика становится предметом преподавания в учебном заведении.

Наряду с этим молодежь у Глюка обучали искусству, рыцарской конной езде и «поступи французских и немецких учтивств». Петр стремился сделать молодое дворянство проводником западных светских обычаев и приличий в русском обществе. Представители новой властной прослойки толпами направлялись в Лондон, Париж, Амстердам, Венецию учиться мореходству, философии, математике, «дохтурскому искусству». Среди них — и немолодые люди, которым было за пятьдесят, как, например, Петр Андреевич Толстой.

Политика широких международных связей Петра, его войны и завоевания, по меткому выражению В.О.Ключевского, «поставили Россию в новые внешние отношения, втянули ее в международную сутолоку Западной Европы, наделали ей новых друзей и врагов. Россия сделалась органическим членом европейской народной семьи и из равнодушной наблюдательницы западноевропейских движений превратилась в их деятельную, хотя иногда невольную и нежелательную участницу».

Требовалась разработка новой, многоцелевой и очень гибкой внешней политики, новой дипломатической стратегии. А это, в

свою очередь, вызывало большую постоянную потребность в добротной свесременной информации, в том числе и секретной.

В петровские времена в международной практике понятия «дипломат» и «разведчик» были синонимами и означали фактически одно и то же: шпион. В вышедшей в 1716 году в Париже книге некоего Кальера так и говорилось: «Посла называют почетным шпионом; и в самом деле, одна из его главных задач — открывать секреты двора, при котором он находится»². Петру нужно было много послов. Еще в начале его царствования Россия поддерживала постоянные дипломатические отношения с Голландией, Польшей, Швецией, Данией, Австрией, Турцией. Позднее при нем были открыты постоянные представительства во Франции, Пруссии, Англии, Мекленбурге, Гамбурге, Венеции, Курляндии, Бухаре.

Примечательно, что при Петре возникает новая форма представительства России за рубежом — двойное представительство, официальное и тайное. В 1717 году Петр посетил Париж и в результате проведенных им там переговоров вскоре был подписан так называемый Амстердамский договор — союз России, Франции и Пруссии. Петр давно стремился к улучшению отношений с Францией и немедленно после подписания договора назначил в Париж полномочного министра барона Шлейница, бывшего до тех пор представителем России при Ганноверском дворе. Но Петр, по всей видимости, не доверял иностранцу и вскоре направил в Париж поручика гвардии графа П.И.Мусина-Пушкина, которому велено было действовать секретно от Шлейница³. Впрочем, вполне возможно, что в данном случае Петр использовал опыт своего отца, у которого сложилась практика назначения в каждое посольство представителя Приказа тайных дел.

Петр не раз подчеркивал, что является преемником своих предков в области внешней политики. Но эту политику он проводил уже в новых условиях, на более высоком уровне. Петр сохранил Посольский приказ, который позднее был преобразован в Коллегию иностранных дел в связи с общей реорганизацией правительственного аппарата. Сохранил и преемственность кадров (руководители приказа — В.В.Голицын, Е.И.Украинцев и др.). При Петре в 1699 году послом в Голландию был назначен Андрей Артамонович Матвеев (сын последнего руководителя Посольского приказа при Алексее Михайловиче). Андрей Матвеев, едва начав свою дипломатическую карьеру, сразу был назначен на ответственную должность в страну, где перекрещивались внешнеполитические интересы практически всех европейских государств.

Матвеев быстро установил хорошие личные связи с представителями ряда иностранных государств и наладил дело так, что вскоре стал получать от них заслуживающую внимания конфиденциальную информацию. Не обошлось, правда, без курьеза. Молодой

Матвеев проявил столь экстраординарную «прыть», что в том же 1699 году сообщил из Голландии царю о ходе переговоров Е.И.Украинцева с турками быстрее, чем это сделал сам Украинцев из Константинополя.

В 1701 году он получил сведения о тайно готовившейся шведской под прикрытием рыболовства морской экспедиции в Архангельск с целью поджога и разрушения этого города. Информация, получившая подтверждение из других источников, позволила заблаговременно подготовиться к должной встрече «рыбаков» и разгромить агрессора. Петр с восторгом отозвался об этой операции: «Зело чудесно!»

Позднее Матвеев сообщает Петру информацию о принятом в сентябре 1708 года шведским королем Карлом XII тайным решением отказаться от прямого движения его войск к Москве через Смоленск и Можайск и повернуть на юг, на Украину. «Из секрета здешнего шведского министра, — писал Андрей Артамонович в Посольский приказ, — сообщено мне от друзей, что швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял решение идти на Украину». Примечательно, что Андрей Артамонович не просто пересылает полученную им секретную информацию, но прежде сам пытается осмыслить, проанализировать ее, дать в своем донесении соответствующее обоснование ее достоверности. В частности, он указывает на то, что на территории Украины нет «никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами», которые могли бы сковать и задержать передвижение шведских войск. Кроме того, он высказывает предположение о намерении шведов вступить в союз с поляками и крымским ханом, а также использовать часть казачества для выступления против Москвы... Петр прислушался к этой информации.

Нет нужды напоминать читателю о результатах исторической Полтавской битвы, но к именам военных полководцев, обеспечивших победу («и Шереметев благородный, и Брюс, и Боур, и Репнин»), по праву можно было бы добавить и имя Андрея Артамоновича Матвеева, царского посла в Голландии, находившегося в то время за сотни верст от поля брани.

Впоследствии А.А.Матвеев принимает деятельнейшее участие в формировании и реализации курса российской внешней политики в Европе. Используя противоречия между европейскими державами, он сумел удержать правительства Голландии и Англии от помощи Швеции в войне против России, так называемой Северной войне 1700 — 1721 годов. В этом заключается его общепризнанный вклад в историю отечественной дипломатии.

По возвращении в Россию в 1715 году он становится одним из ближайших сподвижников Петра, удостоивается графского титула,

звания сенатора и назначается главным «законником» страны — президентом Юстиц-коллегии. В 1727 году, выйдя в шестьдесят лет в отставку, он в мыслях снова и снова возвращается к временам Стрелецкого бунта, историю которого, связанную с трагической гибелью его отца, он уже давно начал писать, но так и не закончил...

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. — М.: «Наука», 1983. — С.15.

² Молчанов Н. Дипломатия Петра Первого. — М.: «Международные отношения», 1984. — С. 364.

³ См. Отечественная война и русское общество, 1812—1912 гг. — Т.1. — М.: изд.Сьгина, 1911. — С.4.

9

Петр Толстой — «дачных» дел мастер

Слово «дача» сейчас воспринимается однозначно: домик на лоне природы, «вдали от шума городского». Но некогда, в XVII—XVIII веках, в это слово вкладывали совершенно иной, житейский, смысл: взятка, подачка, подкуп.

В международной практике тех дней «дача» была отнюдь не возбраняемым деянием и, более того, часто присутствовала в официальных финансовых документах в качестве самостоятельной, «полноправной» статьи расходов. При Петре I «чрезвычайные расходы» (т.е. суммы на подарки, секретные выдачи, подкуп иностранных дипломатов) в 1710 году составляли, согласно Архивам внешней политики Российской империи, 148 тысяч рублей. К концу царствования императрицы Елизаветы Петровны, через полвека, эта сумма возросла уже до 360 тысяч рублей.

Непревзойденным мастером «дачных дел» своего времени был искусный политик и ловкий дипломат петровских времен Петр Андреевич Толстой. Будучи послом России в Турции, он неизменно прибегал к такого рода «чрезвычайным расходам», добываясь для своей страны информации о военных намерениях турок, оказывая прямое воздействие на представителей османских властей, побуждая их выступать против военных конфликтов с Россией.

Петр Андреевич Толстой был личностью яркой и самобытной. Кто другой проявил бы в тех международных условиях столько настойчивости, изворотливости и хитрости в защите российских национальных интересов? Он умел быть вкрадчивым и суровым, резким и обходительным, действовал напористо и мудро, избегал излишнего обострения ситуации и добивался при этом оптимальных результатов. Сколько ума, выдержки и находчивости приложил Толстой, чтобы предотвратить, скажем, выступление турок против России в наиболее трудный для нее начальный период

Северной войны (1700—1721 гг.), когда военные действия на два фронта могли привести к самым тяжелым и непредвиденным последствиям. Сколько фантазии и политического чутья потребовалось будущему кавалеру высшей награды империи — ордена Андрея Первозванного, чтобы склонить к тайному сотрудничеству многих иностранных политических и церковных деятелей, снабжавших правительство Петра исключительно важной секретной информацией.

В начале 1707 года Толстому удалось, например, через верных людей познакомиться с содержанием писем французского посла в Стамбуле Ферриоля, в которых французский дипломат убеждал турецкие власти в необходимости начала военных действий против России. Значение такого события было трудно переоценить.

Толстой принял вызов француза и своевременно «среагировал» на его закулисные интриги. Среди прочего в дело были пущены сильнодействующие «снадобья»: деньги и подарки. На созванном султаном тайном государственном совещании победила партия мира, искусно поддерживаемая П.А.Толстым. Поход против России не состоялся. Российский посол не без удовольствия отмечал тогда в личном докладе царю, что «подарки французского посла пропали даром, а ему эта операция обошлась лишь в несколько шукрок горностая и четыре пары соболей»¹.

Петр Андреевич Толстой родился в 1645 году. Происходил он из небогатого дворянского рода, близкого к Милославским. Поэтому во время Стрелецкого бунта он был одним из тех, кто распространял слухи о гибели царевича Ивана и призывал к расправе с Нарышкиными, родственниками матери Петра. После прихода Петра к власти Толстой был удален в глубокую провинцию, в Устюг Великий, где и стал воеводой, прослужив там около двенадцати лет.

Трудно сказать, как бы в дальнейшем сложилась жизнь опального воеводы, если бы не визит царя Петра в это «Богом забытое» место. Гром артиллерийского салюта с крепостного вала, организованный в подобной глухомани, обильный ужин и обстоятельная беседа Петра с Толстым, видимо, произвели на царя благоприятное впечатление, и 52-летний воевода обратился к Петру с просьбой разрешить «на старости лет» изучать военно-морскую науку. Царь направил его на учебу в Италию.

Толстой побывал во многих городах Италии, изучил итальянский язык, освоил кораблевождение. Перед отъездом венецианский князь выдал ему специальный аттестат, в котором указывалось, что он освоил множество морских профессий и по своим личным качествам является «мужем смелым, рачительным и способным»².

Толстой вернулся домой человеком с изящными манерами, облаченным в европейское платье, а главное — получившим хоро-

шее по тем временам образование. Но не море стало родной стихией Толстого. Царь нашел ему иное применение.

2 апреля 1702 г. указом Петра I Толстой был назначен послом России в Турцию.

Дипломатическая миссия Петра Андреевича началась в весьма напряженной международной обстановке. Бремя испытаний для России определялось двумя событиями: катастрофическим поражением под Нарвой в ноябре 1700 года и выходом из войны союзницы России — Дании, которая была разбита шведской армией. Положение России усугублялось возможностью нашествия с юга, со стороны Османской империи, чего очень опасались в Москве. Задача русской дипломатии состояла в том, чтобы предотвратить такое нападение.

Царь лично составил для посла в Турцию особое задание, которое иначе как разведывательным не назовешь.

«Необходимо выведывать и описывать тамошние народы; состояние; какое там правление; какие правительственные лица; какие у них с другими государствами будут поступки в воинских и политических делах; какое устройство для умножения прибыли или к войне тайные приготовления, против кого морем или сухим путем; какие государства больше уважают; который народ больше любят», — напутствовал Петр I новоизбранного дипломата. Не забывал мудрый царь и о чисто военной разведывательной информации. «Сколько войска и где держат в готовности, и сколько дается ему из казны; также, каков морской флот, и нет ли особенного приготовления на Черном море... Конницу и пехоту после царской войны не обучают ли европейским обычаям... Бомбардиры, пушкари в прежнее ли состоянии, или учат вновь, кто учит...»

В середине 1702 года русское посольство во главе с П.А.Толстым торжественно въехало в турецкую столицу. Уже в первые часы своего пребывания на турецкой земле Петр Андреевич ощутил настороженное отношение Порты к России. Вместо обычного праздничного кортежа сопровождения Толстой заметил большую группу вооруженных всадников, которые с явным недоброжелательством разгоняли толпу любопытных, наблюдавших за процессией. И это несмотря на то, что русское посольство заранее объявило о своих мирных планах и намерениях, в том числе и о желании заплатить значительную компенсацию Турции за ограбление турецких купцов и торговцев запорожской вольницей.

Толстой не был еще хорошо знаком с местной политической ситуацией, не располагал достаточным числом помощников, на которых можно было бы опереться, информации которых можно было бы вполне доверять. Поэтому в первую очередь нужно было приобрести надежных друзей, в частности Толстой рассчитывал на помощь патриарха Иерусалимского Досифея. Иерусалим на содил-

ся тогда под владичеством Османской империи, и духовная власть Досифея распространялась на все православное население империи. Патриарх и раньше по мере возможности оказывал содействие родственной ему по православной вере Москве. Поэтому одновременно с верительной грамотой посла Толстой вез в своей личной канцелярии и обращение российского руководства к патриарху Досифею. В нем выражалась просьба «дабы к тому послу нашему был еси во всяких приключаяющихся ему делах способник делом и словом, елико возможно». В письме выражалась просьба к Досифею быть послу Толстой «советником и искренним помощником»³.

Досифей имел немало влиятельных и верных друзей не только в отдельных провинциях империи, но и в самой Турции, которые по его просьбе стали оказывать Толстой большую помощь в сборе секретной информации. Именно через одного такого информатора Петр Андреевич узнал, что мать правящего султана не слишком симпатизирует одному антирусски настроенному министру при дворе сына и что за вполне определенную «дачу» готова замолвить «нужное слово» перед султаном. Толстой отсчитал дюжину горностаев и соболей, которыми, кстати, оплачивался и его личный дипломатический труд (из-за отсутствия и в те времена «твердой валюты»). Затем подумал-подумал и присовокупил к ним алмазное перо на шапку да кушак с отделкой из драгоценных камней. Уж больно нужна была помощь престарелой султанши. Вскоре стало известно, что враждебно относившийся к России придворный интриган был казнен...

Вместе с Досифеем в интересах России трудился и его племянник Спидиот. В основном он доставлял секретную переписку, налажившуюся между патриархом и Толстым. Но иногда и по собственной инициативе сообщал русскому послу секретную информацию, давал полезные советы, как поступать в том или ином случае во время переговоров с турецкими властями. Петр Андреевич высоко ценил заслуги Досифея и Спидиота. В своих сообщениях в Москву он писал, что и патриарх и его племянник, «забыв страх смертной, радостною душою великому государю работают»⁴.

Многие негласные помощники П.А.Толстого работали на благо России не ради получения вознаграждения или каких-либо других личных выгод. Как докладывал Толстой канцлеру Головкину, «эти люди чистосердечно трудятся без боязни и от мене заплаты никакие требуют...»⁵.

А сведения, которые добывали добровольные помощники Толстого, были многоплановы и требовали не столько наблюдательного глаза, сколько пронзительного, аналитического ума и широкой политической эрудиции. По заданию Петра Толстой должен

был регулярно поставлять в Москву подробную информацию о составе сухопутной турецкой армии и ее дислокации. Столь же обстоятельные данные должны были поступать от Толстого и его друзей о турецком флоте, его вооружении, типах кораблей, даже о зарплате офицеров. Особым разделом было предусмотрено выяснение планов османского руководства относительно модернизации сухопутных и морских крепостей: «В Черноморской протоке хотят ли какую крепость сделать и где (как слышно было) и какими мастерами, или засыпать хотят и когда (речь шла о Керченском проливе. — *Авт.*), ныне или во время войны»⁶.

Среди 16 пунктов секретной инструкции Петра I послу в Турции был и такой: дать характеристики султана и его окружения; сообщить, сам ли султан правит страной или через своих фаворитов; имеет ли склонность к войнам и воинским забавам или более озабочен покоем и т.д.

Несмотря на огромные усилия русского посла сдержать Порту от нападения на Россию, отношения между двумя странами становились все напряженнее. Из Москвы последовало указание действовать «дабы Порту до зачинания войны не допустить (також бы и татарам позволения на то не давали), не жалея никаких иждивений, хотя бы превеликие оные были»⁷. Петр Андреевич понял приказ однозначно: «дачка!» И русский посол не стал скупиться. Турецкий чиновник, которому было специально поручено следить за русским послом при исполнении его дипломатической миссии, докладывал своему руководству, что Толстой ради продления мира раздал в различных местах и различным людям около трех тысяч кошелей с полутора миллионами талеров.

Каждый новый дипломатический шаг П.А.Толстого в Турции давался с неимоверным трудом. В конце 1708 года в стране берут верх неблагоприятные для России, занятой войной со шведами, тенденции. Турецкое правительство приступает к ускоренным военным приготовлениям, строительству кораблей, пополнению артиллерийского парка и увеличению количества боеприпасов. Крымский хан готовится к войне. Военный совет Порты обсуждает конкретные планы султана по ведению наступательных операций против российской армии. А тут еще и сам Петр I «подлил масла в огонь». Весной 1709 года царь едет в Азов. И в Турции сразу же распространяется слух о возможности нападения российских судов на турецкий флот. Положение становится критическим. И в это время из турецкой столицы в Москву идет зашифрованная депеша посла Толстого, в которой говорится: «с великим труда иждивением и с немалой дачею» удалось убедить Великого визиря, что русский царь прибыл в Азов «ни для чего иного, разве ради гуляния», ибо «царское величество имеет нрав такой, что в одном месте всегда быть не позволит»⁸.

Война не затронула южный порог России, и сражения на два фронта, грозившего разорить страну, не произошло. Петр был доволен. Весной 1709 года П.А.Толстой получил заслуженную награду: был удостоен царского портрета, украшенного бриллиантами. Немногие из петровских вельмож могли похвастаться такими наградами!

Победа Петра I под Полтавой на некоторое время «облегчила жизнь» русского посла в Турции. Турки перестали открыто бряцать оружием и угрожать войной. В январе 1710 года султан Ахмед III принял в Стамбуле Толстого и торжественно вручил ему грамоту о ратификации мирного договора 1700 года. Казалось бы, успех налицо. Но это было только на первый взгляд. В своем послании государственному канцлеру Г.И.Головкину Толстой писал: «Не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь... Турки не верят, чтоб Его Величество не начал войны, когда будет от других войн свободен»⁹.

И в самом деле. От недоверия турок к открытой враждебности — всего один шаг. Четыре раза, и это за три года, Турция объявляла войну России, хотя только один раз предпринимала широкие наступательные операции. В конце ноября 1710 года Толстой получил секретную информацию о предстоящем совещании Великого дивана у султана по поводу очередного разрыва с Россией. Он немедленно сообщает об этом царю, но послание не успевает дойти до адресата. Война уже объявлена, и первой ее жертвой становится сам русский посол. Дом и имущество Петра Андреевича подвергаются разграблению, а его самого сажают на дряхлую клячу и через весь город везут в тюрьму Едикуле, расположенную на южной окраине Стамбула, на берегу Мраморного моря. С точки зрения турецких властей, такого рода дипломатические «демарши» не являлись чем-то из ряда вон выходящим. С началом военных действий весь дипломатический состав той или иной враждебной миссии турки сажали в тюрьму, где и содержали в тяжелых условиях, без всяких скидок на положение и возраст заключенных.

Вот как описывал свое положение в турецкой неволе сам Петр Андреевич: «Меня привезли в Семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную».

Турки, очевидно, догадывались, что Петр Андреевич был непревзойденным «дачником», и их очень заинтересовал «списочный состав» получателей взяток с турецкой стороны. А их было немало. Поэтому турки, как писал из темницы Толстой, «к тому же на всяк день угрожали мучениями и пытками, спрашивая, кому министрам их и сколько давал денег».

Вся дошедшая до нас корреспонденция Петра Андреевича Толстого из тюремных казематов заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробнее, поскольку она свидетельство не только искусства и ловкости петровского дипломата, но и его недюжинных разведывательных способностей. Дело в том, что турки напрочь отрезали Толстого от внешнего мира, как и сотрудников его посольства. Он долго думал, как исхитриться и дать знать о своем положении в Москву. Никто из послов западных стран не желал навещать узника Семибашенной «фортеции». И тут Петра Андреевича посетила удачная мысль: пригласить посла молдавского господаря Кантемира, симпатизировавшего России и тайно присягнувшего на верность Петру, и передать через него записку на волю.

Турки не могли отказать послу Молдавии в его желании навесить коллегу — молдаванин был допущен в тюрьму, где содержался Толстой. За первым посещением последовало другое, и Петр I стал таким образом достаточно подробно информированным о трудных буднях своего чрезвычайного и полномочного посла.

Около двух лет провел П.А.Толстой в турецкой неволе. В середине апреля 1712 года при содействии английского и голландского послов был подписан русско-турецкий мирный договор, одним из условий которого было освобождение Толстого и возвращение его в Россию. Петр I быстро отреагировал на этот договор, и уже 20 мая 1712 г. отправил царскую грамоту на имя великого визиря Юсуф-паши. Петр I сообщал о ратификации договора, который он, царь, «изволяет принять и содержать».

Долгие годы провел в Турции в качестве посла России П.А.Толстой. Это был период постоянных конфликтных ситуаций в отношениях между двумя странами, и Толстой по мере своих сил и возможностей стремился не обострять обстановки и содействовать мирному решению споров. Петр I не прогадал с толковым послом в одном из самых беспокойных в то время для России иностранных государств. Не прогадал он с П.А.Толстым и в случае особо деликатного свойства, когда направил престарелого дипломата, чтобы вернуть из Европы беглеца — царевича Алексея. Толстой ловко справился с этим заданием.

Шли годы, менялись порядки, политические пристрастия и ориентиры. На царском престоле оказался сын царевича Алексея — Петр II. И тут Петр Андреевич позволил себе маленькую «слабипку». Памятуя об отношениях между отцом и сыном (Петром I и Алексеем), Толстой в кругу друзей неосторожно высказался против воцарения Петра II. Это высказывание быстро достигло ушей капризного монарха. Вердикт был краток: сослать в Соловецкий монастырь. И 82-летний старец провел свои последние дни в хо-

лодной камере тюремного каземата. Великий «дачник» умер в бедности: «два шлафора теплые, которые при нем, Толстом, в тюрьме были, ветхие и згнили. Одеяло при нем же, Толстом, згнило»¹⁰.

-
- ¹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. — М.: «Международные отношения», 1984. — С.220.
- ² Русский архив, 1888, кн.3, с.367; кн.4, с. 510,514.
- ³ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. — М.: «Мысль», 1988. — С. 142.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. — С. 143.
- ⁶ Там же. — С. 145.
- ⁷ Молчанов Н.Н. Указ. соч. — С. 221.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. — С. 265—266.
- ¹⁰ ЦГАДА, Госархив, разряд VII, д.159, ч.2, лл.35,36; ч.3, л.136.

10

Мужество и стойкость князя Хилкова

Среди тех, кто достоин памяти в истории российской внешней разведки, он стоит особняком. Слишком уж необычны условия, в которых он вел, вернее сказать — умудрялся вести, без малого два десятка лет разведывательную работу, отдав ей без остатка всю сознательную жизнь, полную тягот и испытаний. Его биография в чем-то схожа с жизненным путем Петра Андреевича Толстого, но только отдельными штрихами, в сокращенном виде, в однозначно трагическом варианте. Петр Толстой знал и горе, и счастье, дожил до восьмидесяти четырех лет. Наш герой прожил ровно в два раза меньше, рано ушел из жизни, почти не познав ее радостей.

Князь Андрей Яковлевич Хилков по происхождению принадлежал к одному из наиболее древних и разветвленных родов России, ведущих свое начало от удельных князей Стародубских, которые в восемнадцатом колене считались потомками самого Рюрика.

Родоначальником Хилковых был князь Иван Федорович, прозванный Хилком за слабое здоровье. О нем известно, что в 1511 году он ходил в поход «Литву воевать», а в 1535 году стал первым воеводой в Серпухове. Видно, несмотря на физические недуги, духом был крепок Хилков и передал это качество своим потомкам. С тех пор многие Хилковы воеводили, состояли на ратной, государевой службе.

Андрей, родившийся в 1676 году, был третьим сыном в семье князя Якова Васильевича Хилкова, окольного при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, старшем брате Петра I. Двенадцатилетним мальчиком Андрей с помощью отца начал придворную карьеру. Это было обычным явлением в допетровской Руси. В обязанности княжича входило прислуживание на церемониях приема иноземных посольств, а позднее оформление деловой переписки в Посольском приказе. Для юноши эта служба стала

хорошей практикой общения с дипломатами. Она длилась до 1697 года, когда по решению Петра I Андрей Хилков, как и Петр Толстой, был послан в Италию «для изучения мореходства и кораблестроения».

Трудно было Андрею, которому едва минул 21 год, расставаться с молодой женой Марией и новорожденной дочерью Ириной, впоследствии их и видеть-то практически не привелось. Жена Хилкова была дочерью окольного Василия Михайловича Еропкина, московская усадьба которого стояла по соседству с фамильным особняком Хилковых — в районе Остоженки, где до сих пор сохранились Хилков и Еропкин переулки.

В Италии Андрей изучал не только навигацию, кораблестроение и языки, но и политическую и экономическую обстановку в Средиземноморье, общаясь с послами России в Венеции и Неаполе. В Россию он вернулся в 1700 году, накануне начала войны со Швецией, и почти сразу снова выехал за границу с особым поручением царя.

Готовясь к войне, Петр стремился как можно дольше сохранить в тайне от шведов свои намерения. Чтобы усыпить их бдительность, он и отправил Андрея Хилкова в Швецию с целью подтверждения Кардисского мирного договора и одновременно — «обстоятельных разведок, с какими делами и для чего живут в Стокгольме посланники иностранных держав».

Хилков прибыл в Стокгольм 18 июля 1700 г. Незадолго до этого король Карл XII отправился в Данию для подписания мира с тамошним королем. Поэтому чиновники короны предложили Хилкову на выбор «отправить свое дело без короля в Стокгольме» или выехать вслед за Карлом, чтобы лично вручить ему грамоты. Хилков предпочел добиться личной встречи.

Преодолев 570 верст за две недели, он донал короля в дороге и 13 августа удостоился королевской аудиенции. Хорошо изучив в Италии латинский язык, который тогда был в особом почете как язык науки и международного общения, Андрей произнес на нем целую речь, уверяя монарха в миролюбивой сущности своей миссии, и передал ему послание Петра. Это произвело на Карла и его придворных, включая государственного секретаря Швеции графа Пипера, весьма благоприятное впечатление. Приезд Хилкова убедил их на какое-то время, что Россия не намерена воевать со Швецией. Андрей получил от короля приглашение отправиться вместе с ним и послами других держав в Копенгаген. Вместе они пересекли на королевской яхте пролив Зунд, и Андрей смог подробно осмотреть находившиеся в проливе эскадры шведского, датского, английского и голландского флотов, прибывшие на заключение мира, подписанного 19 августа.

30 августа Хилков получил у Карла вторую аудиенцию, на которой король принял его верительные грамоты в качестве дип-

ломатического представителя России в Швеции... Случилось так, что как раз 30 августа Петр I принял решение об объявлении войны Швеции.

Карл, потрясенный «коварством московитов», распорядился опечатать имущество посланника Хилкова, а его самого посадить под арест в доме, который он снимал под посольство, вместе с тремя другими служащими — переводчиком и двумя подьячими. Для князя это, конечно, не было неожиданностью, он готовился к этому. Хилков находился под усиленным наблюдением, хотя еще располагал некоторой, весьма ограниченной, свободой действий.

С началом войны были интернированы находившиеся в Швеции «торговые и работные люди из России, общим числом 111 человек». Их имущество было конфисковано, а сами они были собраны в Рюссгордене — русском купеческом дворе в центре Стокгольма, откуда их отправляли на принудительные работы. Купцы возмутились таким обращением, поскольку не считали себя военнопленными, и стали добиваться свидания с Хилковым, который сам еще ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. Хилков тут же отправил Карлу протест против условий содержания купцов. Одновременно, поскольку купцы были собраны из разных мест, он смог в беседе с ними выяснить экономическое положение тех районов Швеции, где сам не побывал, и отправил срочную информацию Петру по этим вопросам.

В ноябре 1700 года после поражения россиян под Нарвой в плен к шведам попали сподвижник Петра I Я.Ф.Долгорукий, командующий артиллерией русской армии грузинский царевич Александр Имеретинский, генералы Трубецкой, Бутурлин, Вейде, Головин и др. В Швеции в 1702 году содержалось 160 важных русских пленных, большинство пребывало в стокгольмской тюрьме Грипсхольм.

Хилков оставался под домашним арестом, но получил право регулярно навещать русских пленных. Режим его содержания был смягчен, поскольку Карл хотел в это время обменять его на посла Швеции в России Т.Книппера. Однако Петр I освободил Книппера без обмена. О причинах такого демарша царя можно только догадываться: Андрей Хилков нужен был ему именно в Стокгольме, ведь Карл все-таки не ограничивал некоторые права Хилкова и самое важное — переписку. Пользуясь этим, князь посылал в Москву письма, написанные шифром либо тайнописью (бумагу надо было нагреть, для того чтобы поверх безобидного содержания проступили тайные чернила). На свое положение Андрей перед царем не роптал, домой не просился, хотя, что и говорить, тянуло к молодой жене.

Большинство писем шло от Хилкова в Копенгаген, в российское посольство в Дании, сохранявшей нейтралитет. Там инфор-

мация дополнялась послами Андреем Петровичем Измайловым, а впоследствии Василием Лукичом Долгоруковым и переправлялась в Россию вместе с посольской почтой. В частности, от Хилкова была получена информация о готовящейся в 1701 году атаке шведской эскадры адмирала Шеблада на Архангельск. Боевые корабли Швеции шли к Архангельску под видом «китобойной флотилии», однако их движение находилось в поле зрения российской разведки — помимо сведений Хилкова из самой Швеции аналогичные сообщения пришли от царских представителей в нейтральных Голландии и Дании, где эскадра готовила снаряжение.

Дальнейшие события развивались так: на подступах к Архангельску эскадра взяла на борт трех русских лоцманов во главе с кормчим Дмитрием Рябовым, которые специально поджидали шведов. Они посадили два шведских корабля на мель прямо перед спешно и тайно поставленной в гавани Архангельска батареей береговой артиллерии. Эскадра поспешила сдаться, а лоцманы в суматохе сумели спастись.

В разгар новогодних праздников в следующем, 1702 году, в ночь со 2 на 3 января, несколько русских узников совершили побег из стокгольмской тюрьмы. Среди них были генералы Вейде, Бутурлин и Трубецкой. Однако вернуться в Россию удалось лишь одному беглецу — подполковнику Андрею Гордону, сыну П.И.Гордона — одного из основателей русской регулярной армии. Остальных ждал карцер в подвале Ратуши в Стокгольме, затем их развели по разным тюрьмам Швеции, чтобы избежать новых групповых побегов.

А вот что писал А.Хилков в одном из своих тайных донесений по этому поводу: «Лучше быть в плену у турок, чем у шведов: здесь русских ставят ни во что, ругают и бесчестят; караул у меня и у генералов внутри; купцов наших замучили тяжкими работами...»

Сам Хилков оставался в Стокгольме, продолжая посылать в Россию донесения, в том числе и шифровки, которые хранятся сейчас в фондах Центрального государственного архива древних актов. С 1704 года в подготовке сообщений ему помогал взятый в плен под Нарвой офицер Алексей Ильич Манкис, хорошо знавший шведский, латинский и польский языки. Дипломатические («явные») письма попадали в Коллегию иностранных дел, а «тайные», включая шифровки, — в собственный Кабинет Императорского Величества.

Хилков мужественно продолжал вести в Швеции активную работу, оставаясь под домашним арестом. Ему удалось отсудить у шведов часть купеческих капиталов, арестованных в 1700 году. На эти деньги он подкупал информаторов и связников, в том числе среди тюремной охраны. Полученные сведения он переправил в Россию двумя большими «блоками» в 1706 и 1708 годах вместе с

освобожденными по обмену Петром Лефортом и Александром Гордоном.

Поражение шведов под Полтавой вызвало ужесточение режима содержания Хилкова. Королевский прокурор Аксель Спарре нацупал к этому времени канал утечки информации. Сперва Хилкова пытались перевербовать: когда Карл XII двинул войска через Польшу и Украину на Москву, ему предложили принять лютеранство и занять пост «советника по Московии» при короле. Когда он ответил резким отказом, в 1709 году один из его переводчиков скоростижно скончался, а помогавший Хилкову старший подьячий посольства утонул при загадочных обстоятельствах. Тогда Хилков по своей инициативе зачислил в штат посольства Манкиева и стойко продолжал работать.

Разгром под Полтавой изменил настроения шведов. Хилков, уже десять лет находившийся в неволе, писал Петру I в 1710 году: «...здесь общая наклонность к миру, мешают один король — он скорее переведет до последнего человека, но не помирится, пока все не возвратит...» Но хотя мир не был заключен, в 1710—1711 годах состоялся большой размен пленных, когда были освобождены и отправлены в Ревель Бутурлин, Вейде, Долгорукий и еще 42 офицера. В это время Хилкову было разрешено посетить под надзором охранявшего его шведского генерала Нирота пленных русских военачальников Автонома Головина и Ивана Трубецкого в тюрьме близ Або. Вместе они решили не соглашаться на размен и оставаться в плену у шведов до конца военных действий, уступив свою очередь младшим офицерам. Этот благородный поступок ободрил многих молодых пленников, еще остававшихся в заточении и едва переносивших тяготы тюремной жизни.

В 1713 году Хилкова перевезли из Стокгольма в заключение в крепость Вестерос. Вслед за ним приехал Манкиев, который вез с собой рукопись начатого им в Стокгольме труда «Ядро российской истории», описывающего события «от Адама» до 1712 года. Саму работу писал Манкиев, однако в ней принимал участие и Хилков, хорошо знакомый с древнерусскими рукописями. (В начале службы Хилкова при Посольском приказе его наставником был известный русский археограф и историограф конца XVII века Родион Кириллович Полуектов.)

Когда Хилков еще находился в Стокгольме, по его просьбе ему помогал в работе шведский историк Петрей, от которого он узнал многие подробности политического и экономического состояния Швеции, о чем регулярно извещал Петра. В Вестеросе он также общался с охранниками, призванными из разных районов Швеции, и узнавал от них важные новости о положении дел в стране. Так, в письме 1714 года Хилков извещал Петра о расширении штатов в шведских коллегиях иностранных дел, торговли, юсти-

ции, военных дел и большой казны, о введении там новых должностей ревизоров и о распродаже патентов на эти должности. Работа над рукописью по русской истории была завершена в 1715 году.

Три года спустя, в начале 1718 года, Хилков скончался в Вестеросе от туберкулеза, обострившегося за долгие годы заключения. Он не дожил всего полгода до Аландского перемирия, по которому в Россию были возвращены последние пленные, включая Трубецкого, Головина и Манкиева. Александр Ильич Манкиев сопровождал на галере на Аландские острова свинцовый гроб с телом Хилкова, привезенный туда 18 октября 1718 г. Оттуда прах Хилкова был перевезен в новую столицу России Санкт-Петербург и погребен с высшими офицерскими почестями на кладбище Александроневской лавры. К сожалению, могила не сохранилась.

Вернувшись в Россию, Манкиев отчитался о пребывании в Швеции перед Коллегией иностранных дел, утвердившей его зачисление в штат 1709-м годом. Затем как специалист по Швеции, имеющий там много ценных знакомств, Манкиев был вновь послан туда готовить мирный Ништадтский договор вместе с генерал-адъютантом А.И.Румянцевым. Он пробыл в Швеции до 1720 года, а затем работал по размежеванию границ между Россией и Швецией вместе с графом Шуваловым в 1722—1723 годах. Вскоре он заболел и, ослабленный 18 годами заключения, скончался в 1723 году. Перед смертью он успел передать экземпляр «Ядра российской истории» с сопроводительным письмом единственной дочери Хилкова — Ирине.

«Ядро российской истории» было впервые опубликовано в 1770 году. Книга пользовалась огромным успехом, выдержав три издания за десять лет. На ее появление откликнулся восторженными стихами известный просветитель Николай Иванович Новиков:

«Сияющих отцов блистательнейший плод,
Хилков, разумный князь! начертывая нам
Ты славны подвиги Российского народа,
Исторгнул изо тьмы Героев Росских род,
Простер их славу дале к чуждым небесам.
Да ведает об них весь мир и вся природа,
Да будет ведомо и поздним временам,
Да всюду древняя Россия будет чтима,
Да новая цветет красней Афин и Рима:
Но, прославляя их, прославился ты сам,
И будет здесь твоя потом гремети слава,
Доколе простоит Российская Держава!»

Паткуль — разведчик волею судеб

Он родился в тюрьме, в стокгольмском застенке, где содержались его родители по обвинению в государственной измене. Точная дата его рождения не известна — предполагается, что где-то около 1660 года. Сын знатного прибалтийского дворянина, Иоганн Рейнгольд фон Паткуль волею судеб с первых дней своей жизни оказался в водовороте событий, сотрясавших Европу в конце XVII — начале XVIII столетия.

В результате многочисленных войн, проходивших на протяжении всего XVII века, Швеция стала одним из могущественнейших государств Европы. Ее владения простирались не только по всей Скандинавии, Финляндии, части Карелии, Прибалтики и далее — по побережью Европейского континента, где издревле располагались германские княжества. Шведы претендовали и на часть исконно русских земель.

Они чувствовали себя хозяевами в Лифляндии, которая со второй половины XVI века включала в себя территорию нынешнего юга Эстонии и северную часть Латвии до реки Даугавы.

В 1689 году шведский король Карл XI отобрал земли у лифляндских дворян, и в Стокгольм для переговоров была направлена депутация от прибалтийских земель, в состав которой входил Паткуль. К этому времени он, несмотря на столь необычное «начало» его биографии, сумел дослужиться до чина капитана шведской армии. Как это вышло — остается загадкой. По всей вероятности, шведы считали, что дети не отвечают за деяния своих родителей, и видели в Паткуле весьма незаурядную личность.

Депутация ставила перед королем вопрос о возвращении отобранных им земель. Особенно резкую позицию занял Иоганн Паткуль. Его дерзость и категоричное предъявление своих прав вызвали гнев короля.

Требования депутации не были удовлетворены. В 1692 году Паткуль снова подает королю жалобу от имени лифляндского дворянства с угрозами в адрес шведского правительства. За это в 1693 году он был обвинен в подстрекательстве к бунту. В 1694 году шведский суд приговорил Паткуля к отсечению сначала правой руки, а потом головы.

Богатое имущество Паткуля было конфисковано, сам он спасся бегством в Швейцарию, а затем во Францию. Он пытался ходатайствовать о помиловании перед новым шведским королем Карлом XII. Но тщетно.

В 1698 году, укрывшись в Саксонии, Иоганн Паткуль решил посвятить свою жизнь борьбе со шведами и сделал основную ставку на курфюрста Августа II, который к тому же в 1697 году был избран королем Польши.

Саксония — одно из крупнейших княжеств Германии — уже в то время была очагом быстрого промышленного роста. Там успешно развивались горное дело, текстильная промышленность, в Мейсене вскоре возникло производство фарфора. Как раз в ту пору организуются первые Лейпцигские ярмарки, которые впоследствии приобрели не только общегерманское, но и международное значение. Княжество являлось древним центром культуры и просвещения: еще в 1409 году был основан университет в Лейпциге, а в 1502 году в другом саксонском городе — Виттенберге.

Паткуль полагал, что Лифляндия могла бы выиграть от вхождения в состав саксонско-польского альянса. Однако он довольно скоро пришел к выводу, что выступать против Швеции можно только объединенными силами нескольких стран, поскольку саксонско-польский союз шведов не одолеет. Паткуль обладал природной способностью устанавливать контакты с людьми, оказывать на них влияние, да к тому же, пользуясь славой человека, дерзнувшего предъявить жесткие требования шведскому королю, он вошел в доверие к курфюрсту и начал внушать ему мысль о необходимости борьбы со шведами.

В ту пору Швеция доставляла беспокойство многим странам Западной Европы. Паткуль сумел провести переговоры с королем Дании и получил от него согласие войти в коалицию для борьбы со Швецией. Такая же работа была проделана им и в Пруссии. Причем Паткуль действовал настолько тонко и конспиративно, что не было допущено никакой утечки информации о проводившихся им тайных переговорах.

Но взоры Паткуля главным образом были обращены к России. Он считал, что если Россия поддержит коалицию, то тогда можно всерьез рассчитывать на успех в борьбе с ненавистой Швецией.

А тем временем русский царь Петр I совершал поездку по странам Европы в составе российского посольства. Петр выступал

под именем Петра Михайлова, числившегося бомбардиром Преображенского полка.

Первым пунктом, который наметил посетить Петр, была Рига, находившаяся под контролем шведов. Они не хотели пускать русских в этот город, но Петр проявил настойчивость, и шведы уступили, установив, правда, плотную опеку. Несмотря на то что шведы буквально дышали в затылок каждому русскому, входившему в группу Петра, царь сумел со своими соратниками тщательно обследовать порт и крепость Риги. Поездка по Прибалтике была использована Петром для проведения рекогносцировки, и ему действительно удалось составить представление о силах шведов в этом регионе.

Петр I готовился к схватке с северным соседом, преграждавшим выход России к Балтийскому морю. Но начинать войну со Швецией Россия не могла, поскольку еще шла война с Турцией. Воевать на два фронта России было не по силам.

В 1699 году в Москву приехал Паткуль со своим тайным планом создания коалиции для борьбы со шведами. Петра уговаривать не пришлось, поскольку он сам давно вынашивал идею «укоротить руки» шведскому королю. Русский царь увидел, что Паткуль является толковым человеком, он не только проделал огромную работу по выяснению позиций Саксонии, Польши, Пруссии и Дании, но и сумел склонить монархов этих государств к совместной борьбе со Швецией.

Петр, узнав эпопею Паткуля, убедился, что перед ним человек, чьи личные интересы объективно совпали с государственными интересами России, и это обстоятельство привело к плодотворному альянсу.

В ноябре 1699 года был подписан тайный военный договор между Россией, Польшей, Пруссией и Данией. Петр обещал вступить в войну со Швецией после завершения мирных переговоров с Турцией.

В июле 1700 года в Константинополе был заключен договор, по которому Россия получала Азов с прилегающими территориями и вновь построенными крепостями (Таганрог, Павловск, Миус), освобождалась от уплаты ежегодной дани крымскому хану и получила право на дипломатическое представительство в Турции на равных основаниях с другими державами. В августе Россия объявила войну Швеции.

Тайная деятельность Паткуля в значительной степени ускорила процесс создания союза государств против Швеции. Его ставка на Россию как на мощную силу, которая могла обеспечить решающую роль в борьбе со Швецией, оказалась верной. Ему импонировала решимость Петра твердо отстаивать интересы своей страны, реализации которых препятствовала Швеция. Паткулю

добровольно вызвался служить России, и Петр с готовностью принял его, зачислил на русскую службу и определил в тайные советники, присвоив ранг чрезвычайного посла и воинское звание генерал-майора.

Своими делами Паткуль доказал, что он действительно располагал большими возможностями. Его обширные связи при дворах союзных государств позволяли ему собирать важную информацию. Разведывательные данные, поступавшие в Москву от лифляндского дворянина, позволяли в значительной степени дополнять представление о конкретных действиях союзников. А Паткуль вел разведку не только в Польше, но и в Пруссии, и в Австрии.

В 1702 году в Москве отметили спад в поступлении информации из Австрии. Там интересы России представлял тогда малоопытный посол князь Петр Алексеевич Голицын, который испытывал затруднения с заведением нужных связей при дворе императора. В частности, он никак не мог наладить отношения с Кауницем, который занимал тогда пост канцлера.

Для оказания помощи Голицыну в Вену был направлен Паткуль. Кауниц, как видное и влиятельное лицо при венском дворе, был человеком надменным и, зная себе цену, не каждого иностранца допускал до своей особы. Тем не менее Паткуль довольно быстро установил контакт с Кауницем и нашел с ним общий язык. К сожалению, в архивах не сохранилось сведений, как Паткуль «обхаживал» Кауница, известно лишь, что австрийский канцлер дал согласие работать в пользу русского царя за определенную мзду. Однако после отъезда Паткуля из Вены Голицыну так и не удалось развить отношения с Кауницем. К тому же и в Москве, в Посольском приказе, был проявлен бюрократический подход — там ожидали вначале информации от Кауница, а потом уже собирались решать вопрос с деньгами.

А Паткуль продолжал активно действовать. Имея хороших информаторов, он в Пруссии, например, сумел перехватить канал переписки прусского двора с королем Швеции. Используя свои возможности, Паткуль собирал информацию о настроениях в высшем чиновничестве и в военной верхушке всех союзных стран.

Петр, получая секретные сведения от Паткуля, внимательно следил за тем, как его союзники по коалиции нарушали договоренности и готовы были вступить в сепаратные переговоры с общим врагом. Он принимал меры по оказанию на них соответствующего воздействия. Усилиям русского царя способствовал и Паткуль. Он имел возможность влиять на прусских министров и тем самым содействовал удержанию Пруссии на позициях союзнических обязательств.

В 1704 году Петр I высоко оценил работу Паткуля и присвоил ему очередное звание — генерал-поручика.

В своих донесениях в Москву Паткуль неоднократно отмечал непоследовательность польского короля в отношении союзнического договора. Летом 1705 года он настойчиво просил Петра принять его для личного доклада по очень важному делу. При этом он просил указать ему любое место, куда он мог бы прибыть с докладом. Петр назвал ему три города — Вильно, Ковно или Гродно. Кроме того, Петр подчеркивал, что если дело столь неотложное, то Паткуль мог бы воспользоваться шифром и передать информацию письменно. Но встретиться им уже не было суждено.

Что тревожило Паткуля, почему он настойчиво хотел увидеть царя и лично доложить ему важную информацию? Скорее всего, он располагал секретными сведениями, которые позволяли предполагать назревавшую измену саксонцев и польского короля. То, что могло вызывать тревогу у Паткуля, произошло в августе 1705 года.

Через имевшуюся у него агентуру Паткуль установил, что польский король отправил к Карлу XII своих министров Имгофа и Фингштейна для ведения сепаратных переговоров. Паткуль не мог скрыть возмущения и выступил с резким протестом перед Августом.

Позиция Паткуля тревожила саксонцев и их ставленника на польском троне. Под предлогом участия в переговорах саксонцы заманили Паткуля к себе и арестовали. Паткулю было предложено молчать обо всем, что ему известно об их предательских планах, дав подписку в обмен на освобождение. Отказ грозил пожизненным заточением.

Паткуль с гневом отверг эту сделку. Тогда саксонцы выдали стойкого прибалта шведам. 10 октября 1707 г. он был колесован шведами, а затем обезглавлен и четвертован.

Так погиб Иоганн Рейнгольд Паткуль, лифляндский дворянин, добровольно предложивший свои услуги русскому царю, служивший ему верой и правдой во имя борьбы против общего врага. Он внес свою лепту в дело ликвидации длительного господства шведов на побережье Балтики. В результате тяжелой борьбы со Швецией Петр I наконец осуществил заветную мечту и прорубил «окно в Европу».

Флорио Беневени

В царствование Петра взоры России были впервые обращены в сторону среднеазиатских земель. В то время о них мало знали. Долетали отдельные слухи о таящихся там несметных богатствах. Но точной информации не было. Слухи перемешивались с различными фантастическими историями, уснащенными восточной экзотикой, что, конечно, снижало их достоверность.

В общих чертах было известно, что еще во второй половине XVI века на землях, которые простирались от побережья Каспийского моря на западе до границы с Китаем на востоке и от Арало-Иртышского водораздела на севере до границ с Персией и Афганистаном на юге, сложились два крупных феодальных государства — Бухарское и Хивинское ханства.

Бухарское ханство значительно расширило свои владения во времена правления Абдулла-хана II в 1557—1598 годах. Тогда оно завоевало Балх и Фергану, Ташкент, Хорасан с Гератом, Мешхед и Хорезм. Это были годы его наибольшего политического расцвета. В городах развивались ремесло и торговля, шло строительство.

Хивинское ханство образовалось в 1512 году и включало в себя земли древнего Хорезма в низовьях реки Аму-Дарья, кочевья туркмен на Мангышлаке, Дахистане, по Узбою, а также северную часть Хорасана. В ту пору Хорасан включал в себя северо-восточную часть современного Ирана, Мервский оазис и северо-западные части современного Афганистана.

До середины XVIII столетия в Хивинском ханстве шла постоянная междоусобная борьба, велись непрерывные войны с Бухарой, Персией, с кочевниками-туркменами. Феодальное государство подрывалось и острой национальной рознью между узбеками и туркменами.

Феодалные порядки Хивы тесно переплетались с патриархально-родовыми и рабовладельческими отношениями. Хан пользовался неограниченной властью. Большую роль играло мусульманское духовенство.

Правители Бухары и Хивы испытывали сильное давление со стороны Персии и Османской империи, а потому в поисках союзников с некоторым интересом, хотя и с опаской, поглядывали в сторону России. Хивинский хан даже трижды обращался к Петру I с прошением о принятии Хивы в российское подданство. Это было в 1700, 1703 и 1714 годах. Но царь тогда был озабочен делами на западных границах империи.

Петр проявил интерес к Средней Азии, когда получил секретные сведения о том, что в долине Аму-Дарьи открыты большие месторождения золота. Планы Петра по преобразованию России требовали огромных затрат, поэтому весть о месторождениях золота не могла не заинтересовать его. И он лично написал указ Сенату: «Послать в Хиву с поздравлением на Ханство, а оттоль ехать в Бухару к Хану, сыскав какое дело торговое, а настоящее — проведать про город Иркет». Другими словами, речь шла о конкретном разведывательном задании, осуществление которого планировалось провести под прикрытием торгово-дипломатической миссии.

Начались сборы экспедиции в Хиву, а затем в Бухару, хотя главной целью была проверка сообщений о наличии золота в этих ханствах. Петр смотрел дальше: если бы не подтвердились поступившие вести о золоте, то надо было разведать возможность его получения путем торговли с Индией через среднеазиатские государства.

Во главе экспедиции был поставлен уроженец Северного Кавказа Дивлет-Кизден-Мурза, который после крещения стал князем Александром Бековичем Черкасским. Сенат выделил ему для сопровождения вооруженный отряд в четыре тысячи человек. Позднее к отряду было присоединено еще две тысячи казаков.

Из Астрахани экспедиция князя Черкасского направилась в Гурьев, а оттуда через туркменские пески — к Хиве. Переход от колодца к колодцу в изнуряющей зной показался князю не самым трудным делом, когда он столкнулся с недоверием и враждебностью, встретившись с людьми хана на подступах к Хиве, а затем оказавшись и в ставке хана.

Князь Черкасский, подозреваемый в захватнических намерениях, был схвачен и казнен. Погибли или были обращены в рабство люди из состава посольства и его сопровождения. Лишь немногим удалось бежать и добраться до Астрахани. Они-то и поведали о гибели экспедиции.

Но Петр не отступил от своих планов и решил направить посольство в Бухару. В это время в Петербурге как раз находились

представители бухарского хана. Петр заявил им, что собирается направить к хану русское посольство и представил Флорио Беневени, который должен был возглавить эту миссию.

Флорио Беневени, итальянец, находился на русской службе и не только зарекомендовал себя умным и ловким человеком, но и доказал на деле свою преданность Петру и России. Беневени хорошо знал Восток, его нравы и обычаи, легко сходилась с людьми, устанавливал полезные связи. Он бывал в Константинополе, владел турецким и персидским языками.

Главная задача, поставленная перед ним, сводилась к негласной проверке сведений о золоте. Но, кроме того, он должен был провести экономическую и политическую разведку. Петр собирался установить торговые отношения с Бухарой, и Беневени предстояло выяснить, какое влияние на бухарского хана оказывают Персия и Турция.

В 1719 году русское посольство отправилось в Бухару через Персию вместе с возвращавшимися домой бухарскими посланниками. Переправившись через Каспийское море, они высадились на персидском берегу. Путь был нелегким. Не обошлось и без вооруженных провокаций. Но русские на сей раз были готовы дать должный отпор.

В 1720 году русское посольство наконец прибыло в Тегеран.

Все это время Беневени не сидел без дела: и на побережье Каспия, и в Тегеране он собирал информацию военно-политического характера и направлял ее в Петербург.

Пребывание в Тегеране снова затянулось, но в конце концов шах соизволил отпустить Беневени. Покинув столицу Персии, русское посольство в сопровождении бухарских коллег прибыло в Бухару в конце 1721 года.

Хан внешне благосклонно принял Беневени, и тот три года проработал на земле Бухары. Несмотря на пристальное наблюдение, Беневени делал свое дело. Ему удалось выяснить, что золотосодержащий песок выносится в Аму-Дарью горными речушками. Он сделал вывод, что месторождение золота находится где-то в горах.

И действительно, как потом удостоверились сам Беневени и его люди, в горах Бадахшана находились залежи руды, содержащей золото. В других местах были залежи меди, квасцов, свинца и железных руд. Были выявлены месторождения и серебряных руд. Беневени выяснил также, что все эти месторождения строго засекречены, находятся под личным контролем хана и никому не разрешается заниматься их разработками. Об этом в Петербург ушло обстоятельное сообщение.

Беневени проанализировал позицию бухарского хана и пришел к выводу, что запрещение на разработку богатых месторождений преследовало разумные цели. Ведь если бы Китай или Персия

дознались о залежах золота, серебра, меди и других ценных рудных пород в бухарских недрах, не избежать бы хану нашествия чужеземцев.

Понимая сложное положение, в котором оказался Беневени, находившийся под неусыпным доглядом со стороны ханской стражи, в Петербурге решили послать ему в помощь сотника, выступавшего под видом торговца. Этот сотник, имя которого, к сожалению, в архивах не сохранилось, бродил со своим товаром по просторам бухарской земли. В Балхе и Бадахшане сотник обнаружил английские товары и английских купцов.

Так в те далекие годы на просторах Средней Азии «встретились» интересы России и Англии, вылившиеся в последующем в длительную борьбу за влияние в этом регионе.

Но все это было впереди, а пока Флорио Беневени выяснил, что хан и другие влиятельные бухарцы тяготились зависимостью от Персии и исподволь тянулись к России. Но эти настроения, в общем-то, были довольно переменчивы.

Летом 1722 года, когда русские войска начали Персидский поход и до Бухары и Хивы дошла весть о взятии Дербента, Баку и Решта, проперсидские силы присмирели и перестали строить козни русскому послу. В эти дни к Беневени прибыл посланец из Хивы, который привез письмо от хана, выразившего свою «радость» по поводу победы русских войск и приглашавшего посла заехать в Хиву при возвращении в Россию.

А Беневени действительно уже собирался в обратный путь. Да хан Бухары не отпускал его. Томительно тянулись дни, и однажды к Беневени зашел бухарский посол, с которым они проделали долгий путь из Петербурга через Тегеран в Бухару. За время путешествия; насыщенного множеством событий, у них сложились добрые отношения, которые бухарец, однако, тщательно скрывал от окружающих. Работа Беневени с послом не прошла даром. И бухарец сообщил, что скоро ему будет дано разрешение уехать из Бухары, но в дороге будет предпринята попытка уничтожить посольство.

Вскоре, получив от хана разрешение на отъезд, русское посольство отправилось в путь. Кровавой резни удалось избежать. Сам Беневени воспринял попытку разделаться с посольством как стремление восточных властелинов не выпускать из своих владений носителей секретов о них и их землях. В Хиве, которую не могло миновать русское посольство, Беневени пришлось также испытать на себе и восточное гостеприимство, и коварство. 17 сентября 1725 г. Флорио Беневени и его посольство наконец прибыли в Астрахань.

Так закончилась опасная и длительная эпопея российского посланника, разведчика Флорио Беневени. Собранные им сведе-

ния о положении в Бухарском и Хивинском ханствах, о нравах и обычаях проживавших там народов значительно расширили представление, сложившееся в Петербурге о государствах Средней Азии. Беневени подтвердил стремление Персии и в какой-то степени и Турции оказывать влияние на эти мусульманские государства. Но главное, что удалось установить Беневени, это зарождавшийся интерес Бухары и Хивы к России и первые, еще неустойчивые намерения пойти на установление межгосударственных отношений.

Что касается дальнейшей судьбы Беневени, то по возвращении в Петербург он был назначен на работу в Коллегию иностранных дел. Его большой личный опыт и хорошее знание Востока позволили ему успешно осуществлять руководство одним из отделов Коллегии — так называемой экспедицией «турецкого и других языков».

Первый министр государыни

Времена раздоров и неустойчивости во внутренней политике России после смерти Петра заметно сказались на ее международных связях и авторитете. Западные послы в Петербурге, не считаясь ни с чем, стали вести бесконечные, бесцеремонные интриги, которые, случалось, заканчивались отстранением от власти царствующих особ и неугодных правительственных чиновников. Так, французский посол Шетарди, стремясь ослабить засилье немцев при русском дворе (Бирон, Миних, Остерман) и укрепить там влияние Франции, активно содействовал возведению на престол опальной дочери Петра Елизаветы, которая при воцарении сначала оказывала ему всяческие знаки внимания. Однако вскоре наметилось сближение России с Австрией, и Шетарди снова принялся за тайные интриги, в результате которых был выдворен из страны.

В этом калейдоскопе часто меняющихся внешнеполитических ориентиров российское правительство действовало нерешительно. Только в Швеции, где велась бесконечная борьба аристократии с королевской властью, внешнеполитическая служба Петербурга активно прикладывала в те годы «свою руку». Тратились большие суммы для создания среди шведской знати «русской партии» в противовес другой группировке, сориентированной на поддержку Франции. Главную роль в этой политической борьбе сыграл русский посол в Стокгольме, а позднее руководитель российской внешней политики граф Никита Иванович Панин.

«Всю свою жизнь, от юных лет до самой смерти, он провел в придворной атмосфере, причем около 30 лет состоял по дипломатической части. Всегда приветливый и любезный со всеми, мягкий по манерам, вежливый в обращении, он легко снискал себе уважение придворных сфер, своих и чужих... Многолетнее пребывание

за границей и служба среди иноземных людей, к тому же дипломатов, обогатили его многими познаниями, особенно драгоценными для русского человека того времени...», — писал посол одной из европейских стран, давая характеристику «самому сановитому вельможе Российской империи середины XVIII века»¹.

С именем Никиты Панина связаны успехи России в решении черноморской проблемы, когда в результате двух войн с Турцией и дипломатической борьбы с западными державами Россия усилила свое влияние и авторитет среди поработанных Османской империей христианских народов, утвердилась на Черном море, приобрела право проводить свои торговые суда через Босфор и Дарданеллы, добилась ослабления агрессивности Речи Посполитой и расширила свои позиции на Балтике. Новым, чисто «панинским» моментом во внешней стратегии явилось решение России играть роль организатора коллективных акций и международного арбитра в европейских делах. В 60-х годах XVIII столетия русская дипломатия выступила инициатором создания так называемого «Северного аккорда» — союза государств Северной Европы в противовес франко-австрийскому блоку. А провозглашенная Россией «Декларация о вооруженном нейтралитете» в период борьбы североамериканских колоний за независимость не только продемонстрировала перед миром возросший авторитет России, но и в известной мере ограничила действия британского флота.

В Коллегии иностранных дел под руководством Н.И.Панина работало 260 сотрудников. Он сам подбирал подходящие кандидатуры, которым доверял и полагался на их высокую профессиональную подготовку. Руководя работой российских представителей за рубежом, Панин лично определял задачи, сообщал необходимую информацию и давал советы, как лучше воздействовать на «нужного человека», способного принести пользу российскому государству².

«Сотрудник иностранной коллегии, — поучал своих питомцев граф Панин, — должен уметь вербовать открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц и второстепенных чиновников, писать лаконично и четко свои шифрованные и открытые донесения на родину не по заранее установленной форме, а исходя из соображений целесообразности»³.

Глядя на сохранившийся портрет сановного вельможи в пышном напудренном парике и атласном, расшитом золотом кафтани, трудно предположить, что этот с виду милейший и деликатнейший человек был признанным мастером служебной конспирации и тайных межгосударственных интриг. А в жизни было именно так. Даже царицу граф Панин обучал строгим правилам соблюдения секретности, изобретая в этих целях весьма оригинальную «фельдъегерскую службу». Для пересылки дипломатических и иных конфиденциальных доку-

ментов он предложил использовать в качестве связного малограмотного, но исключительно преданного царице придворного истопника по имени Федор Михайлович. В его кафтан с непомерно глубокими карманами Екатерина загружала срочные бумаги и отправляла посланца к Панину. Таким же образом после ознакомления графа с почтой он возвращал документы царице.

Свою дипломатическую карьеру Никита Иванович начал в тридцатилетнем возрасте сразу в должности посла — сначала в Дании, затем в Швеции, жаждавшей реванша за Полтаву и унижение короля Карла XII. К моменту приезда Панина в Стокгольм обстановка в столице по накалу политических страстей была взрывоопасной.

Панин начал свою работу в Швеции с создания сети своих тайных «друзей». Ими стали на первых порах несколько влиятельных членов Государственного совета, некоторые торговцы и промышленники, заинтересованные в связях с Россией. С помощью щедрых подарков и крупных денежных взяток Н.И.Панин умело руководил своими «помощниками», с которыми часто встречался во время специально организованной лесной охоты в окрестностях Стокгольма. Заботясь об их безопасности, он «пронумеровал» все свои связи и копию нумерации отправил в Коллегию по иностранным делам. Поэтому, когда там получали «шифрованное письмо» из Стокгольма, где говорилось о необходимости «производить отныне N 2-му оплату, оставшуюся от N 1-го по 3000 рублей на год; N 6-му к прежнему трехтысячному окладу прибавить еще тысячу, а N 5-му отныне давать впредь вместо пятитысячного оклада по 3000, чем он, как человек старый и впредь к делам не прочный, может совершенно доволен быть», то в Санкт-Петербурге отлично понимали, кому, за что и сколько платить⁴.

Граф Панин пережил и превратности судьбы. После опустошительного пожара в его личной резиденции в Стокгольме сгорело все имущество и не осталось денег, чтобы расплатиться с кредиторами. Гонец из Санкт-Петербурга привез спасительную весть: граф отзывается в Северную Пальмиру, чтобы стать постоянным воспитателем малолетнего наследника Российского престола — будущего императора Павла I.

Историки утверждают, что очный контакт сложился крайне неудачно. Мальчик, увидев высокого, полного, на редкость импозантного «дядю», сильно испугался и громко расплакался, упрятав голову в юбку одной из нянек. Оказывается, наследника все время пугали: не будешь слушаться — придет суровый дядя и не даст тебе играть в веселые игры. Но, к счастью, для наследника все обошлось благополучно. «Суровый дядя» стал для него большим другом, равно как и другом его матери, которой в свое время помог с группой гвардейских офицеров отстранить от власти ее мужа — Петра III и провозгласить

великую княгиню императрицей Екатериной II. В награду за верность и дружбу обер-гофмейстеру Никите Ивановичу Панину было пожаловано «по пять тысяч рублей ежегодно».

Царица разглядела в нем те качества, о которых позднее писал современник Панина, французский дипломат Кальберон: «В характере его замечательная тонкость... соединенная с тысячью приятных особенностей. Она заставляет говорящего с ним о делах забывать, что он находится перед первым министром государыни; она может также заставить потерять из виду предмет посольства и осторожность, которую следует наблюдать в этом увлекательном и опасном разговоре»⁵.

Вердикт царицы был красноречив:

Указ нашему тайному действительному советнику Никите Панину.

По теперешним небезтрудным обстоятельствам рассудили мы за благо... перепоручить вам исправление и производство всех по иностранной коллегии дел... и присутствовать в оной коллегии старшим членом, поелику дозволяют вам другие ваши должности.

*Екатерина*⁶

Граф Панин возглавил внешнеполитическое ведомство России в тяжелое для страны время, которое он характеризовал в докладе царице в одной из своих служебных записок так:

«Каково есть настоящее положение дел наших, оное не требует никакого изъяснения. Война с Портою Оттоманскою свирепствует еще в полном огне, Польша утопает в бедственнейшем междоусобии; дело независимости Крыма и прочих татарских орд не достигло по сию пору совершенства своего, а напротив, величайшую ненависть и явное недоброжелательство к успехам оружия нашего».

И все эти проблемы сразу, в одночасье, обрушились на плечи вельможного обер-гофмейстера. Его путеводной звездой стала единственно верная для России внешнеполитическая позиция, суть которой Никита Панин сформулировал еще в самом начале своей дипломатической карьеры: Россия должна «следовать своей собственной системе, согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора»⁷. Никита Иванович Панин был большим патриотом своей страны. «Ничто, касавшееся России, не было ему чуждо и безразлично, — отмечал известный русский литератор князь Петр Андреевич Вяземский. — Только при такой любви и можно доблестно служить стране своей и родному своему народу»⁸.

-
- ¹ Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. — М.: «Международные отношения», 1989. — С. 15.
- ² См. Российская дипломатия в портретах. — М.: «Международные отношения», 1992. — С. 81.
- ³ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. — С. 104.
- ⁴ Там же. — С. 11.
- ⁵ Российская дипломатия в портретах. — С. 68.
- ⁶ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. — С. 61.
- ⁷ Российская дипломатия в портретах. — С. 68.
- ⁸ Там же. — С.77.

«Инерция покоя»

Если попытаться представить себе историю становления и развития российской внешней разведки в виде какой-то одной графической линии, то эта линия не была бы сплошной восходящей прямой. В истории разведки были свои взлеты и падения, свои периоды относительного, иногда довольно продолжительного «покоя». Все это объяснялось конкретными историческими причинами.

«В Европе XVIII века не было политического тела более массивного и менее подвижного, чем была Российская империя по своей обширности, по своему этнографическому составу, наконец, по своему политическому складу, — писал В.О.Ключевский. — Такие массивные тела как в природе, так и в истории движутся или покоятся больше по инерции, чем по воле своих двигателей»¹.

Век начался с бурных событий во время правления Петра, мощного «двигателя», поставившего перед Россией цель догнать Европу. Для осуществления этой цели требовалась прежде всего детальная достоверная информация о тех процессах, которые происходили тогда за рубежом. Многие из такой информации можно было получить только разведывательным путем. Поэтому именно в петровскую эпоху на российской внешнеполитической сцене появляется целая плеяда выдающихся личностей, таких как А.А.Матвеев, П.А.Толстой, А.Я.Хилков, И.Р. фон Паткуль, Ф.Беневени, имена которых занимают достойное место в истории отечественной разведки.

Петр придавал большое значение вопросам внешней разведки, хоть и не успел создать соответствующей государственной структуры. Многие из его начинаний не получили дальнейшего развития. Все, что осталось после Петра в плане организации внешней разведки, — это лишь отдельные имена, зачатки генерал-квар-

тирмейстерской службы и воинский устав, утвержденный им 30 марта 1716 г., в одном из положений которого говорится, что «эта служба обязана... производить разведку».

При Петре I были также предприняты первые попытки иметь своих представителей при иностранных армиях. В роли военных агентов выступали дипломаты, которые одновременно выполняли и разведывательные задания.

После Петра в России наступает продолжительный период «инерции покоя». Общая слабость и противоречивость внешней политики этого периода отразились и на разведке.

Немецкое влияние надолго и прочно утвердилось в высших эшелонах власти. И только с восшествием на престол Елизаветы Петровны, «умной и доброй, но беспорядочной и своенравной русской барыни», по определению В.О.Ключевского, в России начинается некоторый возврат к традициям Петра Великого, но внешняя политика империи при Елизавете, по мнению многих историков, определяется не столько государственными интересами, сколько личными симпатиями и антипатиями императрицы. Внешняя разведка в этот период, как, впрочем, и всегда, находится в закономерной зависимости от общего внешнеполитического курса государства, и даже с приходом к власти Екатерины II, несмотря на заметную активизацию российской внешней политики, вопросам разведки уделяется сравнительно мало внимания. На юге основными объектами имперских интересов были степное Причерноморье с Крымом и Северным Кавказом — области традиционного турецкого господства. Здесь вопросы решались в основном силовым, военным путем. На Западе, в Польше, имперская политика (раздел и передел Речи Посполитой) проводилась через доверенное лицо императрицы, одного из ее фаворитов — Станислава Понятовского, поставленного там у власти.

Европейские связи Екатерины II носили скорее идиллический, чем политический характер. Вскоре после прихода к власти она решила всерьез заняться реформаторской деятельностью — не только догнать, но и перегнать Европу. Для реализации этой цели она создала специальную комиссию и составила для нее «Наказ», идеи которого, намного опережая тогдашние формы государственного устройства в наиболее развитых европейских странах, представляли собой лишь далекий идеал передовых западноевропейских мыслителей того времени. Вслед за Монтескье Екатерина провозглашала принцип равенства всех граждан перед законом. Эта правовая норма никак не «вписывалась» в монархический образ правления и застряла в очередной российской ловушке «инерции покоя» более чем на двести лет.

В конце века французская революция надолго приостановила реформаторский «двигатель» в России. Екатерина была потрясена

«злодейским умерщвлением» французского короля Людовика XVI, с ужасом отшатнулась от благих демократических намерений «Наказа», направив свои усилия на создание коалиции европейских монархий против Франции.

Оценивая итоги и последствия французской революции, российский посол в Англии граф С.Р.Воронцов, замечая, что «Франция как будто укушена бешеной собакой», в одном из частных писем (от 2 декабря 1792 г.) предрекал: «Зараза будет повсеместной. Наша отдаленность нас предохранит на некоторое время: мы будем последние, но и мы будем жертвами этой эпидемии».

Первые признаки «эпидемии» начали проявляться в конце XVIII века. Два князя Голицына с ружьями в руках участвовали в штурме Бастилии. Молодой граф П.Строганов, оказавшийся в это время в Париже, чуть ли не каждый день ездил в Версаль на заседания Национального собрания, вступил в клуб якобинцев и с восторгом писал: «Самый лучший день в моей жизни будет день, когда я увижу Россию, возрожденную подобной революцией». По улицам Парижа разгуливал будущий великий историк Н.М.Карамзин с трехцветной республиканской кокардой на шляпе. Любимый внук Екатерины, будущий монарх Александр I признавался, что он «с живым участием следил за французской революцией и что... желает успехов республике и радуется им».

Для Екатерины этого было более чем достаточно. Поэтому в конце своего правления она заботилась прежде всего об укреплении собственной безопасности, усилении ведомства внутреннего сыска «кнутобоя» Шешковского.

В этой обстановке вопросом внешней разведки отводилось далеко не первостепенное место. Разведывательная деятельность продолжалась, хотя носила в целом спорадический характер — отдельные лица, отдельные поручения. К ней по-прежнему привлекались люди, состоявшие на дипломатической или военной службе, наиболее надежные, способные, проверенные. Но это были в основном одиночки. Выполнение секретных поручений считалось делом весьма почетным как для представителей аристократии, царедворцев, так и, тем более, для выходцев из низших социальных слоев общества.

В этом отношении интересна судьба Тимофея Степановича Бурнашева, сына простого сибирского казака, разведчика глубинных районов Средней Азии, в сторону которых неизменно посматривало око двуглавого орла даже в тревожные времена «французской эпидемии». Ведь недаром, как заметил В.О.Ключевский, массивность российского «политического тела» служила верным гарантом от всяких излишних «движений». Приращение этой массивности за счет южных и восточных земель создавало искомые условия для внутреннего покоя.

В 1794 году управляющий Сибирским краем генерал Густав-Эрнест Штрэндман получил высочайшее повеление о направлении в Среднюю Азию «под секретным видом экспедиции для узнавания сего края во всех отношениях». Среди кандидатур на выполнение этого сложного и небезопасного задания генерал оставил свой выбор на Тимофее Бурнашеве.

Тимофей в юности окончил с отличием Барнаульское горное училище, работал на руднике. Проявил изобретательность, создал специальную лабораторию по исследованию добываемых руд. Затем — служба в одном из отрядов Сибирского корпуса. И здесь он выделяется среди сверстников не только умом, но и хорошей военной подготовкой, отличными успехами в стрельбе, недюжинной физической силой. Тимофеем был 21 год, когда генерал решил, что он будет наиболее подходящей кандидатурой для выполнения назначенной разведывательной миссии.

Подготовка к экспедиции проходила в обстановке строгой секретности. «Велено было мне назваться русским купцом, а между тем воспрещено даже любопытствовать о настоящем моем звании и мне не иметь ни с кем никакого обращения и знакомства, кроме главного правителя дел, — вспоминал Бурнашев. — ...Отправка моя будет с Оренбургской линии из-под города Троицка, при купеческом караване татар. Наперво в Большую Бухарию, а оттуда через Самарканд, Ходжемент, Уратубу, Кокан — в Ташкентию. Из сего места через Туркестан, Киргизскую степь обратно в Россию». Вместе с Бурнашевым в разведывательную экспедицию отправлялся унтер-офицер Сибирского корпуса Безносиков.

Несмотря на принятые меры конспирации и тщательную подготовку, разведчики, прибывшие в Бухару под видом «русских купцов», вызвали подозрение у местных властей и были взяты под неусыпное наблюдение. В то время подобные меры принимались ко всем посещавшим Бухару иностранцам. К «русским купцам» приставили караул, запретили посещать город, в течение двенадцати дней они подвергались строжайшему допросу: кто они, куда следуют и зачем?

Но разведчики сумели выдержать проверку и рассеять имевшиеся в отношении их подозрения. Они даже удостоились благожелательной аудиенции самого бухарского эмира.

После аудиенции «купцы» получили свободу и несколько месяцев пробыли в Бухаре. «В сие время, — писал Тимофей Бурнашев, — успели собрать много нужных и любопытных сведений. Все путевые замечания делал я придуманными мною еще в России знаками, дабы никто не мог их читать, и даже товарищ мой не мог разбирать сего моего письма».

В мае 1795 года Бурнашев отправляется в Россию. Бухарские стражи безопасности принимают меры к тому, чтобы не допустить

его возвращения на родину. Они организуют набег отряда киргизов Малой Орды на караван, в составе которого находился Бурнашев. Ночью у реки Сыр-Дарья Бурнашеву удается бежать, и он в одиночку добирается до Оренбурга.

Его «Замечания о пути по Бухарии» были срочно отправлены управляющему кабинетом императрицы, а он сам был щедро вознагражден за выполнение опасного задания.

В начале 1798 года инспектор Сибирской дивизии племянник А.В.Суворова князь А.И.Горчаков поручает Бурнашеву организовать новую секретную экспедицию в малоизученные районы Киргизской степи. Подготовка к ней заняла у Бурнашева около двух лет. Он должен был под видом посланника выехать к одному из киргизских султанов и по пути собрать через русских пленных как можно более полную информацию о «ташкентских землях» и секретных проходах через Голодную и Киргизскую степи.

Бурнашев с десятью казаками и султаном Букеем в течение полугода кочевал по безводным степным просторам, посетил Ташкент и вручил местному правителю послание Павла I.

По возвращении на родину он снова составил подробный отчет, который получил высокую оценку в Петербурге. Его секретные экспедиции во многом способствовали расширению связей России со странами Средней Азии.

¹ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. — С.12.

«Красавец Леандр» выходит на связь

С некоторых пор в Петербург из Парижа стали поступать шифрованные сообщения от российского посла во Франции К.В.Нессельроде, в которых все чаще и чаще мелькали какие-то странные персонажи.

«Мой кузен Анри рассказал мне в частной беседе...» — и далее следовал перечень сведений о положении во Франции и ее предстоящих внешнеполитических шагах, которые никак не могли быть известны какому-то частному лицу, не посвященному в государственные тайны. Аналогичная ситуация складывалась и вокруг информации «красавца Леандра», «Анны Ивановны» или «юрисконсульта». Сторонний наблюдатель, случайно прочитав в архивах Российской империи информационные сообщения со ссылками на вышеназванных лиц, даже в самом вдохновенном полете своей фантазии не мог бы предположить, что знакомится с секретными донесениями одного из самых выдающихся агентов за всю историю русских спецслужб — платной информацией его высочества светлейшего князя и владельца герцога Беневентского, великого камергера императорского двора, вице-электора Французской империи, командора ордена Почетного легиона, князя Талейрана-Перигора.

В России, по свидетельству академика Тарле, хорошо знали о душевных особенностях Талейрана. И не только душевных. Знали, например, что в конце 1804 года французский министр иностранных дел охотно поторговывал большими и малыми княжествами Центральной Европы и собирался продать Голландию, запросив с покупателя четырнадцать миллионов франков. Знали и о том, что бывший монах-расстрига не в ладах с моралью и весьма далек от многих человеческих добродетелей. Но то, с чем неожиданно столкнулся сам царь Александр I, не укладывалось ни в какие мыслимые и немыслимые представления о Талейране.

В один из дней сентября 1808 года, когда, утомленный беседами с императором Наполеоном в Эрфурте, Александр отдыхал в гостинице княгини Турн-и-Таксис, туда вошел французский министр иностранных дел. После первых же слов приветствия Талейран обратился к российскому монарху с неожиданным вопросом: «Государь, для чего вы приехали в Эрфурт? Вы должны спасти Европу, а вы в этом преуспеете, только если будете сопротивляться Наполеону». Александр был буквально ошеломлен. «Не провокация ли это?» — подумал он. Однако встречи в неофициальной обстановке были продолжены, и подозрения русского царя вскоре рассеялись. А после отъезда из Эрфурта, когда тайная переписка между Талейраном и Александром I стала регулярной, царь стал серьезно полагаться на советы и секретную информацию «Анны Ивановны», «красавца Леандра» и т.п., поскольку не усматривал в ней никакого подвоха или фальсификации. Такое множество псевдонимов, под которыми по инициативе самого царя скрывалось одно и то же лицо, показывает, насколько Александр I дорожил этим контактом, оберегал его от случайного раскрытия, прибегая к строжайшему соблюдению правил конспирации. Такая зашифровка источника информации может служить примером и сегодня.

Сообщения Талейрана царю становились все подробнее и... тревожнее. В декабре 1810 года он доставил Александру ряд сведений, которые подтвердили наихудшие опасения российской дипломатии: Наполеон действительно готовился к нападению на Россию. Талейран даже называл конкретную дату — апрель 1812 года, рекомендовал Александру крепить оборону, так как война уже у порога Российского государства. В сообщениях Талейрана можно было прочесть его оценки состояния французской армии, советы относительно укрепления российской финансовой системы и даже предложения о дальнейшей системе безопасной связи между тайными корреспондентами. Среди собственноручных писем Талейрана к императору Александру архивы сохранили одно, написанное 10 февраля 1809 г. Это послание, по свидетельству специалистов, скорее напоминает криптограмму, чем обычное деловое письмо. Но при его прочтении адресату становится понятна новая система, которую Талейран разработал для обеспечения безопасности дальнейшей секретной переписки. В завершение этого послания Талейран тепло благодарил Александра за «благородное и мудрое постоянство» в намерении вести с ним дальнейшую тайную переписку.

Желание оказывать русскому царю «информационную поддержку» в какой-то степени, видимо, объяснялось весьма сложными и порой скандальными отношениями между Наполеоном и его министром иностранных дел. В качестве примера можно привести

один из выпадов Наполеона в адрес Талейрана, сделанный им публично в присутствии десятков придворных и дипломатов в Тюильри 28 января 1809 г. По свидетельству очевидцев, император Франции в буквальном смысле слова со сжатыми кулаками подбежал к Талейрану, бросая ему в лицо неслыханные обвинения. «Вы — вор, мерзавец, бесчестный человек! — бешено кричал на весь зал Наполеон. — Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодеяниями, а между тем вы на все против меня способны... Вы заслужили, чтобы я вас разбил, как стекло, и у меня есть власть сделать это, но я слишком вас презираю, чтобы взять на себя этот труд! Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельной площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь!»

В случае с «кузеном Анри», естественно, присутствовал не только элемент личной обиды на Наполеона, но и самый вульгарный меркантильный интерес. По сообщениям тех дней из Парижа, посол Нессельроде докладывал Александру, что выдал «кузену Анри» 3000 франков за подробную информацию о брачных намерениях императора Наполеона, а спустя буквально несколько недель информировал царя, что «Анна Ивановна» попросила еще 4000 франков за новые информационные сообщения, на этот раз военного и политического характера. Чтобы не утруждать себя и казначеев единичными частыми просьбами о гонорарах для «Анны Ивановны», Нессельроде запросил у Александра сразу сумму в 30—40 тысяч франков.

Ценность сообщений Талейрана Александру во много раз возросла, когда французский министр иностранных дел стал использовать «втемную» своего друга — министра полиции Фуше. От него «Анна Ивановна» получала самые достоверные и секретные сведения о внутривнутриполитической обстановке во Франции, брожении в провинциях, расстановке политических сил. В зашифрованных донесениях Нессельроде в Петербург Фуше проходил под конспиративными псевдонимами: «Наташа», «президент», «Бержен». А внутреннее положение во Франции обозначалось словами «английское земледелие» или «любовные шашни Бутягина» (фамилия секретаря русского посольства в Париже).

И когда Наполеон отправил в неожиданную отставку министра полиции, в Петербург полетело тревожное послание Нессельроде от 6 июня 1810 г.:

«Уход президента очень мне мешает, именно от него наш «юрисконсульт» почерпал сведения, которые я вам пересылал... Я предвижу, что на моей корреспонденции это отразится».

Взаимоотношения Александра I со своим высокопоставленным тайным «корреспондентом» отнюдь не всегда были безоблачны.

В послании царю от 15 сентября 1810 г. «кузен Анри» прозрачно намекнул, что в последнее время «несколько поиздержался», и просил полтора миллиона франков золотом. Александр ответил, что не может дать столь крупной суммы, так как боится подвергнуть князя Талейрана подозрениям и скомпрометировать его. И этот довод не был лишен основания. Такие крупные фигуры, как Талейран, постоянно находятся в поле зрения соперников, общественных и политических кругов, местной и иностранной прессы. Их образ жизни, круг близких друзей и связей и, конечно же, источники получения денег и денежные затраты привлекают всеобщее внимание, в том числе и со стороны спецслужб. Поэтому появление неоправданно крупной суммы денег может привести к скандалу или разоблачению.

Но в данном случае могла быть и другая причина: до слуха Александра, видимо, дошла кое-какая информация из Вены, что к этому времени «красавец Леандр» уже всю тайно сотрудничал с австрийскими властями, продавая им порой те же секреты, что и русским. «Главное качество денег — это их количество», — цинично рассуждал коварный Талейран.

Прошло много лет, и 84-летний Талейран, предчувствуя близкую свою кончину, решил получить «отпущение грехов» от самого папы римского, а заодно распроститься и со всеми давними и недавними друзьями, которых он обманывал с такой же легкостью, как и заклятых врагов. Поэтому, когда до Парижа дошла весть о прощении папой «неисправимого грешника», остроумные французы сразу же откликнулись шуткой: «Князь Талейран всю жизнь обманывал Бога, а перед самой смертью вдруг очень ловко обманул Сатану». Что ж, завидное постоянство: и тут Талейран остался самим собой.

«Военные агенты» Баркляя

Александр I в России и Наполеон I во Франции были двумя главными героями-антиподами военно-политической драмы, которая разыгралась на полях Европы в самом начале XIX века. И русские, и французы зорко следили друг за другом, отлично понимая, что столкновение и военный конфликт двух держав неизбежны. В этих условиях получение своевременной, достоверной и секретной информации о замыслах и действиях потенциального противника приобрело первостепенное значение.

Историки утверждают, что впервые мысль о полезности приобретения платных «друзей»-информаторов посетила императора Александра I после тайной беседы в Эрфурте с министром иностранных дел Франции Талейраном, который в пику Наполеону поведал русскому царю о планах французского императора. Так или иначе, но после бесед с Талейраном Александр I провел ряд мобилизационных мер и распорядился направить в Париж молодого и способного представителя, который мог бы перепроверять сведения, поступавшие от Талейрана, и информировать российский самодержца об обстановке во Франции и ее подготовке к военному конфликту. Таким посланцем Александра I стал представитель старинного дворянского рода Александр Иванович Чернышев.

Он родился 30 декабря 1785 г. в семье генерал-поручика, сенатора, правителя костромского наместничества. По существовавшему тогда обычаю Александр с детства был записан на военную службу вахмистром. В 1801 году ему довелось присутствовать на коронации Александра I и лично познакомиться с императором. Юноша произвел на императора весьма благоприятное впечатление и вскоре при личном содействии Александра I поступил корнетом в Кавалергардский полк. За Аустерлицкое сражение он получил свою первую воин-

скую награду — крест Св. Владимира IV степени с бантом. Во Фридрихском сражении за совершенный подвиг он был удостоен Георгиевского креста IV степени и золотой шпаги.

В феврале 1808 года боевой офицер А.И.Чернышев направляется в Париж с личным письмом Александра I Наполеону. В марте 1809 года Александр поручает Чернышеву быть его личным представителем в военной ставке Наполеона во время боевых действий французской армии против Австрии и Пруссии. С 1810 года А.И.Чернышев постоянно находится при дворе французского императора.

...Неистовый пожар в доме австрийского посла князя К.Шварценберга в Париже вспыхнул мгновенно. От одной из свечей, вставленных в хрустальное бра, внезапно загорелся шелковый занавес, затем огонь перекинулся на старинную мебель, сухую, как порох, и стал пожирать натертый до зеркального блеска роскошный паркет. А рядом, буквально в двух шагах от огненного кошмара, за дверью гремела музыка и в вихре бесшабашного танца кружились ничего не подозревавшие прекрасные пары — баловни судьбы парижского «света».

Кто из танцующих мог предполагать, что этот праздничный вечер будет для многих из них последним? В толчее и панике в море бушующего огня погибли десятки людей. И было бы их намного больше, если бы не расторопность одного из гостей, молодого гвардейца, который тут же, на месте организовал группу смельчаков-спасателей. Они раз за разом бросались в огонь, выхватывая из ада пожара очередную беспомощную жертву. Звали героя Александр Иванович Чернышев.

До страшной трагической ночи в доме австрийского посла имя Чернышева встречалось только в разделах светской хроники и местных сплетен парижских газет. Рослый красавец с непокорной вьющейся шевелюрой, прекрасный рассказчик и остролов, он неизменно становился душой любого общества, особенно того, где были прекрасные дамы. В великосветских салонах неизменно бытовало представление о посланце российского царя как о жуире и удачливом покорителе женских сердец. Ему симпатизировала сестра Наполеона — королева Неаполитанская. А другая сестра императора — легкомысленная Полина Боргезе, согласно молве, была даже «в любовной связи» с кудрявым российским повесой...

Но это была лишь театральная маска. Репутация легкомысленного повесы служила прекрасной ширмой для ловкого и умного царского посланца, которому почти всегда удавалось получать важную информацию о политических и военных планах Наполеона накануне франко-русского военного конфликта 1812 года. Полковник А.И.Чернышев был одним из первых семи русских «военных агентов», которых тогдашний военный министр Михаил Богданович Барклай де Толли направил в столицы ряда европейских государств в качестве

сотрудников «Особенной канцелярии» — специального органа русской внешней разведки¹. Кроме А.И.Чернышева были направлены поручик Г.Ф.Орлов, полковники Ф.В.Тейль фон Сераскеркен, голландец по происхождению, и Р.Е.Ренни, потомок шотландского переселенца (Вена, Берлин), поручик П.И.Брозин (Мадрид), поручик П.Х.Габбе (Мюнхен), майор В.А.Прендель (Дрезден). В молодости Прендель за революционную борьбу во Франции был посажен в тюрьму. Как и другие герои-разведчики — Ф. Винцингероде, Д. Давыдов, А.Фигнер — В. Прендель в Отечественную войну 1812 года командовал партизанским отрядом.

Деятельность «Особенной канцелярии» велась в трех направлениях: организация стратегической разведки (добывать за границей стратегически важные секретные сведения), оперативно-тактической разведки (собирать данные о войсках противника на границах России) и контрразведки (выявлять и нейтрализовывать наполеоновскую агентуру).

Идея создания такого строго секретного государственного органа разведки принадлежала Барклаю де Толли.

Летом 1810 года Барклай де Толли поставил перед Александром I вопрос об организации деятельности российской разведки за границей и попросил разрешения направить в русские посольства специальных военных агентов, с тем чтобы собирать сведения «о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположениях и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, представляемых к оборонительным и наступательным действиям»². Эти военные агенты должны были находиться при дипломатических миссиях под видом гражданских чиновников и служащих Министерства иностранных дел.

Аппарат сотрудников «Особенной канцелярии» был очень небольшим: помимо упоминавшейся «семерки» закордонных агентов в ней служили директор, подчинявшийся лично министру, три экспедитора и один переводчик. До 19 марта 1812 г. пост директора «Особенной канцелярии» занимал флигель-адъютант А.В.Воейков, близкий Барклаю де Толли человек, начинавший много лет назад военную службу ординарцем у знаменитого А.В.Суворова. Именно полковник Воейков рекомендовал А.И.Чернышева на работу в Париж и не ошибся в своем выборе.

«Светский лев» Чернышев быстро вошел в доверие к императору Франции, был в добрых отношениях со многими приближенными Наполеона. За короткий срок русскому полковнику удалось создать сеть информаторов в правительственной и военной сферах Парижа, наладить и расширить деятельность лиц, подкупленных за большие,

в том числе и личные, деньги. Об одном из них — сотруднике военного министерства Франции Мишеле — стало публично известно после того, как острый нож наполеоновской гильотины лишил жизни этого ценнейшего тайного осведомителя полковника Чернышева.

Мишель входил в группу, которая составляла лично для Наполеона один раз в две недели в единственном экземпляре сводку о численности и дислокации французских вооруженных сил. «Человек полковника Чернышева» тайно снимал копию с документа, аккуратно переписывая его от руки, и передавал материал русскому разведчику. Тот спешно отправлял курьера с секретным донесением в Петербург. «Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», — написал на полях одного из сообщений из Парижа Александр I. Полковнику А.И.Чернышеву шел в то время только двадцать шестой год.

К копии секретной сводки А.И.Чернышев часто прикладывал свои собственные наблюдения и заключения, в частности по персональному составу руководящих военных деятелей Франции.

Вот отрывки из сохранившихся «портретов» наполеоновского генералитета, написанные рукою А.И.Чернышева.

«Удино, герцог Реджио. Отмечен во всей французской армии как обладающий наиболее блестящей храбростью и личным мужеством, наиболее способный произвести порыв и породить энтузиазм в тех войсках, которые будут под его началом. Из всех маршалов Франции он один может быть употреблен с наибольшим успехом в тех случаях, когда нужно выполнить поручение, требующее точности и неустрашимости. Не будучи очень образованным человеком, Удино не страдает недостатком знаний; его отличительные черты — это здравый смысл, большая открытость, честность; друзья и недруги — все единогласно отдают ему в этом должное...»

«Лефевр, герцог Данцигский. Маршал Испании и сенатор. Не получил никакого воспитания; будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, но он еще очень свеж и очень крепкого здоровья».

«Даву, герцог Ауэрштадтский, князь Экмюльский. Маршал Империи, главнокомандующий войсками на севере Германии. Человек грубый и жестокий, ненавидимый всеми, кто окружает Императора Наполеона; усердный сторонник поляков, он большой враг России... В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние на Императора. Ему Наполеон более, чем всем другим, доверяет, и которым он пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что, каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально».

Не обнаруживая под огнем особо блестящей храбрости, он очень настойчив и упорен и, сверх того, умеет всех заставить повиноваться себе. Этот маршал имеет несчастье быть чрезвычайно близоруким».

«Груши. Граф Империи, генерал-полковник конных егерей. Наполеон убо оказался другим его товарищам. В отношении нравственном этот генерал пользуется всеобщим уважением — результат незапятнанной репутации и безукоризненного поведения; офицер крупных достоинств, он имеет за собой глубокие познания в военном деле, и в особенности в том, что касается кавалерии...»³.

Таким образом, Барклай де Толли мог докладывать Александру не только общую политическую обстановку во Франции начала XIX века, но и сообщать важные сведения о состоянии ее вооруженных сил, давать характеристику наиболее крупным военачальникам.

Служебная командировка полковника А.И. Чернышева в Париже закончилась довольно неожиданно. Французская полиция установила за ним плотное наблюдение, не упуская из виду ни одной его подозрительной встречи или поездки. Полицейские поняли, что «беспечный повеса и ловелас» их долго водил за нос, и решили «обезвредить опасного русского полковника». Но для доклада Наполеону нужны были веские доказательства недозволенной деятельности Чернышева. И такие улики, увы, нашлись. Французским полицейским по случаю затерявшейся записке Мишеля, найденной при негласном обыске в доме Чернышева во время его отъезда в Петербург, удалось установить имя ее автора, а далее все было очень просто. В парижских газетах появились инспирированные полицией материалы, из которых явствовало, что полковник Чернышев занимается шпионажем. Александр Иванович из Петербурга не вернулся, он увидел Париж уже после победы над Наполеоном, находясь в качестве флигель-адъютанта в свите царя-победителя.

Император Франции, естественно, выразил «праведный гнев» в связи с «делом полковника Чернышева», хотя сам всячески поощрял шпионскую деятельность французских спецслужб, справедливо полагая, что, отказываясь от такого образа действий, его правительство «будет иметь одним шансом меньше на успех во время войны или же купит этот успех ценою больших усилий и потерь». Недаром в русских архивных документах за 1810—1812 годы указывалось, что на территории Российской империи было задержано и обезврежено 39 гражданских и военных лиц, задержанных иностранными спецслужбами. Любопытно в этом плане высказывания английского посланника в России тех лет сэра Роберта Морея. Он считал, что в XVIII — XIX веках Россия была «главным центром шпионажа», и признавал, что его правительство отпускало ему до 100 тысяч фунтов на шпионаж и подкуп россий-

ских должностных лиц. Сэр Роберт Морей при этом утверждал, что Франция тратила на эти цели гораздо больше, что грозило ей «чуть ли не финансовым банкротством»⁴. История сохранила сведения и об одном «французском лжешпионе» — некоем ротмистре русской армии Д.Савоне, который по собственной инициативе изъявил готовность сотрудничать с русской разведкой. Когда в мае 1812 года в Россию прибыл специальный посланник Наполеона граф Л.Нарбонн, чтобы разведать ситуацию накануне вступления французских войск на территорию Российской империи, Савон сумел установить с Нарбонном «деловой контакт» и негласно передать специально подготовленные российским генштабом «сведения». В них, в частности, очень убедительно говорилось о серьезных приготовлениях Барклая де Толли к незамедлительному отпору Наполеону прямо в приграничной полосе после перехода Великой армией русской границы. Историки отмечали, что Наполеон был сильно обескуражен, когда вместо ожидаемого отпора и «генерального сражения» с русской армией он не встретил на первых порах наступления никаких русских воинских подразделений, а тем более ожидавшегося контрудара.

Царь Александр наградил Чернышева и с началом войны направил в действующую армию. Опыт разведывательной работы в Париже и профессиональное разведывательное чутье очень пригодились Чернышеву в организации партизанского движения в районах, оккупированных наполеоновскими войсками. Он стал одним из активных участников движения. Получив звание генерала от кавалерии, титул светлейшего князя, Александр Иванович в 1832 году был назначен военным министром, прослужив на этом посту два десятка лет. Существуют различные мнения относительно оценки его деятельности на посту министра, особенно в поздний период, в годы, предшествовавшие Крымской войне. Но надо отдать должное: сохранилось много документальных свидетельств того, что как раз в этот период А.И.Чернышев уделял большое внимание вопросам технического перевооружения русской армии. По его личной инициативе, часто за подписью самого императора, в российские представительства за рубежом направлялись разведывательные задания получить образцы новейших видов оружия. Венцом карьеры разведчика была высочайшая должность председателя Государственного совета.

¹ См. ЦГВИА, ф.ВУА, д.417, лл.189об.—202.

² Там же.

³ ЦГВИА, ф.846, оп.16, д.3599, лл.1—5.

⁴ Richard Deacon. A History of the Russian Secret Service. — London, 1987. — P.20.

Загадочная Дарья Христофоровна

Если бы вам случилось оказаться в Брайтоне, маленьком курортном городе на юге Англии, в тот апрельский день 1823 года, то вы, наверное, тоже обратили бы внимание на эту странную леди. Во всяком случае, местные жители, занятые своими делами, обычно сдержанные, скуповатые на эмоции и не очень предрасположенные к любопытству, при виде ее останавливались, оборачивались, глядели ей вслед с явным недоумением, хотя ничего странного в ней самой не было: высокая, стройная, средних лет, уверенная в себе, с большими серыми глазами, высоким благородным лбом и пышными темно-каштановыми волосами, завитыми у висков. Ее облик, походка, одежда — все выдавало в ней даму высшего света. И в этом опять же не было ничего особенного. Весной, с началом курортного сезона, сюда, в Брайтон, съезжалось на отдых немало представителей аристократии. Курорт славился лечением нервных и сердечных болезней. Сам король жаловал Брайтон своим присутствием. Отдыхал он здесь и на сей раз.

Что же все-таки казалось странным в этой леди жителям Брайтона? Причина была очень проста: такая важная — и вдруг разгуливает пешком, в одиночку, без кареты, без всякого сопровождения! По тогдашним понятиям это выглядело совершенно диковинно.

А леди между тем совсем не нравилось быть в центре всеобщего внимания. А тут, как назло, в одной из узеньких торговых улочек навстречу ей скачет элегантная всадница. Конечно же, знакомая: леди Кэролайн Лэм, жена родовитого аристократа, члена парламента Уильяма Лэма, одного из кандидатов в премьер-министры Англии. Только этого еще не хватало! Леди Кэролайн — у всех на слуху, писательница, одна из самых эксцентричных особ британского высшего света, известная своим скандальным любовным романом с лордом Байроном...

Но отступать и прятаться некуда. Леди Кэролайн уже увидела, узнала Доротею Ливен, супругу русского посла в Лондоне, и была, конечно, заинтригована столь неожиданной уличной встречей. «Видишь, сама езжу по городу, спрашиваю цены на сыр и другие продукты, обещала Уильяму сократить расходы по хозяйству, — первой затараторила всадница, явно намекая на то, что ее супружеские отношения с Уильямом в полном порядке, несмотря на разные там «сплетни» о Байроне. — А что здесь делаешь ты, милочка?»

От ехидного вопроса этой маленькой, ловко сидящей в седле «амазонки» Доротея была готова провалиться сквозь землю. Ответила что-то невнятное, не очень учтивое и тут же поспешила прочь, провожаемая еще одним недоуменным взглядом.

А что ей оставалось делать? Не могла же она сказать, что собирается отправить тайное письмо, да еще какое: состоящее из четырех вложенных один в другой конвертов!

Внешний конверт был адресован секретарю австрийского посольства в Лондоне Нойманну; второй, лежащий внутри, был с тем же адресом и запиской: «Нет нужды объяснять вложенное, мой дорогой друг». Третий конверт адресовался некоему джентльмену по имени Флорет, и внутри находился четвертый, без адреса, содержащий само послание. А послание — не что иное, как запись последней конфиденциальной беседы Доротеи с самим королем, содержащей уйму ценнейших политических сведений...

У читателя, видимо, уже нет сомнений, что это «послание» представляло собой шпионское донесение. Но если бы оно даже попало в руки британских спецслужб, то надо было бы еще доказать, что оно адресовано главному вершителью европейских судеб того времени, всесильному и вездесущему австрийскому канцлеру Меттерниху. А оно было адресовано именно ему, прикрытому псевдонимом «Флорет».

Доротее наконец удалось благополучно, без свидетелей, отправить письмо, одно из многих десятков донесений Меттерниху от женщины, которую он, по всей вероятности, любил и, уж вне всякого сомнения, считал своим ценным агентом, женщины, до сих пор до конца не разгаданной.

Даша, Доротея, Дарья Христофоровна, в девичестве фон Бенкендорф, сестра знаменитого николаевского шефа жандармов, родилась в 1785 году в семье рижского военного губернатора. Ее мать, урожденная баронесса Шиллинг фон Канштадт, была близкой подругой великой княгини Марии Федоровны, супруги будущего императора Павла I.

Воспитывалась Даша в Смольном институте под непосредственной опекой самой Марии Федоровны, которая по окончании учебы пожаловала четырнадцатилетнюю девочку в свои фрей-

лины. В 1800 году при участии Марии Федоровны Дашу выдают замуж за любимца императора Павла, двадцатитрехлетнего военного министра, графа Христофора Андреевича Ливена (1777—1838).

Военный министр в двадцать три года? Случай действительно весьма необычный даже по тем временам, когда не редкостью были двадцатилетние полковники и даже генералы. Благодаря каким же талантам Христофор Андреевич столь «молниеносно» продвинулся вверх по карьерной лестнице?

Талантов особых у него не было, и он в них, в общем-то, не нуждался. Его «ранний взлет» объясняется совсем другими причинами, а именно волей сложившихся обстоятельств.

Как известно, между царицей Екатериной II и ее сыном цесаревичем Павлом чуть ли не с самого его рождения возникли и развивались неприязненные отношения. С 1783 года цесаревич жил в отчуждении от матери, в Гатчине, где имел «свой двор» и даже свое небольшое «гатчинское» войско. Время от времени Екатерина вспоминала о том, что у нее есть сын, а также внуки и внучки. Императрица понимала, что они — будущие наследники престола, и в этом смысле их воспитание и дальнейшая судьба были ей, конечно, не безразличны. По ее собственному выбору в воспитательницы к дочерям и сыновьям цесаревича Павла была назначена графиня Шарлотта-Екатерина Карловна Ливен, которую она лично знала и доверяла ей.

В дальнейшем получилось так, что к графине стали относиться с симпатией и доверием цесаревич Павел, его шесть дочерей, а также сыновья Александр (будущий император Александр I), Константин, Николай (будущий император Николай I) и Михаил. Все они благоволили и к сыну графини — Христофору, которому в 1783 году, ко времени создания «гатчинского двора», исполнилось всего шесть лет. Но уже с тех пор он был потенциально «зачислен» в царедворцы.

После смерти Екатерины II в 1796 году цесаревич Павел, став императором всероссийским, первым делом решил сменить все, что было связано с памятью матери, в том числе и придворный штат, заведя при дворе свои собственные порядки и посадив на все правительственные должности «своих людей». Так молодой граф Христофор Андреевич получил один из наипервейших постов в государстве.

А его матушка — графиня Шарлотта-Екатерина Карловна, которая еще при Екатерине Великой сумела снискать уважение и доверие всей царской семьи, неизменно оставалась в большом фаворе при дворе в течение четырех царствований. В 1826 году по случаю коронации Николая I Шарлотта-Екатерина Ливен с нисходящим потомством (т.е. своими детьми, внуками и т.д.) была воз-

ведена в княжеское достоинство с титулом светлости и умерла в 1828 году глубокой старухой.

Таким образом, Дарья Христофоровна с ранней юности находилась в близких отношениях с царствующей семьей и была в курсе всех интриг и положений дел при дворе. По свидетельству современников, она не отличалась классической красотой, была сухожава, выше среднего роста. И, тем не менее, какой-то особый «шарм», острый ум, наблюдательность, умение вызвать к себе интерес у собеседника делали ее не только привлекательной для молодых царедворцев, но и прямо-таки душой этого весьма узкого, элитарного общества. Это не совсем нравилось ее мужу. Как-то стало общим мнением, что его личность меркла и подавлялась даровитостью и неисчерпаемой энергией супруги.

Граф Христофор Андреевич сумел избежать опалы после убийства Павла I. К убийству, впрочем, он никакого отношения не имел; пользовался доверием восшедшего на престол Александра I, был с ним под Аустерлицем и в Тильзите, а в 1809 году был назначен послом в Берлине.

В 1812 году после возобновления дружественных отношений с Великобританией граф Ливен направляется послом при Сент-Джеймском дворе и остается там до 1834 года, когда уже при императоре Николае I, став (по матери) светлейшим князем, назначается членом Государственного совета и попечителем наследника престола — великого князя Александра Николаевича.

Пройдя «азы» дипломатической школы в Берлине, молодая графиня Ливен в Лондоне, по выражению известного писателя-мемуариста первой половины XIX века Ф.Ф.Вигеля, «при муже исполняла должность посла и советника и сочиняла депеши». Графиня создала в Лондоне блестящий салон, где собирались дипломатические знаменитости, выдающиеся политические деятели самых различных взглядов и направлений. Дарья Христофоровна с ранней юности была прекрасно знакома с интимной стороной дворцовых отношений. Теперь из близкого общения с крупнейшими европейскими деятелями она усвоила тонкости тогдашней международной политики. Она была постоянно в курсе всех важнейших политических новостей, слухов; от ее наблюдательного и острого ума не ускользали малейшие нюансы еще не созревших до конца политических решений. Порой случайно оброненная фраза или намек наводили ее на серьезные размышления, которыми она часто делилась с мужем. Однажды граф Ливен предложил ей самостоятельно составить депешу министру иностранных дел Нессельроде, и вскоре необычайные таланты «посланицы» в Лондоне перестали быть тайной для русского двора.

Граф Нессельроде завел с Доротеей самостоятельную переписку, обсуждая с ней вопросы российской внешней политики. Доротея неофициально становится одной из центральных фигур в реализации этой политики в период так называемого «Священного союза».

Как известно, этот альянс был заключен в 1815 году в Париже между русским и австрийским императорами и прусским королем. Позднее к нему присоединилось большинство монархов Европы. Общеизвестно, что ведущую роль в этом альянсе играли Александр I и австрийский канцлер Меттерних. Но это отнюдь не означало, что в отношениях между ними все было хорошо и гладко. Каждый из них по-своему стремился стать гегемоном в Европе и всеми возможными и невозможными средствами переиграть партнера.

Меттерних, ловкий мастер политического лавирования и интриги, никогда не отличался особыми симпатиями к России. Скорее наоборот: в марте 1812 года, накануне вторжения Наполеона в Россию, Меттерних заключает союзный договор между Австрией и Францией; после разгрома наполеоновских войск он выступает с предложениями «мирного посредничества» между Россией и Францией, стремясь извлечь из этого определенные выгоды для Австрии и помешать укреплению позиций России в Европе.

В 1815 году одновременно с участием в создании «Священного союза» Меттерних подписывает секретный договор против России с представителями Великобритании и Франции.

В этой сложной борьбе за перераспределение сфер влияния в Европе после крушения наполеоновской империи Меттерних играет двойственную роль, стремясь укрепить внешнеполитическое положение Австрии, но не забывая при этом и о своих собственных интересах. Известно, например, что в этот период он нажил огромное состояние, принимая «подарки» от иностранных держав, в том числе и от России: в 1815 году русское правительство назначило ему специальную «пенсию». Это его уже к чему-то обязывало... Разумеется, ни та, ни другая сторона не были заинтересованы в разглашении столь «щекотливого» факта, а тем более размеров «пенсии». Как раз к этому времени и относится знакомство графини Ливен с Меттернихом и возникающая между ними интимная близость, продолжавшаяся добрый десяток лет.

Был налажен секретный канал переписки между Доротеей и Меттернихом, контролируемый не только Нессельроде, но и самим царем. Александр оказывал графине милостивое внимание, лично беседовал с ней по вопросам европейской политики, давал ей устные инструкции. В 1818 и 1822 годах Александр лично

приглашал ее присутствовать на Аахенском и Веронском конгрессах «Священного союза», где участвовал и Меттерних.

В июле 1825 года Доротея, приехав в Петербург, имела важную конфиденциальную беседу с царем. Речь шла о тайных планах резкого поворота во внешней политике России — отхода от Австрии и сближения с Англией, министром иностранных дел которой был в то время Джордж Каннинг, гибкий и ловкий политик, ставший через два года премьер-министром. Дарья Христофоровна хорошо знала сильные и слабые стороны Каннинга и, что самое главное, пути подхода к нему. Беседа с царем прошла успешно, об этом можно судить по ремарке Александра, сделанной А.Х.Бенкендорфу после беседы. «Когда я видел твою сестру последний раз, — сказал царь, — она была привлекательной девочкой, сейчас она — государственный деятель».

В тот же день у Доротеи состоялась деловая беседа с Нессельроде, который в других, более «казенных» терминах повторил задание: разрыв с Меттернихом и сближение с Каннингом как наиболее твердым его противником в европейских делах и наиболее ценным союзником России в ее новой политике. Доротею снова предстояло выступить в роли агента... в интересах России. И снова почти на добрый десяток лет.

В 1834 году Ливены покинули Лондон. При этом Дарья Христофоровна, будучи уже княгиней, удостоилась редкого для иностранки в Великобритании внимания: от имени лондонских дам ей поднесли драгоценный браслет «в знак сожаления об ее отъезде и на память о многих годах, проведенных в Англии».

Дальнейшая ее судьба сложилась так. По возвращении в Петербург, несмотря на все почести и ласковый прием, она вскоре почувствовала ипохондрию: не было здесь привычной западноевропейской политической «сутолоки», без которой ей уже, как без допинга, было не по себе. Охлаждение к мужу, который вскоре умер, потеря двух сыновей, суровый северный климат — все это усиливало ее одиночество, склонность к депрессии. Она выехала в Париж, купила старинный дом Талейрана и возобновила там свой салон, который приобрел мировую славу, неотразимо привлекая к себе самое блестящее по талантам и политическому значению общество: королей, министров, выдающихся государственных и общественных деятелей. Среди ее наиболее близких друзей в этот период был Франсуа Гизо (1787—1874 гг.) — известный французский историк и государственный деятель, министр внутренних дел (август — ноябрь 1830 г.), народного просвещения (1832—1837 гг.), иностранных дел (1840—1848 гг.) и, наконец, премьер-министр Франции (1847—1848 гг.). С 1840 года Гизо был фактически руководителем всей политики так называемой Июльской монар-

хии. Революция во Франции 1848 года положила конец политической карьере Гизо. Многолетняя интимная связь с ним была «лебединой песней» Дарьи Христофоровны, одной из самых выдающихся «теневых» фигур в европейской политике первой половины XIX века.

Умерла она в Париже весной 1857 года, оставив после себя огромное количество писем, отрывочных записей, воспоминаний, которые разошлись по всему свету.

В соответствии с предсмертным желанием княгини Дарьи Христофоровны ее положили в гроб в черном бархатном платье фрейлины российского императорского двора.

Секретное поручение А.Грибоедову

Первую треть XIX века Россия провела в кровопролитных войнах с Персией (1804—1813 и 1826—1828 гг.). В результате Россия победила, и Персия была вынуждена признать присоединение к России Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана, а также Эриванского и Нахичеванского ханств.

В выработке условий Туркманчайского договора, который юридически оформил результаты двух войн и стал основой взаимоотношений между двумя странами вплоть до октября 1917 года, самое активное участие принял сотрудник дипломатической канцелярии при командующем российской действующей армией на Кавказе И.Ф.Паскевиче Александр Сергеевич Грибоедов. Он уже работал в российском посольстве в Персии между двумя войнами и хорошо изучил обстановку в стране. И когда он поехал в лагерь Абаса-Мирзы, сына шаха, командующего персидской армией, для решения политических вопросов, то заодно изучил состояние армии, выявил ее низкий моральный дух, «прощупал» адъютанта Абаса-Мирзы Гаджи-Махмуда-Агу на предмет его возможного использования в дальнейшем как агента и сумел получить от него практически согласие на это¹.

Успех Грибоедова при заключении мира решил его дальнейшую дипломатическую карьеру: он был назначен послом в Тегеран.

В инструкции для Грибоедова, составленной К.В.Нессельроде и утвержденной Николаем I 25 апреля 1828 г., помимо детальных указаний в отношении политических целей в его работе в Персии (таких, как упрочение мирных отношений между двумя странами, нейтралитет Персии в русско-турецких делах, развитие взаимовыгодной торговли и др.) большое место было отведено таким вопросам, как:

— покровительство подданным Персии, которые оказывали услуги российскому войску во время русско-персидской войны и ко-

торых стали бы преследовать после окончания этой войны (об этом специально было сказано в Туркманчайском договоре);

— сбор статистических и политических сведений о Персии, ее истории, географии, о состоянии ее экономики, торговли;

— сбор сведений о соседях Персии и ее с ними взаимоотношениях, о быте и нравах их населения, об их торговле, об их «дружественных и неприязненных» отношениях с другими странами.

Особо выделяется задача по сбору «в подлинном свете изложенных» сведений о Бухаре, ее торговле и внешних сношениях с Хивой, Персией, Афганистаном и Оттоманской империей.

Не менее важной задачей был сбор сведений о древних и современных караванных путях, идущих от Каспийского моря в Индию и сопредельные с нею страны.

«Но более всего, — говорилось в инструкции, — МИД встречает надобности в сведениях, почерпнутых из верных источников, об отношениях Персии к туркоманам [туркменам] и хивинцам, о степени ее приязни с оными и влияния могущества ее на сии кочевые племена, а с другой стороны о случаях к опасению, к взаимным враждебным действиям их и о способах Персии к отражению их набегов».

Большой раздел инструкции был посвящен так называемым «чрезвычайным расходам». «Для успешного исполнения всего, что Вам предначертано, необходимы связи в том крае, где Вы будете иметь постоянное пребывание, и содействие людей усердных. Самые вельможи и даже сыновья шахские нуждаются иногда в значащем вспоможении наличными деньгами, от которых внезапно восстанавливается их вес и зависит нередко их спасение. Такая услуга с Вашей стороны, вовремя оказанная, может приобрести Вам благодарность лиц полезных и сделать их искренними, следовательно, решения по сему предмету предоставляются Вашему благоразумию.

Впрочем, многие местные обстоятельства в Персии нам в совершенной полноте неизвестны, а потому я ограничиваюсь выше изложенными наставлениями, по Высочайшему повелению предначертанными Вам в руководство. Но при сем долгом поставляю сообщить Вам, что Его Императорское Величество пребывает в том приятном удостоверении, что Вы при всяких случаях и во всех действиях постоянно будете иметь в виду честь, пользу и славу России»².

Слава России во многом зависела в те времена от успешного противодействия экспансионистским устремлениям Англии на всей протяженности российских границ на юге и востоке страны. Еще в первой половине XIX века в Азии обозначились две тенденции, исключавшие возможность какого-либо компромисса: это — продвижение англичан на север от Индии и стремление России

выйти на юг в сторону «жемчужины британской короны». Англия всячески оберегала даже самые дальние подступы к Индии и стремилась укрепить свое присутствие и влияние в странах, граничащих с ней. Для осуществления этих целей британское правительство использовало самые разнообразные средства, начиная от чисто пропагандистского разоблачения «агрессивного курса» России против своих южных соседей и кончая реальными угрозами открытого столкновения с применением «объединенных усилий стран, опасавшихся нападения со стороны северного соседа». К таким странам прежде всего относились Оттоманская империя и Персия, которые с большой подозрительностью взирали на «военные игры» царской армии в непосредственной близости от их границ и пытались повысить собственную боеспособность путем массовой закупки современных вооружений и приглашения к себе на службу квалифицированных английских советников.

Эти советники были заинтересованы в том, чтобы их присутствие там строилось на постоянной основе. А для этого нужна была постоянная угроза или создание таковой.

А.С.Грибоедов по прибытии в Тегеран практически не успел приступить к выполнению поставленных перед ним задач. В декабре 1828 года произошел роковой инцидент, который дал почву для раздувания антирусской вражды. Вняв слезной мольбе внука из шахского гарема, армянина Мирзы Якуба, и двух плененных во время войны армянок, спасавшихся от преследователей, Грибоедов дал им убежище в здании миссии. Это послужило для персидских властей поводом возбудить религиозный фанатизм определенной части местного населения и начать антирусское выступление в Тегеране. Многие склонны считать, что это произошло не без помощи англичан.

30 января 1829 г. огромная толпа разъяренных персов ворвалась на территорию российского посольства, убила всех, кто там находился, и разграбила все имущество. Среди погибших был и А.С.Грибоедов.

Инструкцию Нессельроде пришлось выполнять уже преемникам Грибоедова, в частности генерал-майору Симоничу Ивану Осиповичу, заступившему на место Грибоедова.

Представитель Николая I генерал-майор Долгоруков, приехавший в Тегеран для улаживания инцидента с разгромом российской миссии и пробывший в персидской столице довольно длительное время, высказал свои замечания главе Азиатского департамента МИД К.К.Родофиникину относительно дальнейшей организации разведывательной работы в Персии. Он отмечал: «В Азии не так, как в Европе. Здесь каждый день является перемена в мыслях и весьма часто в действиях. Чтобы не дать дурного хода делам и чтобы иногда успеть предупредить какие-либо действия, нужно

быть скоро и верно извещену. Успех в деле от сего происходит. Чтобы дойти ж до намечаемой цели, надобно иметь людей, а людей без денег и подарков невозможно приобрести... Я совершенно того мнения, что не должно позволять больших экстраординарных расходов, но необходимо также назначить сумму, чтобы отыскать одного или двух чиновников персидских, которые бы доставляли верные известия... по приезде же моем я не нашел ни одного человека, который бы хоть немного придерживался к нашей миссии, тогда когда всё валит к англичанам»³.

Пройдет не так уж много времени, и в агентурной сети появятся лица, о которых говорил Долгоруков. В 70-х годах, когда заметно активизировалась российская политика в Средней Азии и шла борьба с пройсками англичан в этом регионе, российский посол в Тегеране получал детальные сведения о тайных замыслах и действиях англичан не только от своих консулов, имевших многочисленную агентуру в туркменских племенах, которые англичане постоянно пытались натравить на Россию, но и непосредственно от персидского министра иностранных дел.

¹ См. Архив внешней политики Российской империи, ф. «Грибоедов А.С.», д. 76.

² Там же, д. 16.

³ Там же, д. 21.

19

В далеком Рио

Значительным импульсом, подтолкнувшим Россию к поискам прямых контактов с колониями европейских держав в Америке, стало установление императором Наполеоном «континентальной блокады» Англии — крупного российского внешнеторгового партнера того периода. Русское самодержавие было вынуждено присоединиться к блокаде по Тильзитскому миру с Францией 1807 года, и это фактически перекрыло и без того тоненький ручеек получения таких продуктов, как сахар, кофе, хлопок, индиго, пряности, ценные породы древесины, а также резко ограничило экспорт русского хлеба, железа и железных изделий (в том числе пушек), леса, пакли, пеньки, парусины, канатных изделий.

К тому же возникло еще одно обстоятельство. В 1808 году после вторжения в Португалию войск Наполеона португальский принц-регент Жуан бежал в Бразилию вместе со своими придворными и частью португальской армии. Бразилия превратилась в монархию со столицей в Рио-де-Жанейро, принц-регент официально стал королем Жуаном I. Переезд португальского двора в Рио-де-Жанейро усилил интерес России к установлению связей с Бразилией.

О важности, которую придавало правительство России вопросам установления и развития прямой торговли с Бразилией, свидетельствует выдержка из письма канцлера Н.П.Румянцева императору Александру I от 10 декабря 1809 г., в котором он рекомендовал «воспользоваться сложными обстоятельствами, в которых находится сейчас Европа, чтобы установить прочные и постоянные прямые торговые связи между Российской империей и владениями Португалии в Америке, что значило бы воздвигнуть памятник нынешнему царствованию»¹.

Александр I дает указание о назначении аккредитованного при правительстве США Ф.П.Палена русским посланником при пор-

тугальском дворе в Бразилии. Император наставлял Палена, что в этой далекой стране основной интерес для России представляет торговля, «выгоды которой кажутся несомненными». Однако вскоре убедились, что совмещать одновременно обязанности посла в США и посланника в Бразилии нецелесообразно, и тогда пришли к решению о направлении в Рио-де-Жанейро отдельного постоянного представителя в ранге консула. Н.П.Румянцев лично занялся подготовкой инструкций будущему консулу, из которых видно, что канцлер ставил перед ним достаточно широкие, носившие по существу разведывательный характер задачи.

Консулу прежде всего указывалось на необходимость «раскрыть бразильцам, какие преимущества дает им торговля... и показать русским купцам всю пользу, которую они могут извлечь из торговли с Бразилией»². Ему предлагалось также изучать бразильские товары, собирать информацию об условиях торговли (особенно привилегий, которыми пользовалась Англия, занимавшая на бразильском рынке практически монопольное положение), анализировать бразильское торговое законодательство и т.д. Рекомендовалось не пренебрегать «ни малейшими деталями». «Сведения, которые считались бы излишними в Европе, — говорилось в документе, — становятся важными в отношении Бразилии».

Одновременно консулу настоятельно предписывалось собирать данные о политическом и экономическом положении, причем не только в Бразилии, но и в Латинской Америке в целом.

Решительная настроенность канцлера Н.П.Румянцева на скорейшее развитие торговых связей с Бразилией насторожила англофильские круги России. Сильнейшее противодействие всеми доступными средствами оказывали этим планам могущественные силы в самой Англии и, естественно, в контролируемых ими проанглийски настроенных кругах, близких к португальскому двору. Им удалось сорвать выезд в Рио-де-Жанейро в качестве консула крупного российского коммерсанта польского происхождения Ксаверия Ивановича Лабенского, до этого являвшегося генконсулом России в Париже. Против него было распространено лживое обвинение в том, что он является «агентом» Наполеона. На этом основании португальский двор потребовал от России отмены назначения Лабенского.

Возникла срочная необходимость найти другого человека, что было не так-то просто сделать, учитывая не только требование соответствия кандидата ставившимся перед ним весьма сложным торгово-экономическим и политическим задачам, но и не в последнюю очередь то, что ему пришлось бы работать в самой отдаленной от России стране, в условиях, которые в тот период лишь с большой натяжкой можно было назвать цивилизованными.

Такой человек нашелся. Это был недавно принятый в российское подданство немецкий ученый-энциклопедист Георг Генрих (Григорий Иванович) фон Лангсдорф.

Узнав о планах развития отношений с Бразилией, Лангсдорф сам предложил свою кандидатуру на пост консула в Рио-де-Жанейро. Обосновывая свою просьбу, Г.И.Лангсдорф писал, что пробыл пять лет в Португалии, хорошо знает ее народ и язык, а также французский, немецкий, английский и русский языки.

Официальное назначение Лангсдорфа на должность российского консула в Бразилии состоялось летом 1812 года. В конце сентября того же года он с женой, военным моряком Н.Г.Рубцовым и прикрепленными к нему в качестве стажеров четырьмя юношами из российских торговых семейств (Ф.Душкин, Н.Танненберг, И.Горбунков и П.Кильхен) отправился на попутных судах в Рио-де-Жанейро, куда прибыл лишь в апреле 1813 года. Спутниками Лангсдорфа были работавшие по контракту художники — немец М.Ругендас и французы Э.Флоранс и А.Тоней, сделавшие много зарисовок.

К моменту прибытия Г.И.Лангсдорфа обстановка в стране стала более благоприятной для России. Во-первых, Россия к тому времени возобновила союзнические отношения с Португалией и Англией в войне против Наполеона. Во-вторых, по своим политическим взглядам Лангсдорф являлся убежденным монархистом, что также не могло не вызывать симпатий португальского двора. И, наконец, Лангсдорф был одним из довольно известных врачей своего времени, что имело немаловажное значение для условий Бразилии, где только в 1811 году из двенадцати высших государственных советников девять умерли, а двое из оставшихся троих страдали тяжелыми болезнями³. Большую роль играло и свободное владение Лангсдорфом португальским языком.

Все это обеспечило ему чрезвычайно любезный прием в Рио-де-Жанейро. Он быстро установил близкие отношения с министрами и видными сановниками, а также с членами королевского дома, не говоря уже о представителях дипломатического корпуса.

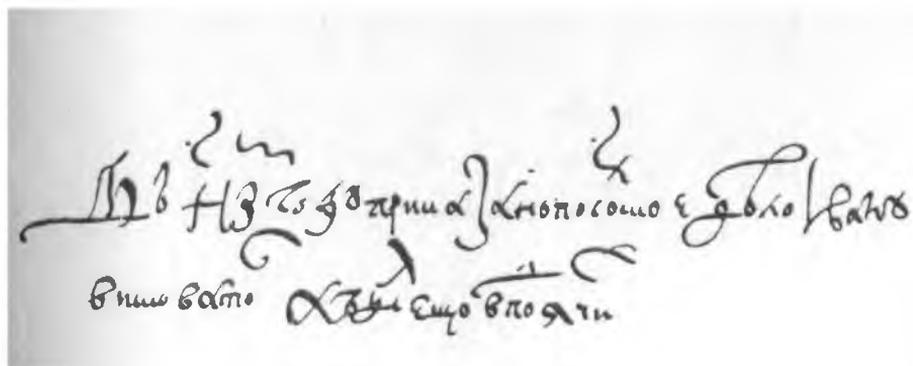
Главную свою задачу в точном соответствии с полученными инструкциями Г.И.Лангсдорф видел в глубоком и тщательном изучении бразильского рынка. В начале 1813 года в связи с англо-американской войной, возникли определенные затруднения с поставками в Бразилию товаров как из США, так и из Англии. Для расширения сбыта в этой стране российских товаров открылись благоприятные перспективы. Г.И.Лангсдорф в этой связи собрал конспиративно и направил в департамент внешней торговли Министерства финансов России практически полный список иностранных судов, посетивших Рио-де-Жанейро в январе — апреле 1813 года, с указанием времени прибытия и отправления судна, его

Московское посольство за границей в XVI веке

Посольский двор в Москве в XVII веке

Выписка из посольских дел: «В 57-м году (1549 год) приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подьячих»

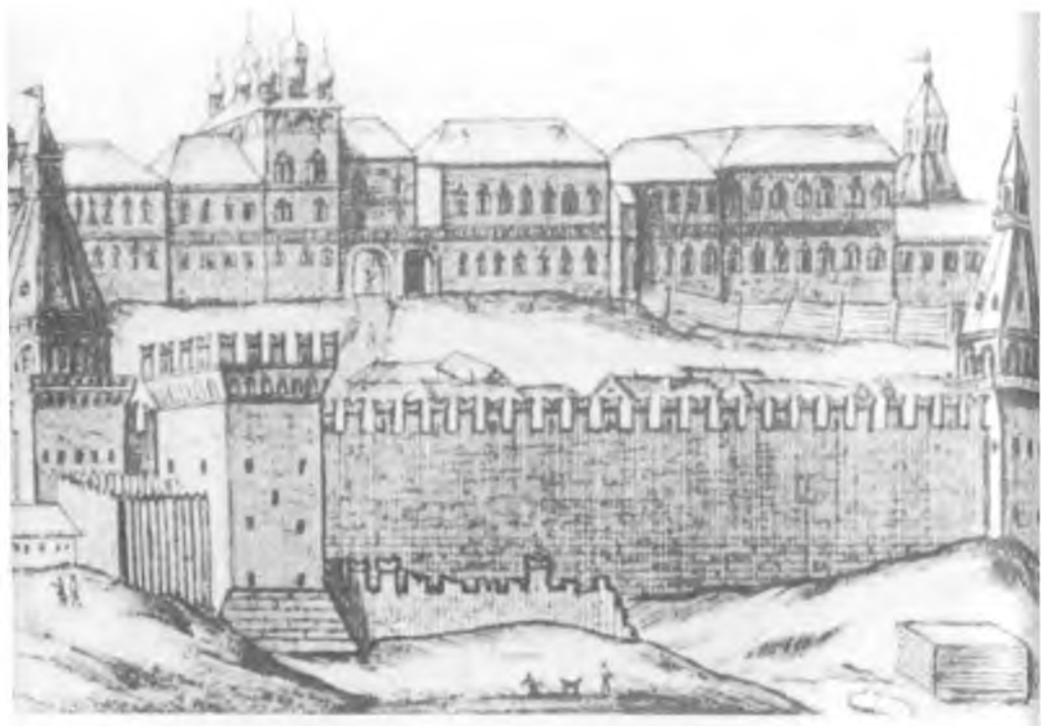
И тогда цари и великие князья
 и митрополиты и епископы и
 воеводы и бояре и
 все дворяне и
 все бояре и
 все дворяне
 и все бояре
 и все дворяне
 и все бояре

Миниатюра из Царственной книги XVI века с двойным изображением И.М.Висковатого: рядом с царской постелью и отдельно — в левом верхнем углу

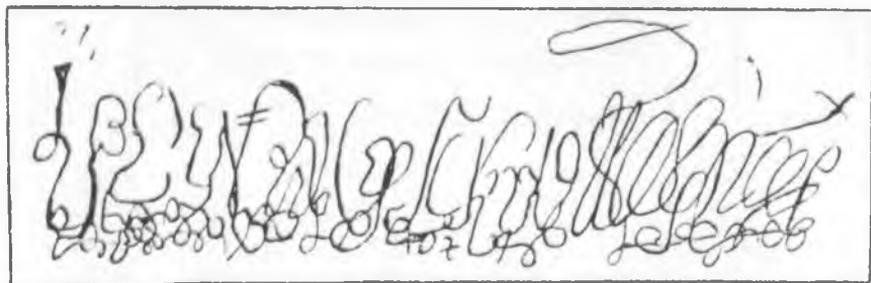
и рече преннии зев . и црь Иванни кнзь
 писалъ змиши божи на гвоио кнзю
 помодиме и подковниа пороотыи некого
 дунныи свохъ бнаръ . а еокрто пылаа дик
 ио сего жана михилопа . не бо и репошии
 целодати . и на иъ пошии бо и реца опа
 лоу крста стобъ ко и рни кнзь помодиме
 женои пороотыи некою . а ддъ кнъ и на иъ
 михилопа в крста держалъ

Миниатюра из Царственной книги. Сцена присяги царю Ивану IV, с крестом
 в руке — И.М.Висковатый

Здание приказов, построенное в Кремле в 70-х годах XVII века

Тайнописная вязь

А.Л.Ордин-Нащокин

Преходити Хоні Мудрости Сисно Нисноде Нисерого
Зомтати Сто король Ето дитя Нисноде Билі Митиши
Принасади Пожадавати Слони Коро Единогос Днестра
Вадельский Кань Сидеть По Срам Пожадити
Унамошабонь Билі Дорши Поря Енонь Нисно
Дитя Етнана ПЕ Нисно Ети Днестро Билі Сидеть Нисно
Радельний Поря Нисно Билі Дорши Срам
Днестроты Сидеть Коро Етнана Поря Нисно

Тригорні Котошиха

Заключительные строки прошения Г.К.Котошихина на имя польского короля Яна-Казимира

П.А.Толстой

А.А.Матвеев

И.Р.Паткуль

Н.И.Панин

Ф.Винцингероде

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Неприятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ вести оружіе свое внутрь России, надвигая силою и соблазнами погнать спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положишь въ умъ своемъ злобное явлѣніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестию въ ушахъ несетъ онъ вѣщаніа для ней цѣны и оковы. МЫ призываеъ на помощь Бога поставляемъ въ преграду ему войски НАШИ, кипищія мужествомъ погнать, опрокинуть его, и до, что останется на испреблищнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и храбрость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать оныя дѣрныи. НАШИХЪ подданныхъ, что собраныи имъ радиодержавныи снль велики, и что отважностъ его требуетъ не усныиного пропнвъ нее бодрствованія. Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимонужное собрать внутря Государства новыи силы, которыи, нанося новыи ужасы врагу, составилибы яшерую отраду въ подкрѣпленіе первой, и въ зашщуду домовъ, жель и дѣтней каждого и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ Москвѣ, а нынѣ зываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ дѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословиамъ и сословиамъ духовнымъ и мирскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнмъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу пѣдѣ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдеть оны на каждомъ шагѣ дѣрвать сынонь Россіи, поражающия его водами средствами и силами, на вынмоя никакимъ его лукавствомъ и обманамъ. Да воспрнмать оны въ кендѣтѣ дворяншій Полярскаго, въ кендѣтѣ духовномъ Намышнѣ, въ кендѣтѣ гражданшій Мышнѣ. Благодарное дворянское Состояніе! Ты во всея дѣрншн Благославленемъ Оленоснмъ; Святойшій Сннмъ и духовншій! Въ, всегда Тѣпчыми молитвами своими призываетъ Богородица на помощь Россию, народъ Руской! Храброе воинство хабрѣеко Снмъ! въ, вездѣшнмъ окрушмъ дубы усн, члалншнсь на себя выдѣ, и шнрѣе; соднмшнсь

всѣмъ по крестомъ въ сердцахъ и съ оружіемъ въ рукахъ нивкиѣ силы чело-
вѣчскія насъ не одолѣють.

Для первоначальнаго составленія предвѣщаемыхъ силъ предоста-
вляется во всѣхъ Губерніяхъ дворянству сводить поставленныхъ ими
для защиты отечества людей, избирая изъ среды своихъ себя Началь-
ника надъ оными, я давая о числѣ ихъ знашь въ Моему, гдѣ избранъ
будеть Главный надъ всеми Предводитель.

Въ лагерѣ близъ Полоцка 1812 года Іюля 6 дня.

На подлинномъ собствен-
норъ ГГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЛАДИЧЕСТВА рукою подпи-
сано вѣно :

Печатомъ въ Санктпетер-
бургѣ при Семомъ Іюля 10
дня 1812 года.

АЛЕКСАНДРЪ

М.Б.Барклай де Толли

А.Фигнер

Д.Х.Ливен в молодости

Д.Х.Ливен в возрасте 40 лет

Д.Х.Ливен, 1856 год

А.С.Грибоедов

А.И.Чернышев

Большая государственная печать Посольского приказа

К.В.Нессельроде

Князь Ш.-М. Талейран-Перигор. Портрет работы Ф. Жерара

Князь Талейран, «Красавец Леандр». 1834 год

Александр I

Канцлер Меттерних

Ф. Гизо

Я.Н.Толстой

Я.Н. Толстой (1860-е годы)

Э. де Жирарден, агент Я.Н.Толстого

А.Х.Бенкендорф

Н.П.Игнатъев (в сакле) во время подготовки Сан-Стефанского мирного договора с Турцией, 1878 год

Д.И. Менделеев

Подписание Сан-Стефанского
договора 19 февраля 1878 г.

П.Д. Паренсов

И.Ф.Манасевич-Мануйлов

Полковник А.Редль

Н.М.Потапов, начальник отдела генерал-квартирмейстерской службы, ведавшей вопросами внешней разведки

названия и класса, фамилии и имени капитана, характера груза, порта отправления и назначения, времени нахождения судна в пути, грузополучателя (в Бразилии).

Не ограничиваясь этими данными, Лангсдорф на основании имеющейся у него информации, полученной от капитанов судов, бразильских и иностранных купцов, произвел расчеты и сделал рекомендации относительно наиболее целесообразных сроков выхода в плавание к берегам Бразилии русских торговых судов из балтийских портов, с тем чтобы они могли воспользоваться как благоприятной погодой, так и эскортом английских военных кораблей (от Портсмута до Рио-де-Жанейро), что было немаловажно для безопасного плавания, а также сроков выходов в обратное плавание и маршрутов. Консул давал одновременно рекомендации по номенклатуре, качеству и другим детальным характеристикам товаров, которые следовало везти в Бразилию⁴.

Англия в начале развития русско-бразильской торговли относилась к этому процессу сравнительно терпимо, рассматривая эти отношения как определенный удар по наполеоновской «континентальной блокаде». Но, когда победа над Наполеоном фактически была одержана, англичане начали предпринимать значительные усилия, чтобы сохранить свое монопольное положение на бразильском рынке. Вот почему Лангсдорф пристально следил за деятельностью в Рио-де-Жанейро английских представителей и регулярно в закрытой переписке информировал российское правительство о бразильско-английских отношениях и их влиянии на связи России с Бразилией.

Для более внимательного изучения всех деталей англо-бразильских отношений Лангсдорфу удалось, преодолев немалые трудности, пристроить прибывших с ним в Рио-де-Жанейро консульских учеников в ведущие английские фирмы. Судьба этих молодых людей сложилась по-разному, но один из них — Петр Петрович Кильхен — стал впоследствии известным коммерсантом и дипломатом. В 1818 году он был назначен российским вице-консулом в Бразилии, прослужил там до 1831 года и принес немалую пользу России своей информацией о положении в этой и прилегающих латиноамериканских странах.

В мае 1815 года в Рио-де-Жанейро прибыл поверенный в делах России Алексей Васильевич Сверчков, принявший от Лангсдорфа дипломатические обязанности, которые он исполнял в отсутствие официально назначенного посла России.

Умный и образованный человек, А.В.Сверчков обладал спокойным и уравновешенным характером, легко сходилась с людьми и умел расположить их к себе. Эти качества помогли ему быстро обзавестись, с помощью Г.И.Лангсдорфа, нужными связями в правительственных кругах Бразилии, верно оценить обстановку при

португальском дворе и активно включиться в сбор политической информации.

Сверчков пользовался доверием и уважением у самого короля Жуана и его жены — испанской принцессы Карлотты-Хоакины, несмотря на смертельную ненависть царственных супругов друг к другу. Алексей Васильевич нередко приглашался на такие придворные церемонии и приемы, где вообще был единственным иностранцем. Все это позволяло ему получать информацию о политике королевского двора «из первых рук» и сообщать наиболее важные сведения российскому правительству.

В частности, А.В.Сверчков подробно информировал Петербург о подготовке Бразилии к вторжению на Восточный берег (ныне Уругвай). «Эта экспедиция, кажется, совершается в секрете от мадридского двора и от Лондона»⁵, — писал он Нессельроде 20 мая (1 июня) 1816 г. Сверчков весьма точно предсказывал и конечный неудачный исход этой военной экспедиции: «Даже если предположить, что португальские войска захватят всю территорию, расположенную вдоль Рио-де-Ла-Платы, между Восточным мысом и колонией Сан-Сакраменту, что весьма вероятно, то этому правительству с такими небольшими силами будет очень трудно оставаться хозяином земель, где все население военизировано, особенно если этому воспротивятся Испания и Англия»⁶.

При этом Сверчков весьма основательно аргументировал свои выводы тем, что Англия, естественно, не захочет терять в результате начинающейся войны свои выгоды от торговли с Буэнос-Айресом, оказывающимся фактически в зоне конфликта, а Испания надеялась самостоятельно подавить национально-освободительное движение в Уругвае и не отдавать эти территории в чужие руки.

Судьбе было угодно распорядиться так, чтобы Г.И.Лангсдорф вновь, во второй раз, принял на себя обязанности русского официального представителя в Рио-де-Жанейро. Вот как он писал об этом К.В.Нессельроде: «В стране, которую покидает г-н Сверчков... я снова поставлен перед необходимостью выполнять обязанности поверенного в делах, и не из-за того, что премьер-министр этого двора г-н граф де Барка, устно заявивший мне, что его величество не желает, чтобы дружба и доброе согласие, столь долго и счастливо существовавшие между нашими дворами, оказались превращенными, уже признал меня в случае отъезда г-на Сверчкова представителем нашего государя... Я не поколебался временно принять эту должность, на что прошу вашей санкции...»⁷.

В начале сентября 1819 года в Рио-де-Жанейро в качестве посланника России прибыл Федор Васильевич Тейль фон Сераскеркен, один из первых «военных агентов» Баркляя. До начала Отечественной войны 1812 года, работая в Вене и Берлине, Ф.В.Тейль успешно выполнял разведывательные задания. Деталь-

но изучив стратегию и тактику военных действий Наполеона, всегда стремившегося добиться быстрого успеха, он еще в 1811 году рекомендовал в случае нападения Франции на Россию «вести длительную и упорную войну», отступить, «избегать генеральной сражения», действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть военные действия до зимы. Г.И.Лангсдорф передавал дела в надежные руки.

Итак, Бразилия стала первым форпостом российской дипломатии в Латинской Америке. Отношения с другими странами континента развивались медленно и вяло. Россия, придерживаясь порожденного «Священным союзом» принципа «легитимизма», в течение десятилетий не хотела признавать освободившиеся от колониальной зависимости латиноамериканские государства, за исключением монархической Бразилии, хотя еще в начальный период борьбы за независимость латиноамериканских республик (1810—1812 гг.) представители Венесуэлы, Перу, Чили, Аргентины пытались найти пути к сближению с Россией, сталкиваясь, по меньшей мере, с выжидательной позицией царского двора.

Освоение русскими Американского континента шло в основном с севера, невзирая на конфликты с США и Англией. В качестве опорного пункта использовалась Российско-Американская компания. Особую роль здесь играл Ф.П.Врангель, который был в 1830—1835 годах главным правителем Русской Америки, а в 1840—1849 годах — директором Российско-Американской компании.

В 20—30-х годах XIX века перед Российско-Американской компанией встала задача укрепить положение Русской Калифорнии, сделав ее базой снабжения хлебом Русской Америки. Врангель предложил в 1834 году вступить в переговоры с мексиканским правительством, с тем чтобы в обмен на официальное дипломатическое признание Россией Мексика уступила бы Российско-Американской компании долину реки Славянки. В отчете о переговорах Врангель писал в Санкт-Петербург в 1836 году: «Дипломатическому агенту России в Мексике по заключении торгового трактата будет нетрудно, думаю я, утвердить за Россиею колонию Росс, и, определяя границы от колонии, можно оные отодвинуть на десятки миль к востоку, югу и северу, чему не встретится затруднений». Царское правительство не решилось пойти на официальное признание республиканского правительства Мексики, и переговоры Врангеля не получили дальнейшего развития, хотя в инструкции ему поручалось выяснить, «до какой степени акт нашего признания мог бы склонить мексиканское правительство к формальной уступке занятых нами в Калифорнии земель».

Ситуация несколько изменилась лишь к концу XIX века. В этот период выделяется фигура талантливого русского диплома-

та Александра Семеновича Ионина. Будучи послом в Бразилии в 1883—1892 годах, он участвует в установлении дипломатических отношений с Аргентиной (1885 г.), Уругваем (1887 г.) и Мексикой (1890 г.), много ездит по странам материка. Подробные сообщения Ионина о ситуации в этих странах и возможностях активизации отношений с ними привлекали внимание самого императора Александра III. Однако каких-либо конкретных мер по усилению российского влияния в этом регионе не принималось. Сказывались, конечно, огромные расстояния, отделяющие Россию от Латинской Америки, да и традиционные интересы империи диктовали необходимость сосредоточить внимание на решении «более близких» внешнеполитических задач.

¹ Внешняя политика России. — Т. V. — М., 1967. — С. 324—325.

² Архив внешней политики России, ф. «Канцелярия», 1811 г., д. 2599, лл. 3 об. — 4.

³ Там же, ф. «АД, П—3», 1801—1830 гг., д. 8/30, лл. 3, 7—23 об.

⁴ Там же, лл. 5 об. — 6 об.

⁵ Там же, ф. «Канцелярия», 1816 г., д. 9927, лл. 26 об. — 27.

⁶ Там же, л. 27.

⁷ Там же, ф. «Канцелярия», 1817 г., д. 9934, лл. 18—19.

Рыцарь «Зеленой лампы»

Его биография настолько богата различными событиями, неожиданными драматическими перипетиями, что вполне могла бы послужить основой для приключенческого романа. Может быть, со временем такой роман и порадует любителей детективного жанра, а пока ограничимся кратким изложением «тезисов» к роману.

Прежде всего необходимо отметить, что с точки зрения современных понятий деятельность этого человека на поприще спецслужб никак не укладывается в какие-то строго очерченные рамки. Он служил в Генштабе, был военным разведчиком, затем, следуя нынешней терминологии, находился в розыске по подозрению в причастности к государственной измене, затем выполнял задания III отделения Канцелярии Его Императорского Величества, того самого жандармского ведомства, которому ранее было поручено провести расследование о его участии в антигосударственном заговоре, и, наконец, он исполнял функции того, кто сейчас называется «агентом влияния», проводя на протяжении многих лет большую разведывательную работу на пользу Отечества в средствах массовой информации за рубежом. Больше того, о нем можно сказать, что он был одним из первых крупных «агентов влияния» царской разведки... Но начнем все по порядку.

Старший из трех сыновей зажиточного помещика, предводителя дворянства Осташковского уезда Тверской губернии Николая Яковлевича Толстого, названный Яковом в честь деда, появился на свет в 1791 году в родовом имении отца. В 1802 году Яков был зачислен в Пажеский корпус. Хотя его семья не была приближена ко двору и имела всего 3000 душ крепостных, что по меркам того времени было не слишком уж много, Толстые считались представителями верхушки российского общества благодаря древности и

славе своей фамилии. Предок Толстых, черниговский боярин Андрей Харитонович, переехал на службу к московским государям еще во второй половине XV века. С тех пор Толстые, старшая ветвь которых в лице Петра Андреевича получила графское достоинство при Петре Великом, верой и правдой служили правителям России, дав ей немало крупных военачальников, государственных деятелей, дипломатов и талантливых литераторов. На службе Отечеству предстояло проявить себя и Якову, тем более что Пажеский корпус давал все необходимые возможности, позволявшие юноше успешно начать любую военную или штатскую карьеру.

Яков вышел из Пажеского корпуса летом 1808 года, в разгар непрекращающихся войн в Европе, которые вел Наполеон, претендовавший на полное господство на континенте. Русской армии уже доводилось сражаться с его войсками в Италии и при Аустерлице, и, несмотря на перемирие, в России понимали, что большая схватка с французами еще впереди. Поэтому в армию стремились многие юные дворяне, считавшие карьеру военного лучшим исполнением патриотического долга. Среди них был и Яков Толстой, зачисленный 20 ноября 1808 г. прапорщиком придворного лейб-гусарского полка. Но жизнь при дворе, интриги и однообразные утомительные церемониалы быстро наскучили юноше, еще в пажих отличавшемуся тягой к литературному творчеству. В декабре 1810 года Яков Толстой подал в отставку. Уже через год он сдал экзамены за курс наук в педагогическом институте, получив право на гражданский чин коллежского асессора. Возможно, Яков стремился продолжить образование, но уже совсем близкая война с Наполеоном изменила его планы.

В апреле 1812 года он подает прошение о восстановлении в армии и получает назначение в один из пехотных полков, спешно выдвигавшихся к западной границе. Первый бой полк принял в Белоруссии под Кобрином 15 июня 1812 г., сражаясь с авангардными войсками армии Наполеона. Яков Толстой участвовал в сражениях 1812 года, в кампаниях 1813—1814 годов, за которые был удостоен боевых наград, включая орден Св.Владимира с бантом — боевой орден за личную храбрость, высоко ценимый среди офицерства. По окончании войны Яков вернулся в Петербург, получив назначение адъютантом к генерал-лейтенанту Л.О.Роту в гвардейский Павловский полк.

В январе 1817 года Толстой назначается старшим адъютантом дежурного генерала Генерального штаба А.А.Закревского. Теперь через руки молодого капитана проходят распоряжения и приказы для всей русской армии.

Одновременно в жизни Якова происходит событие, благодаря которому он в основном и остался известен потомкам: в том же 1817 году он входит в кружок молодых литераторов — «лихих

рыцарей, друзей свободы и вина», получивший название «Зеленая лампа» в честь абажура, под которым участники кружка собирались в доме его председателя Никиты Всеволожского. Там Толстой знакомится с Пушкиными, Глинкой, Дельвигом, Чаадаевым, Шаховским, многими другими знаменитостями того шедрого на таланты времени. В 1819 году встречи с квартиры Всеволожского перешли к Толстому. Тогда же Пушкин посвятил ему «Стансы»:

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укорины...

Среди блестящей и шумной молодежи, составлявшей кружок, Толстой выделялся собранностью, внутренней серьезностью, что хорошо подметил Пушкин. Если другие «кавалеры "Зеленой лампы"», любившие порассуждать о свободе и равенстве, а иногда и о свержении тирании, делили время в основном между пирушками, любовными историями, картами и театром, то Яков неукоснительно исполнял службу в Генштабе, а свои первые стихотворные опыты, довольно напыщенные и тяжеловесные, сохранял от друзей в тайне. Эта тайна раскрылась только в 1821 году, когда Яков Толстой все-таки решился издать свою первую книгу «Мое праздное время», в которую вошло 28 стихотворений. И снова два важных события одновременно: в том же 1821 году Толстой получает высокую должность старшего адъютанта Генштаба. Теперь он допущен к делам особой важности и секретности — мобилизационным планам, переписке с военными агентами России за границей, обработке поступающей от них информации, в том числе и разведывательной.

Вместо распавшейся «Зеленой лампы» в Петербурге стали появляться первые тайные общества, куда входили офицеры и молодые чиновники — предшественники декабристских организаций. В одно из них — Союз Благоденствия — вступил и Яков Толстой.

Толстой продолжал служить и посещать собрания общества до апреля 1823 года, когда по состоянию здоровья испросил у начальства годичный отпуск для лечения больной ноги и уехал в Париж.

Первые впечатления о парижской жизни Толстой описал в появившихся с 1823 года в журнале «Сын Отечества» статьях, в которых он рисовал яркие картины политической жизни Франции, давал обзоры ее культуры и искусства. В самом Париже Толстой стал вести с 1824 года в академическом издании «Ревю энциклопеди» постоянную колонку, посвященную русской литературе и искусству. По меткому выражению П.Вяземского, «Толстой в 20-е гг. был генеральным консулом по русской литературе во Франции». Он одним из первых перевел на французский Пушкин-

на, открыл для европейцев талант Крылова, которого они до этого считали подражателем Лафонтену, познакомил их с творчеством А.С.Грибоедова и А.А.Бестужева-Марлинского.

События декабря 1825 года стали тяжелым ударом для Толстого, многие друзья которого в России оказались под судом. Его имя попало в следственные бумаги в списках членов тайных обществ, и весной 1826 года он получил предписание вернуться в Россию. Толстой отказался и был уволен со службы в конце 1826 года, фактически став «невозвращенцем» и потеряв все права на армейский пенсион и дворянские привилегии. Для него начался самый тяжелый период жизни. Лишенный средств к существованию, перестав получать деньги из России, он жил литературным трудом — писал для парижских изданий правду о России тогда, когда отношение Европы к ней подверглось резкому охлаждению.

Франция не могла простить России Венского мира, лишившего ее всех завоеваний Наполеона, и была резко настроена против внешней политики императора Николая I. С середины 1820-х годов в Париже стали появляться антирусские памфлеты, принижающие не только существующее в России правление, но и ее историю и национальные черты. Толстой выступил на защиту престижа своего Отечества. В 1825 году он подверг аргументированной критике «Обзор русской истории» Раббе. В 1827 году выступил против путевых заметок некоего Жака Ансело «Шесть месяцев в России», где тот в тенденциозной форме писал о варварстве всех без исключения русских, об их неспособности к самостоятельному правлению.

Одним из самых громких скандалов, связанных с публикациями о России, стало издание в 1829 году в Париже записок Виктора Манье — французского офицера, бывшего инструктора в турецкой армии, плененного во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Вернувшись из России после года, проведенного в плену, Манье в своих «Записках» обрушился на русскую армию, приписав ей многочисленные зверства, оказавшиеся на проверку вымышленными, а также дезорганизованность, слабость и отсталость, не гнушаясь самыми оскорбительными выражениями.

Толстой ответил Манье брошюрой «Возражение французскому офицеру», где, по мнению современника, «выступил усердным и искусным защитником в чужих краях от нападений злобы и ненависти». Когда же Манье обвинил Толстого в клевете, Яков вызвал его на дуэль. Манье драться с ним не рискнул и больше в печати не появлялся.

Эта история прибавила Толстому престижа в Санкт-Петербурге, в том числе и в сановных кругах. Еще с 1827 года он вновь получил возможность публиковать свои статьи в либеральном «Московском телеграфе». Но жизнь Толстого оставалась крайне

стесненной. Перемены произошли не в доходах, а в его взглядах: Толстой заново пересмотрел свой долг перед Отечеством. В письме брату Ивану от 13 августа 1830 г. он прямо писал: «...если бы наше правительство захотело употребить меня здесь, я мог бы принести ему большую пользу, так как знаю превосходно Париж с его духовной стороны и нахожусь в сношениях с влиятельными людьми, но мне трудно их поддерживать по причине крайней нищеты. Если бы генерал Закревский или глава его канцелярии в Генеральном штабе А.С.Меншиков и другие хотели бы восстановить мою честь в глазах Его Величества и употребили меня на дело здесь, то я был бы очень полезен».

Три года спустя, в 1833 году полуголодная жизнь Толстого изменилась к лучшему после того, как в Париж на вновь утвержденную должность корреспондента Министерства народного просвещения прибыл 25-летний князь Элим Петрович Мещерский. Несмотря на молодой возраст, князь к тому времени имел опыт пятiletней дипломатической службы в Дрездене и Турине. Перейдя из ведомства канцлера Нессельроде в ведомство графа Уварова, он за короткий срок успешно освоился на новом поприще. Круг его служебных обязанностей помимо изучения системы образования и общего состояния наук в Европе включал также анализ местной политической жизни и прессы. Его донесения направлялись не только министру просвещения Уварову, но и шефу III отделения Бенкендорфу. Для своей работы Мещерский привлек Толстого, который был тогда, вероятно, лучшим российским экспертом по Франции, постигнув ее изнутри за долгие годы жизни там.

В 1835 году брат Толстого, Иван, занимавший важный пост в одном из правительственных учреждений, предложил ему написать биографию фельдмаршала Паскевича, командовавшего русской армией в войне против Турции в 1828—1829 годах и при подавлении выступлений в Польше в 1831 году. Биография, высоко оцененная в Петербурге, стала заключительным поводом к «политической реабилитации» Толстого в глазах петербургских властей. В августе 1836 года граф Мещерский передал Толстому вызов в Петербург, полученный от Бенкендорфа. Обрадованный Толстой немедленно известил об этом брата: «Граф Бенкендорф через князя Мещерского известил меня, что вскоре я получу предложение быть употребленным в Париже и что мои обязанности будут обнимать литературную часть и журналистику, но для этого мне надо будет совершить поездку в Россию, чтобы лично познакомиться с графом Бенкендорфом и сговориться о роде моих будущих занятий».

Этому приглашению предшествовала переписка на высочайшем уровне. В 1836 году Бенкендорф подал доклад царю «о жела-

тельности использования Якова Толстого в сношениях с французскими журналистами». Царь утвердил это решение, приказав послу России во Франции графу Петру Петровичу Палену выплатить Толстому 10 тысяч рублей из посольских средств для того, чтобы расплатиться с многочисленными кредиторами. В ответном письме от 8 ноября 1836 г. Пален открыто писал Бенкендорфу о необходимости иметь в Париже «агента с безобидной политической миссией, чтобы втайне обрабатывать местную прессу и заводить с нею связи без огласки, под прикрытием служебных обязанностей. Таким агентом может быть Яков Толстой, который уже двенадцать лет защищает и политические интересы России. Он не покажется французам подозрительным и сможет с успехом бороться с распространяемыми о нас заблуждениями и клеветой».

Сам Толстой прекрасно понимал подлинный смысл своей предстоящей работы. Уже на полпути в Петербург, остановившись в Варшаве, он подал 22 декабря 1836 г. наместнику Польши Паскевичу докладную записку, отправленную в Россию курьерской почтой. В записке Толстой излагал план подкупа наиболее влиятельных французских изданий того времени — «Газетт де Франс», «Котидьенн», «Пресс», «Франс», «Кроник де Пари» — для ведения в них прорусской линии. Кроме этого, он предлагал учредить в Париже на подставное лицо издание, которое было бы негласным рупором русской политики. По его подсчетам, расходы на его создание в начальный период не превышали бы 50 тысяч франков, а затем оно могло бы стать самокупаемым, располагая эксклюзивными материалами из русской жизни. Кроме этого, Толстой предлагал послать корреспондента этого издания в Варшаву для проведения операций содействия политике Российской империи в Польше. По-видимому, идеи Толстого встретили одобрение в Петербурге, куда он прибыл после долгих лет отсутствия в январе 1837 года.

Накануне дуэли Пушкина с Дантесом он смог навестить старого друга по «Зеленой лампе». Они вспоминали молодость, друзей и свои первые стихи... 29 января, когда Пушкин умирал в доме на набережной Мойки, Толстого принял Бенкендорф. После продолжительной беседы Бенкендорф в тот же день написал письмо Уварову о принятии на службу в Министерство народного просвещения Толстого вместо Мещерского парижским корреспондентом. Было определено, что жалованье Толстого в Париже составит 3800 рублей в год, которые будут переводиться из III отделения через Министерство просвещения.

В октябре 1837 года Толстой вернулся в Париж и приступил к выполнению своей должности, которую известный исследователь пушкинского времени Б.Л.Модзалевский охарактеризовал следующим образом: «Должность его была загадочная и неопределенная.

Занимаемое им место не относилось к служебным, но он получал чины и ордена. Личное его дело хранилось в министерстве просвещения, но он числился по особым поручениям в III отделении. Сам он говорил о своей должности как о «единственном месте, не определенном штатами, — для защиты России в журналах и опровержения противных ей статей». Ежегодно он посылал в Петербург депеши, которые в архиве министерства просвещения обнаружить не удалось»¹.

Корреспонденция Толстого из Парижа была обнаружена в архиве III отделения уже после 1917 года². Помимо регулярных обзоров европейской прессы и годовых отчетов она включает также рапорты и памятные записки, освещающие его разведывательную деятельность во Франции.

В частности, Толстой разработал план размещения в авторитетных французских изданиях, чьих редакторов он мог бы подкупить, специально подготавливаемых в России официальных позитивных материалов о ее политическом и социальном положении. При этом он предполагал «работать с большой осторожностью, чтобы никто не подозревал о правительственном направлении, проявлять сдержанность в полемике, обещать и давать награды всем лицам, которых мы сможем использовать на своей стороне». В развитие этого плана Толстой в январе 1838 года выслал в Петербург Бенкендорфу статистические таблицы по французской и английской периодике, включавшие более 125 изданий с указанием их направлений, тиража, круга подписчиков, личности редакторов. За эту работу Толстой был удостоен «высочайшего благоволения» и приступил к реализации своего плана.

В 1838 году Яков Толстой начал негласно выплачивать постоянную денежную дотацию целому ряду редакций французских печатных органов. Кроме этого, ему удалось привлечь к сотрудничеству отдельных известных журналистов, которым он выплачивал разовые вознаграждения за конкретные публикации. К концу года Толстой приобрел такого авторитетного агента, как редактор газеты «Пресс» Эмиль де Жирарден. В обмен на разрешение распространять эту газету в России, которое Толстой получил в Петербурге, это издание начало активную кампанию против деятельности в Париже революционеров-эмигрантов из Польши, ведущих направленную агитацию против Российской империи.

Успех деятельности Толстого отметил прибывший в Париж в декабре 1838 года чиновник по особым поручениям III отделения А.А.Сагтынский, ведавший заграничным политическим сыском. Вдвоем они составили список французских ученых и писателей для поощрения за «деятельность, созвучную интересам России». Эти лица были награждены деньгами и ценными подарками. Сам Толстой получил вознаграждение в 1500 рублей. После отъезда

Сагтынского он помимо мероприятий содействия и сбора политической информации о внутренней и внешней политике Франции, прежде всего в отношении Англии, начал активно разрабатывать обосновавшихся в Париже политических эмигрантов из России, Польши, а также из Германии и Италии, поскольку те имели постоянные контакты с русскими единомышленниками.

Через свои связи Толстой удалось предотвратить издание во Франции ряда сочинений, в которых российская действительность подвергалась критике людьми, хорошо знавшими ее изнутри. Так, в 1839 году, когда в «Журналь де деба» начали выходить очерки о России одного из потомков рода Демидовых, оказавшегося во Франции, Толстой провел с автором беседу, после которой публикация прекратилась. В 1842 году польский граф Владислав Замойский намеревался издать в Париже написанную им сатирическую биографию Николая I. Толстой через посла Киселева добился приема у министра иностранных дел Гизо, и тот своей властью наложил запрет на это издание. В 1843 году книгу о русском дворянстве, сурово осуждающую крепостнические порядки, анонимно опубликовал в Париже чиновник посольства П.В. Долгоруков. Через информаторов в типографии Толстой установил автора, который был тут же отозван в Россию, арестован и сослан в Вятку.

Проводя все эти действия, сам Яков Толстой ухитрился оставаться в тени. Более того, в глазах большинства русских, обитавших в Париже, он слыл хлебосольным и гостеприимным местным старожилом, ведущим праздную жизнь барина на деньги, присылаемые из родового имения. Так, один из его парижских знакомцев некий В.А. Муханов отмечал в своем дневнике в 1842 году: «Яков Толстой с радостью принимает вновь прибывших в Париж русских путешественников, вводит их во все дома, оказывает им всяческие услуги. Его можно встретить и на посольских обедах, и в литературном салоне министра народного просвещения Франции Сальвенди, и в кафе на бульварах. При встречах в дружеских кружках он предпочитает скорее расспрашивать, чем рассказывать сам».

Другой очевидец, немецкий журналист Карл Грюн, вспоминал позднее: «Бакунин и другие русские, из которых я помню какого-то графа Толстого, в сущности, ничем не занимались, кроме чтения газет. Они вставали в 12, обедали не раньше 6 часов пополудни, проводили в кафе время до 3—5 часов утра». Немец не знал, что Толстой, завоевавший доверие Бакунина тем, что знал еще его отца по Союзу Благоденствия и получивший самые лестные рекомендации от Николая Тургенева — патриарха российских эмигрантов в Париже, внимательно следил за его связями с польскими и немецкими революционерами, включая молодого Карла Маркса³. На него Толстой вышел по информации сотрудника III отделения Швейцера, работавшего в Берлине в контакте с прусской

полицией, в том числе против эмигрантской газеты «Форвертс», где сотрудничал Маркс.

Знакомство Толстого с Марксом началось в конце 1845 года. Тогда, перед очередной поездкой в Петербург, Толстой послал Марксу письмо в Германию, приложив рекомендации П.В. Анненкова, с которым познакомился еще в ноябре 1841 года, когда тот занял должность чиновника Министерства финансов при посольстве России в Париже. В письме Толстой изъявил желание помочь Марксу материально из своих скудных средств, получаемых из России, передав их в поддержку революции. Маркс, получивший после этого положительный отзыв о Толстом от Бакунина, склонялся было принять этот дар, но в это время репутации Толстого повредил скандал, развязанный еще одним политическим эмигрантом из России — неким Головиным.

Тот в 1845 году сумел издать во Франции книгу «Россия Николая I», на которую Толстой ответил критической статьей в еженедельнике «Котидьенн», вышедшей под обычным его псевдонимом «Яковлев». Обиженный Головин откликнулся статьей, где прямо указывал на сотрудничество Толстого с III отделением.

К обвинениям присоединилась и немецкая оппозиционная газета «Аугсбургер альгемайне цайтунг», поместившая в номере от 16 июля 1846 г. следующее упоминание о Толстом: «...Вне русского официального посольства, или скорее над ним, стоит некий Толстой. Он не занимает определенной должности, но известен как доверенное лицо двора. Он живет на широкую ногу, встречается со всеми, принимает всех, занимается всем, все знает и очень много устраивает. Кажется, что именно он является действительным русским посланником в Париже. Его заступничество производит чудеса — все поляки, которые просили помилования, обращались к нему. В посольстве все склоняются перед ним, а в Петербурге он пользуется большим влиянием. Переехав с улицы Труафрер в дом, принадлежащий академику Жуи на улице Монтань, он содержит еще представительскую квартиру на улице Матюрэн, где принимает дипломатов».

В разгар скандала Толстой переехал в Лондон. В Париж он вернулся в 1847 году, когда шум вокруг его имени утих, а Бакунин и Анненков выступили в его поддержку. Анненков даже написал Марксу в октябре 1846 года, что Толстого, которого они оба знали, возможно, перепутали с одним из его многочисленных однофамильцев, и охарактеризовал его «честным, простым и прямым человеком», в чем Маркс усомнился.

В феврале 1848 года, когда во Франции началась революция, о приближении которой Толстой писал с 1844 года, ему пришлось срочно покинуть Париж и перебраться в Брюссель. При обыске в архивах МВД и префектуре Парижа новое революционное прави-

тельство обнаружило документы, косвенно свидетельствующие о контактах французской полиции с III отделением, которые шли через Толстого. Одновременно бывший посланник России в Турине и Штутгарте Обресков, воодушевленный развернувшейся в Европе революцией, опубликовал во французской прессе «анекдот» о Якове Толстом, разгласив доверенные ему по службе сведения о подлинной роли Толстого при посольстве.

Однако, когда схлынула первая волна революционной активности, оказалось, что в министерства и парламент Франции пришли многие прежние друзья и помощники Толстого, прежде всего из просветительских и газетных кругов. Поэтому в марте 1848 года Толстой вернулся в Париж и снова развил активную деятельность. Он почти ежедневно направлял в Россию информацию — краткие шифрованные послания с посольской почтой через посла Киселева и пространные отчеты через Брюссель, где он успел наладить запасной канал связи, поскольку его собственная корреспонденция из Парижа перлюстрировалась.

С марта по декабрь 1848 года Толстой вел постоянное визуальное наблюдение за событиями на улицах Парижа — рабочими демонстрациями, выступлениями польских и немецких эмигрантов, парадами войск, предвыборными митингами, о которых слал подробные сообщения. Кроме этого, он активно задействовал агентуру. Например, в письме к своему куратору Сагынскому от 20 февраля 1848 г. он упомянул некоего Анри Мюриса, сына портъе в доме Толстого, которого он принял на службу переписчиком, а затем пристроил курьером в две крупные редакции. За 100 франков (25 рублей по тогдашнему курсу) в месяц тот не только осведомлял Толстого о наиболее интересных событиях, но и передавал ему черновики из бумажных корзин, по которым Толстой получал некоторые дополнительные сведения о политической обстановке.

Уже в марте 1848 года Толстой отправил в Россию подробный список членов нового республиканского правительства, приложив пространные описания их личных качеств и политических амбиций. Такие же материалы он выслал по расстановке политических сил в парламенте. В сентябре 1848 года, когда Россия планировала военные действия в Венгрии по подавлению разгоравшейся там революции, Толстой через своих агентов в Военном министерстве сумел достать и переслать в Россию полный обзор по французской армии, включавший ее численный состав и размещение — до батальона включительно, а также вооружение, материальную часть, политические настроения и бюджетные затраты на ее финансирование. Полученная от него информация помогла военному министру графу Чернышеву четко спланировать предстоящие военно-политические акции в Венгрии.

В декабре 1848 года во Франции состоялись президентские выборы, на которых победил внучатый племянник Наполеона Луи-Наполеон Бонапарт. Еще за два месяца до выборов Толстой, оперируя имеющейся у него парламентской информацией, спрогнозировал победу Наполеона, выслав в Петербург подробное описание его политической программы и предвыборной стратегии.

Победа Луи-Наполеона, завершившая период французской революции, заставила Толстого вернуться к рутинным обязанностям. Поскольку состоявшиеся разоблачения затруднили его работу в среде эмигрантов из России, он сосредоточил внимание на добычании политической информации, сочетая это с деятельностью публициста. В 1849 году он издал вторую часть биографии Паскевича, предварив ее рассуждением о вреде революций вообще. Критикуя события 1848 года в Европе, он прославлял русскую армию, «разрубившую драму венгерского восстания тупой стороной меча».

Начиная с марта 1850 года Толстой стал посылать тревожные сообщения о росте русофобии в Великобритании, озабоченной усилением русских позиций в Азии. В письме от 27 марта 1850 г. он впервые упомянул о намерениях англичан «уничтожить русский флот и сжечь Севастополь». Однако сменивший Бенкендорфа новый шеф тайной полиции граф А.Ф.Орлов мало интересовался анализом международного положения, идущим от Толстого.

Власти проявили интерес к сообщениям Толстого только в декабре 1851 года, накануне государственного переворота Луи-Наполеона. За день до разгона парламента, 2 декабря 1851 г., «верный человек» сообщил Толстому о предстоящих событиях и о выдвижении войск к Парижу. Толстой незамедлительно отправил шифровку в Петербург и слал ежедневные репортажи до 10 декабря, когда, по выражению Гюго, «Наполеон Малый» утвердился на престоле.

Толстой продолжал поставлять российским властям секретную информацию, поступающую к нему из министерств, сената и парламента Франции и после коронации Наполеона III. С мая 1853 года он постоянно упоминал в сообщениях о готовящейся войне против России, инициатором которой выступала Великобритания, сумевшая привлечь на свою сторону Турцию и Францию. В конце 1854 года Толстой поспешил покинуть Францию, будучи убежденным в неизбежности войны и разрыве дипломатических отношений. Он переехал в Бельгию, где имел к этому времени очень ценного информатора — правительственного чиновника Вальферса, который работал на Россию, против Франции, стремясь за счет ее ослабления добиться большей самостоятельности для Бельгии.

Вершиной профессиональной карьеры Толстого стала его разведывательная деятельность в Севастопольскую кампанию. Еще в конце 1840-х годов ему удалось завербовать некоего Паскаля, сек-

ретаря известного военного теоретика генерала Жомини, долгое время состоявшего на русской службе. После этого Паскаль был военным обозревателем журнала «Спектатер милитер», откуда он сообщал Толстому важные сведения о военной доктрине и вооруженных силах Франции. С приходом к власти Наполеона III ярый бонапартист Паскаль стал его военным секретарем... и наиболее осведомленным агентом России в окружении императора Франции. В Севастопольскую кампанию через Паскаля шла вся военная информация, за которую Толстой платил часто и щедро. По отлаженным каналам связи копии бумаг из Парижа попадали в Брюссель, откуда шли в Генеральный штаб в Петербурге, где сам Толстой трудился в молодые годы...

После подписания в 1856 году мирного договора Толстой вернулся в Париж на прежнюю должность. Ему было уже 65 лет, и от разведывательной деятельности он все больше отходил в сторону литературно-исторических трудов. В 1860 году он написал биографию многолетнего посла России во Франции графа П.Киселева, в 1861 году опубликовал очерки истории Польши, занимался переводами на французский русских поэтов, прежде всего Пушкина. С 1847 года он собирал старинные рукописи и посылал их в Россию в распоряжение Министерства просвещения, за что в прибавление к многочисленным орденам получил награду — бриллиантовый перстень — в дар от самого монарха.

В июне 1866 года Яков Николаевич попросил об отставке, будучи в чине тайного советника — по табели о рангах он был статским генералом, — и получил пенсию в 2 тысячи рублей в год. Однако старые болезни и возраст дали о себе знать — Толстой скончался в Париже 15 февраля 1867 г. в возрасте 75 лет, в полном одиночестве, не оставив прямых наследников. Он был скромно похоронен на Монмартрском кладбище, вблизи могил Берлиоза и Гейне. Его могила сохранилась до сих пор.

Оставшиеся от Толстого служебные бумаги были частично переданы в архив III отделения, а оттуда — в департамент полиции МВД и обнародованы после 1917 года. Личные же документы Толстого были унаследованы его другом князем П.Б.Козловским и оказались в его личном фонде в Парижской национальной библиотеке. Долгое время они считались утраченными и были обнаружены лишь в 1983 году. Упоминание о них мелькнуло в отечественной прессе⁴, но какого-либо серьезного их исследования пока сделано не было.

Деятельность Якова Толстого воспринимается неоднозначно. Наиболее объемно о ней и его личных качествах сказал, пожалуй, известный российский историк Е.В.Тарле:

«В корреспонденциях Якова Толстого разбросано немало тонких и проницательных замечаний, обличающих местами очень от-

четливое и ясное понимание происходящих событий и заставляющих читателя неоднократно вспоминать, что перед ним не заурядный шпион из иностранного отдела III отделения, а человек, которому в молодости посвящал стихи Пушкин, который много общался со многими выдающимися современниками в России и за границей и которого они считали человеком, подходящим к общению с ними по своему умственному уровню.

Яков Толстой смотрел на свою роль как на лазутчика, пробравшегося во вражеский стан и сигнализирующего оттуда в свой лагерь о поднимающихся опасностях и надвигающихся тучах».

¹ Модзалевский Б.Л. Яков Николаевич Толстой. — С.-Пб., 1899.

² См. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение//Литературное наследство. — ТТ.31—32. — М., 1937. — С. 563—662 (вступительная статья и примечания Е.В.Тарле).

³ См. Карл Маркс и русские люди 1840-х годов. — М., 1919.

⁴ Фридман Н. Неожиданная находка//Новый мир. — 1983. — № 11.

«Корреспонденты» А.И.Чернышева

Начатая Барклаем практика направления в длительные зарубежные командировки военнослужащих для выполнения разведывательных заданий получила широкое развитие с приходом в Военное министерство Александра Ивановича Чернышева, бывшего доверенного представителя российского императора в Париже. Примечательно, что к разведывательной работе привлекались не только кадровые военные, но и сотрудники Министерства иностранных дел и других ведомств, находившиеся на работе за рубежом. Эти лица не были профессиональными разведчиками, но порой им удавалось приобрести весьма ценную агентуру, через которую выполнялись важные разведывательные задания.

В начале 30-х годов XIX века Россия остро ощущала отставание в промышленном развитии, в том числе в техническом оснащении армии, по сравнению со странами Западной Европы. Поэтому именно эти вопросы особенно волновали российское руководство.

В ноябре 1831 года по инициативе А.И.Чернышева Николай I дал указание российскому посольству в Лондоне «собрать самые точные и верные сведения» о только что изобретенном в Англии новом ружье, заметно превзошедшем, по имевшимся в России сведениям, уже существовавшим в европейских армиях, и добыть, если представится возможность, его образцы¹.

Одновременно всем российским посольствам при европейских дворах было велено в обязательном порядке обращать особенное внимание на все появлявшиеся в странах их пребывания изобретения, открытия и усовершенствования «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности» и немедленно «доставлять об оных подробные сведения»².

В феврале 1832 года министр иностранных дел К.В.Нессельроде предложил конкретные кандидатуры для выполнения этой рабо-

ты: находившегося во Франции коллежского советника Мейендорфа и работавшего в Германии действительного статского советника Фабера.

В августе 1832 года потребности Военного министерства в разведывательной информации были подкреплены указаниями во все дипломатические представительства лично генерал-инспектора по инженерной части российской армии великого князя Михаила Павловича: закупать открытую и добывать секретную литературу по инженерному искусству, относящуюся «к долговременной и полевой фортификации, атаке и обороне крепостей, военно-строительному и понтонному искусству»³.

И российские дипломаты активно выполняли эти поручения. Посол в Париже, например, лично купил в 1832 году за 600 франков описание с рисунками новых лафетов для французской полевой артиллерии. В 1835 году за 6500 франков он добыл «чертежи и описание нового рода зажигательных ракет, ударное ружье и чертежи крепостной, осадной, береговой и горной артиллерии» — последние достижения французов в военной области.

В 1834 году были получены закрытое учебное пособие для военного инженерно-артиллерийского училища в Меце, посвященное новой французской полевой артиллерии, а также программа обучения в этом училище, а в следующем году — документация по производству французских пушек на заводах в Тулузе.

В 1835 году один из сотрудников посольства в Париже приобрел образцы витых ружейных стволов, которые выпускались на одном из заводов в Вогезах.

Посол в Вене сообщил в 1834 году об изобретении австрийским оружейником Цейлером нового ударного механизма для огнестрельного оружия, а также сменного магазина для патронов и выслал их краткое описание и чертеж. Он даже негласно договорился с Цейлером о поездке в Россию для налаживания там производства новых ружей.

Генеральный консул в Гамбурге Роман Иванович Бахерахт приобрел в 1835 году через свои связи в Бельгии копию донесения полковника Пюйдта бельгийскому королю о военных дорогах в Вандее, модели орудия с лафетом, модели двух ружей новейшего образца, модель телеграфа нового типа.

Николай I наградил Бахерахта по представлению Чернышева «за усердную службу его и особенные труды» орденом Св. Анны 2-й степени, украшенным императорской короной.

Подобных фактов можно привести много. И за всеми ими стояла напряженная, кропотливая работа. Вот, например, как добывалась информация об изготовлении ударных колпачков для ружей в Англии, где это дело было доведено до совершенства.

Российский посол в Лондоне Х.А.Ливен получил задание непосредственно от А.И.Чернышева. Он поручил это дело генеральному консулу в Англии Бенкгаузену. Тот обратился к своей связи — главному инспектору английского арсенала Чарли Мантону. Последний пояснил, что одно только описание ничего не дает, если не будет под рукой самой машины для производства этих колпачков. Тогда Бенкгаузен заказал Мантону помимо описания саму машину, дополнительный экземпляр которой еще надо было изготовить, несколько бывших в употреблении ружей, переделанных под эти колпачки, и серию самих колпачков.

Ружья новой марки, приспособленные для указанных колпачков, Мантон передать не мог, так как они только что стали поступать в арсенал и были все на строгом учете. Тогда Бенкгаузен обратился к другой своей связи — Лэси Дэвису, имевшему оружейную мастерскую в Лондоне. Тот был в приятельских отношениях с директором государственного оружейного завода в Энфилде под Лондоном, где изготавливались эти новые ружья, и сумел добыть один экземпляр. Через полгода задание А.И.Чернышева было выполнено⁴.

Приведем другое «прошение» Чернышева, адресованное министру иностранных дел Нессельроде, от 20 декабря 1843 г.:

«Одна из обязанностей вверенного мне министерства состоит в собирании по возможности верных сведений о военных силах и способах иностранных государств. Сведения эти доставляются, как Вашему сиятельству из прежней моей переписки известно, корреспондентами Военного министерства в чужих краях. О некоторых государствах оные весьма удовлетворительны. Но об Австрийской империи нет вовсе полных и верных сведений.

Забываясь об успешном исполнении всех обязанностей, на вверенном мне министерстве лежащих, и зная, сколь важно в военном отношении иметь верные сведения о силах и способах иностранных государств, я обращаюсь к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением Вашим, нельзя ли будет поручить доставление сведений об Австрии старшему секретарю посольства нашего в Вене камергеру Озерову, по примеру того, как исполнял это предместник его г.Кудрявский.

К сему имею честь присовокупить, что Ваше сиятельство крайне меня бы одолжили, если бы изволили также поручить одному из чиновников миссий наших в Лондоне и Константинополе доставление подобных сведений об Англии и Турции»⁵.

В январе 1851 года А.И.Чернышев писал К.В.Нессельроде, что «для успешнейшего преподавания военной статистики в Императорской Военной академии оказалось необходимым иметь верные сведения о тех изменениях, которые с 1848 года произошли в устройстве военных сил Австрии». После такого вступления он пе-

редал указание Николая I поручить сотруднику российского представительства в Вене, действительному статскому советнику Фонтону «следить за преобразованием Австрии по военной части» и просить его «о доставлении сведений о настоящей организации и состоянии военных сил в Австрийской империи»⁶.

Одновременно Чернышев посылал в столицы ряда европейских государств и своих кадровых разведчиков. Однако их было немного, и только своими силами они не могли достаточно эффективно решать возникавшие разведывательные задачи. Поэтому в значительной степени приходилось рассчитывать на помощь российских дипломатов. Сложившаяся перед Крымской войной обстановка четко отражена в следующем письме А.И.Чернышева в МИД от 8 мая 1852 г.:

«Государь император, желая, чтобы Военное министерство имело всегда сколь возможно полные и верные сведения о военных силах иностранных государств, своевременное получение коих необходимо для соображений министерства, высочайше повелеть соизволил: возобновить с Министерством иностранных дел сношение о поручении посольствам нашим в тех государствах, где нет особых военных корреспондентов, доставлять повременные, в определенные сроки, сведения о состоянии военных сил сих государств по краткой и удобоисполнимой программе.

Во исполнение таковой монаршей воли и основываясь на прежней переписке моей по сему предмету с г. государственным канцлером иностранных дел, я покорнейше прошу Ваше превосходительство о поручении нижеозначенным посольствам нашим доставлять военному министерству два раза в год: к 1-му января и к 1-му июля, по прилагаемым у сего краткой инструкции и формам (приложение не публикуется. — *Авт.*), сведения о военных силах:

а) Посольству в Штутгардте и при Германском союзе — о силах Вюртембергского королевства и о состоянии 8-го германского корпуса.

б) Посольству в Мюнхене — о силах Баварии.

в) Посольству в Неаполе — о силах Королевства Неаполитанского.

г) Посольству в Риме — о папских и тосканских войсках.

д) Посольству в Дрездене — о силах Саксонии.

е) Посольству в Лиссабоне — о войсках Португалии.

ж) Посольству в Тегеране — о войсках Персии.

Корреспондентам же Военного министерства предписано доставлять нижеследующие сведения:

Корреспонденту в Берлине — кроме Пруссии, о войсках и военном положении Северной Германии, а именно: о Ганновере, Ольденбурге, Мекленбурге, Гамбурге, Бремене, Любеке и Брауншвейге.

Корреспонденту в Стокгольме — кроме Швеции, о Дании.

Корреспонденту в Константинополе — кроме Турции, о Египте.

Корреспонденту в Париже — кроме Франции, об Испании, Швейцарии, Бельгии, Нидерландах и Англии.

Что же касается до военных сил Австрии, то желательно, чтобы впредь до назначения в Вену военного корреспондента посольство наше продолжало доставлять полные и удовлетворительные сведения, какие оно доселе доставляло, назначив оному тот же срок — 1 января и 1 июля»⁷.

Крымская война сократила возможности разведывательной деятельности. Но, тем не менее, 16 января 1854 г., когда еще Франция и Англия не вступили официально в войну, управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич писал руководителю департамента внутренних сношений МИД, где сосредоточивалась переписка по секретным, в том числе и по разведывательным, вопросам: «Вашему превосходительству известно, как важно и необходимо при нынешних обстоятельствах для Морского министерства иметь постоянно новейшие сведения о движении английских и французских судов и эскадр, с тем чтобы сведения сии доставлялись и в случае разрыва, когда оные будут особенно нужны. Посему я прошу Вас принять на себя труд сообразить, каким способом ныне же устроить своевременное доставление оных»⁸.

Через два дня руководитель департамента, тайный советник, сенатор Лев Григорьевич Сенявин информировал великого князя, что российским представителям в Лондоне и Париже поручено на случай их отъезда задействовать для получения необходимой информации консулов и других «доверенных лиц». Такая же задача была возложена на российские миссии в Стокгольме, Копенгагене, Гааге, Брюсселе, Лиссабоне, Неаполе и в Афинах.

В декабре 1854 года к российскому представителю в Брюсселе графу Хрептовичу явился грек по имени Спиридон Атаназ, приехавший из Парижа, и предложил свои услуги по снабжению планами строительства и чертежами кораблей новой модели, которые в то время находились на французских верфях. Как инженер-кораблестроитель, Атаназ был послан своим правительством во Францию для обучения, был допущен в ее морские учреждения и поэтому имел возможность собирать информацию, представлявшую интерес для русских. Атаназ попросил Хрептовича выделять ему ежемесячно 350 франков, из которых 200 франков он будет тратить на свое содержание, а 150 — на оплату нужных ему людей.

Уже в свой первый приход к Хрептовичу Атаназ передал ему чертежи нескольких военных судов, а также новой корабельной артиллерии, создававшейся как во Франции, так и в Англии. Оценивая эти материалы, управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич в письме в МИД от 29 декаб-

ря 1854 г. писал: «...я нахожу: 1) что полученные ныне от г.Атаназа сведения в высшей степени важны и полезны и доказывают в нем совершенное знание морского дела и умение извлекать те именно данные, которые могут быть нам нужны; 2) что Морское министерство никогда еще не получало сведений столь полезных, кроме тех случаев, когда сами морские офицеры наши имели случай собирать оные на местах, и что сообщение г.Атаназа нельзя даже сравнить с теми сведениями, которые граф Хрептович получал через других агентов своих; 3) что предложением г.Атаназа необходимо воспользоваться и не щадить издержек и что плата, требуемая им, весьма умеренна и 4) что дело это необходимо вести в совершенной тайне, дабы не потерять агента столь полезного»⁹.

Впоследствии Атаназ добыл чертежи двух строящихся канонерок, передал информацию о строительстве военных кораблей и установке на них корабельной артиллерии в портах Шербур, Ориан, Нант, Гавр, Брест, Рошфор, сообщил сведения о кораблях, которые французы предполагали послать в Балтийское море, неоднократно снабжал Хрептовича сделанными им рисунками французских кораблей с подробным их описанием.

Атаназ сотрудничал вплоть до июля 1856 года. Всего он получил 11 тысяч франков за свои труды, из которых 6 тысяч составили его собственные расходы.

Великий князь Константин Николаевич в марте 1856 года так написал в МИД: «Я полагаю, что в случае заключения мира нам уже не будет предстоять надобность в услугах грека Атаназа, но что я полагал бы справедливым щедро вознаградить его за доставленные нам сведения, которые действительно были весьма полезны»¹⁰.

В июне 1856 года новый российский император Александр II лично назначил в четыре европейские столицы военных представителей, поручив им разведывательные функции: в Париж — флигель-адъютанта полковника Альбединского, в Лондон — флигель-адъютанта полковника Игнатьева, в Вену — полковника фон Торнау, в Константинополь — штабс-капитана Франкини. Одновременно было решено поручить генерал-майору графу Стальельбергу, назначенному представителем России в Турин, продолжать добывать и направлять в Военное министерство сведения, аналогичные тем, которые он добывал, находясь в Вене, но уже о пьемонтской армии и, по возможности, о французской, независимо от донесений Альбединского.

Позднее, в октябре 1856 года, с аналогичными разведывательными функциями был направлен в Неаполь полковник Гасфорт. Но в связи с политической ситуацией в Королевстве обеих Сицилий он сначала под видом частного лица, находящегося на излечении, должен был поработать в Париже, Турине, Риме и даже самом Неаполе¹¹.

10 июня 1856 г. — знаменательный день в истории российской разведки — Александром II была утверждена первая инструкция о работе военных агентов. Вот ее текст:

«Каждому агенту вменяется в обязанность приобретать наивозможно точные и положительные сведения о нижеследующих предметах:

1. О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил.

2. О способах правительства к пополнению и умножению вооруженных сил своих и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями.

3. О различных передвижениях войск, как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений.

4. О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов.

5. Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство.

6. О лагерных сборах войск и о маневрах.

7. О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов.

8. О состоянии различных частей военного управления, как-то: артиллерийского, инженерного, комиссариатского, провиантского со всеми их отраслями.

9. О всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании.

10. О новейших сочинениях, касающихся до военных наук, а также о картах-планах, вновь издаваемых, в особенности тех местностей, о которых сведения могут быть нам полезны.

11. О состоянии военно-учебных заведений, в отношении устройства их, методов преподавания наук и господствующего духа в этих заведениях.

12. Об устройстве генерального штаба и о степени познаний офицеров, оный составляющих.

(Статья эта для агента, посылаемого в Турцию, где не устроен еще генеральный штаб, заменена следующим пунктом: «О лицах, составляющих военное управление Турции, степени их познаний, способности каждого и доверенности к нему правительства и подчиненных лиц».)

13. О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными подробностями о числе войск и времени окончания ими передвижения между данными пунктами.

14. Об улучшениях военной администрации вообще для скорейшего исполнения письменных дел и сокращения времени в передаче приказаний.

15. Все означенные сведения собирать с самою строгою осторожностью и осмотрительностью и тщательно избегать всего, что бы могло навлечь на агента малейшее подозрение местного правительства.

16. Каждому агенту состоять в полной зависимости и подчиненности от начальника миссии, при коем находится. Без его разрешения ничего особенного не предпринимать, испрашивать наставлений и руководствоваться ими в точности. Собранные сведения, в особенности кои могут быть в связи с политическими отношениями, прежде отправления их к военному министру предварительно докладывать начальнику миссии и в случае экстренно необходимых расходов испрашивать от него пособия»¹².

Эти подробные царские наставления, как и многие приведенные ранее примеры, свидетельствуют о том, как претворялось в практику понимание важности организации разведывательной работы за рубежом.

¹ См. Архив внешней политики Российской империи, ф.155, оп.301, д.135.

² Там же.

³ Там же, оп.303, д.8 (1832).

⁴ Там же, д.16 (1833).

⁵ Там же, д.7 (1845).

⁶ Там же, оп.305, д.1 (1851).

⁷ Там же, д.6 (1852).

⁸ Там же, д.5 (1854).

⁹ Там же, д.124 (1854).

¹⁰ Там же, д.124 (1856).

¹¹ Там же, д.25 (1856).

¹² Там же.

Гусар, разведчик, министр — в одном лице

Мы расскажем о трех ипостасях, трех этапах биографии одной и той же личности — Николая Павловича Игнатьева, человека выдающихся способностей, солидного военного и дипломатического опыта, бурного темперамента, редкостного упорства и бесстрашия. Родился он в 1832 году в старинной дворянской семье. Его отец — Павел Николаевич Игнатьев — имел генеральский чин и занимал высокие посты на государственной службе: директор Пажеского корпуса, дежурный генерал Главного штаба, Петербургский генерал-губернатор и, наконец, в 1872—1879 годах — председатель Комитета министров. В 1877 году род Игнатьевых был удостоен графского титула.

Николай Игнатьев воспитывался в Пажеском корпусе у отца, затем окончил академию Генерального штаба, служил в гусарах. Служба в полку была короткой, но гусарская лихость и отвага остались в душе молодого офицера на всю жизнь.

В возрасте 24 лет в звании полковника Николай направлен царем в Лондон для изучения истории внешней политики «владычицы морей». И не только истории... Царь, отправляя молодого военного агента на Британские острова, дал ему личное поручение «изучать все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии»¹.

Однажды, когда в Лондоне в Британском музее был впервые выставлен на всеобщее обозрение до того строго засекреченный новейший образец патрона, Николай внешне невозмутимо, почти безразлично подошел к стенду и взял в руки этот единственный в своем роде экспонат. Группе посетителей предложили проследовать в другой зал. Николай же, как бы по ошибке, сунул патрон в

карман. Не удержался гусар — соблазн был слишком велик, уж очень хотелось немедленно заполучить патрон. Служитель музея, наблюдавший за посетителями, попросил положить «предмет» на место, но Николай сделал удивленное лицо, развел руками и, со слезами на своей дипломатическую неприкосновенность, пулей вылетел из музея и скрылся в посольстве. После такой выходки ему, конечно, пришлось покинуть Лондон. В Петербурге его слегка пожурили, но в общем встретили благосклонно.

Вскоре Н.П.Игнатьев возглавил одну из российских экспедиций в Среднюю Азию с целью разведать возможность установления дипломатических и торговых отношений с Бухарой. Эмир Бухарский приветливо отнесся к российскому посланцу, и стороны довольно быстро договорились об учреждении русского торгового агентства в Бухаре, о сокращении пошлин на российские товары и предоставлении свободного плавания по Аму-Дарье российским судам. Этого было бы вполне достаточно, но только не для Николая Павловича. По собственной инициативе он добился еще одной немаловажной уступки от эмира. Он упросил его изгнать из страны ряд агентов английских спецслужб, о которых знал еще по работе в Лондоне.

Прочитав докладную записку Игнатьева, Александр II написал на полях: «Читал с большим любопытством и удовольствием. Надобно отдать справедливость генерал-майору Игнатьеву, что он действовал умно и ловко и большего достиг, чем мы могли ожидать»².

С не меньшим успехом в интересах России, хоть и снова весьма рискованно, действовал Николай Павлович в Китае, куда был направлен в 1860 году для установления русско-китайской границы и для содействия развитию приграничной торговли. Игнатьев прибыл в Китай в разгар англо-франко-китайской войны, когда терпевшим поражение за поражением китайцам было не до переговоров с Россией. Да и западные державы отнюдь не собирались допустить усиления русского влияния в Китае. Поэтому ни одна из воюющих сторон не проявляла ни малейшего интереса к предложениям о начале миротворческих контактов с российским представителем. Тогда, воспользовавшись разногласиями в лагере англо-французских союзников, Николай Павлович сумел установить личные «деловые» контакты и с французами, и с англичанами. Он снабжал их данными о Китае, которые получал от русской духовной миссии в Пекине, и во многом искусно способствовал усилению англо-французского соперничества. В то же время Игнатьев помогал китайцам разобраться в истинных устремлениях западных держав и тем самым заслужил их полное доверие. Поэтому когда англо-французские войска приблизились к Пекину, китайские власти обратились именно к Игнатьеву с просьбой о посредничес-

тве в переговорах с ними. Благодаря его усилиям Пекин был спасен от разрушения и разграбления, после чего китайская сторона подписала 14 ноября 1860 г. русско-китайский договор, согласно которому определялся совместный участок границы в Приморье, в общих чертах устанавливалась граница в Центральной Азии, предоставлялись существенные привилегии для российского купечества.

После подписания Пекинского договора около ста сибирских купцов направили Н.П.Игнатьеву торжественный адрес с благодарностью за содействие успешному развитию торговых отношений с Китаем.

В 28 лет Н.П.Игнатьев становится самым молодым в России генерал-адъютантом, а год спустя — директором Азиатского департамента МИД, отвечающего за внешнеполитические операции России в Азии и на Дальнем Востоке.

Но Игнатьеву с его kloкочущим от избытка энергии темпераментом этот пост, хотя и весьма почетный, был не по душе. Он, по свидетельству современников, тяготился кабинетной работой, и, когда император поздравил Николая Павловича с новым назначением, учтиво, но твердо ответил, что не желал бы долго оставаться на этом посту³. Он искал активной, пусть полной опасностей, но увлекательной работы. И когда канцлер А.М.Горчаков предложил ему должность посланника в Константинополе, он, не раздумывая, согласился. У него в голове уже готов был план решения извечных российских проблем с проливами: либо непосредственный их захват силой, либо установление контроля над ними. Решение этих вопросов он видел в поддержке национально-освободительных движений славянских народов, которые расшатывали и ослабляли исторического противника России — Османскую империю. Н.П.Игнатьев был уверен, что единство православных стран поднимет международный престиж России и будет способствовать отмене тягостных ограничений, введенных англо-франко-турецкой коалицией после Крымской войны. Николай Павлович свято верил в то, что историческая миссия России состояла в собирании славянских земель и ограждении их от агрессии других государств. В своих служебных записках он отмечал: «В видах ограждения будущности России я считаю необходимым, чтобы славянское знамя было исключительно принадлежностью русского царя и чтобы отнюдь не допускать усиления влияния никакой другой державы...»⁴.

Николай Павлович с редким упорством и энергией взялся за выполнение своего плана. Он был прекрасно информирован о положении дел в турецком правительстве и в стране в целом, получал из архива турецкого министерства почт и телеграфов копии важнейших секретных документов и, как утверждали сослуживцы,

его трудно было удивить какой-либо секретной дипломатической новостью. С помощью константинопольских христиан, сербских и греческих дипломатов Игнатьев получал секретные сведения о положении Османской империи и ее внешнеполитической деятельности. В числе агентов были и турецкие чиновники, информировавшие Игнатьева о решениях правительства.

Проблема часто состояла не в том, чтобы получить «секретный» или «особо секретный» документ турецкого правительства, а в том, как переправить его в Россию, чтобы об этом не узнала турецкая контрразведка. Поскольку каждый раз посылать личного курьера на родину было делом весьма накладным, а направлять документ или его содержание в специальных пакетах с сургучной гербовой печатью — опасно, так как такие пакеты вскрывались турками в первую очередь и запечатывались по прочтении без малейших следов вскрытия, Игнатьев решил прибегнуть к следующей рискованной затее: он стал отправлять всю свою корреспонденцию в самых обычных письмах, запечатанных в грошовые конверты, которые пролежали некоторое время вместе с селедкой и мылом. Он заставлял своего лакея писать адрес не на имя русского министра иностранных дел, а его дворника или истопника по частному адресу. И это действительно спасало его корреспонденцию от перлюстрации⁵.

По свидетельству современников, Николай Павлович стал прибегать к такой уловке после курьезного случая еще во время работы в Лондоне. Однажды Игнатьев получил письмо из Петербурга с явными следами вскрытия. Он немедленно попросил экстренную встречу с английским министром иностранных дел и упрекнул его в том, что британские спецслужбы используют «черный кабинет», где тайно читают личную и служебную корреспонденцию членов русской миссии в Лондоне. Министр дал «честное слово», что в Англии нет такого учреждения, которое называлось бы «черным кабинетом». Но, будучи уличенным во лжи и припертым к стене в деле со злополучным конвертом, не нашел ничего лучшего, как заявить настырному российскому дипломату: «А что же я, по-вашему, должен был вам сказать? Неужели вы думаете, что нам не интересно знать, что вам пишет ваш министр и что вы ему доносите про нас?..»

Кстати, в России того времени существовал собственный «черный кабинет», из которого поступало много ценных сведений о переписке иностранных послов со своими правительствами. Как утверждал автор книги «Черный кабинет», бывший царский цензор С.Майский, иностранная дипломатическая корреспонденция попадала в руки российских «специалистов» практически полностью. Попадала она в «черный кабинет» и тогда, когда сдавалась на почту всего за несколько минут до отправления ее на вокзал. В

коллекции российской секретной экспедиции имелся полный набор безукоризненно скопированных печатей для зарубежной переписки всех находившихся в Петербурге посольств и консульств, а также их соответствующих министерств иностранных дел. У российского «черного кабинета» имелись копии многих шифров, с помощью которых эта корреспонденция быстро прочитывалась и переводилась, но уже не в «черном кабинете», а в однотипном с ним учреждении при российском Министерстве иностранных дел, куда попадали тексты всех получаемых зарубежными посольствами зашифрованных телеграмм. В некоторых случаях там оказывались и весьма секретные документы, которые отправлялись со специальными курьерами в кожаных портфелях с «хитрыми» замками. Для получения такого рода корреспонденции, утверждал бывший царский цензор, пускался в ход «презренный металл», и не было случая, чтобы золото не открывало любого замка и не давало возможности всего за несколько минут взглянуть глазом фотообъектива на содержание тщательно запечатанных вложений секретного портфеля. В этих делах все сводилось только к тому, замечал С.Майский, во сколько червонцев обойдется российской казне все эти манипуляции.

Но вернемся к Н.П.Игнатьеву — большому энтузиасту тайных операций. Тринадцать лет проработал он в Константинополе и очень много сделал для успешного проведения в жизнь российской внешнеполитической линии. Его неисчерпаемая энергия и пылкий ум во многом способствовали тому, что вскоре после приезда в Турцию он занял видное место в дипломатическом корпусе, стал со временем его дуаиеном. Игнатьев завоевал личные симпатии многих турецких министров и самого султана. Заглазно Николая Павловича называли «всесильным московским пашой» — первым после султана лицом по влиянию в турецкой столице. Очевидцы вспоминали, что когда Игнатьев выезжал на белом коне в расшитом золотом генеральском мундире на богослужение или на прием во дворец к султану, то это производило большое впечатление на местную публику. Н.П.Игнатьев считал, что представитель великой державы должен выглядеть внушительно.

Вернувшись в Россию, Игнатьев стал играть первостепенную роль в выработке новой, динамичной внешней политики России. Его политические рекомендации во многом способствовали победам России в очередной русско-турецкой войне. А Сан-Стефанский мирный договор, заключенный 19 февраля 1878 г., по мнению Н.П.Игнатьева, хотя и не полностью воздал должное России, тем не менее явился большим успехом русской дипломатии в глазах тогдашней Европы. С восторгом и ликованием встретили заключение Сан-Стефанского договора в Болгарии. В торжественном адресе, подписанном более чем 230 тысячами болгар, выражалась

великая благодарность русскому народу за помощь в освобождении от пятивекового османского ига. Этот триумф полностью разделял и Николай Павлович Игнатьев.

Будучи в конце своей политической карьеры министром внутренних дел России, граф продолжал использовать методы разведки даже для решения внутривнутриполитических проблем. Игнатьев разработал оригинальную разведывательную операцию, которую князь Петр Алексеевич Кропоткин подробно описал в своей книге «Записки революционера». По его свидетельству, Николай Павлович в целях предотвращения возможного цареубийства организовал в Женеве специальный эмигрантский печатный орган, выступавший против индивидуального террора и насилия. Цель издания — расколоть ряды заговорщиков против царя и изолировать крайне радикальные элементы. Игнатьев специально засылал в Швейцарию своих агентов, чтобы те при личных встречах с потенциальными террористами убеждали своих собеседников в необходимости отказаться от радикальных методов политической борьбы и вести ее в «легальных и допустимых рамках». Как вспоминал Кропоткин, Игнатьев даже обещал, что правительство не будет прибегать к казням террористов, что Чернышевского выпустят из тюрьмы и что будет назначена государственная комиссия для пересмотра положения всех сосланных административным путем в Сибирь, если прекратится террор. По словам Кропоткина, этот «компромисс» сработал на какое-то время⁶. Вскоре Н.П.Игнатьев отошел от активных государственных дел.

По свидетельству племянника, Алексея Алексеевича Игнатьева — генерал-лейтенанта, царского разведчика, перешедшего в 1917 году на сторону Советской власти, автора известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю», Николай Павлович в конце жизни занялся «фантастическими» финансовыми авантюрами. Владея сорока именьями, разбросанными по всей России, он кончил жизнь полунищим. Граф Игнатьев оказался единственным членом Государственного совета, на жалованье которого наложили... арест.

Умер граф уже в нашем веке — в 1908 году.

¹ ЦГАОР СССР, ф.730 («Н.П.Игнатьев»), оп.1, д. 124, л.2.

² Красный архив, 1934 г., т.2 (63), с.15,17,20,83.

³ См. ЦГАОР СССР, ф.730, оп.1, д.507, л.14.

⁴ Игнатьев Н.П. Записки//Исторический вестник. — 1914. — № 1. — С.55.

⁵ Майский С. «Черный кабинет». — М.: изд.«Былое», 1922.

⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: «Мысль», 1990. — С.418.

Россия — США: попытки сближения

В январе 1866 года представители московского купечества посетили директора Московской консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна и попросили его подготовить для публичного исполнения несколько музыкальных произведений американских авторов в связи с предстоящим банкетом в честь американского посланника К.Клея. Рубинштейн охотно выполнил просьбу именитых купцов, и состоявшийся концерт вошел в историю как «первое исполнение американской музыки и первый обед, устроенный московским купечеством в честь представителей иностранного государства»¹. Как писали в те дни «Московские ведомости», «между русскими и американцами никогда не было ни антипатии, ни серьезного столкновения интересов, и только от России США неизменно слышали слова симпатии и дружбы»².

И это было вполне естественно: США долгое время оставались слишком далеки от российских политических проблем, а Россия — от американских. Но одна общая проблема все-таки существовала: Аляска и Алеутские острова. Эти территории давно интересовали американцев и англичан, которые хотели бы завладеть ими. Царское правительство уделяло мало внимания их развитию, а после поражения в Крымской войне (1853—1856 гг.), к тому же, и не имело сил для их военной защиты от возможного неожиданного нападения. Кроме того, Петербург рассчитывал на поддержку американцев в вопросе о ликвидации кабальных условий Парижских соглашений, заключенных после Крымской войны. Так родилась идея о продаже этих территорий американцам.

В 1867 году Аляска и Алеутские острова стали предметом торга между двумя странами. Американский государственный секретарь тех дней Уильям Ч.Сьюард и посол России в США барон Э.А.Стекль проявили редкие для людей их положения разведыва-

тельные способности, пытаясь узнать негласным образом о крайних позициях сторон в этой торговой сделке.

Русские использовали все свои связи и контакты в правительстве и конгрессе, чтобы выяснить, на какую окончательную сумму за продаваемые территории можно рассчитывать, а американцы искусно выпытывали у российских чиновников посольства, какое количество долларов может в конце концов удовлетворить российскую сторону в этом торге. Подобные действия торговых партнеров, по современным понятиям, можно по праву причислить к самым первым известным нам разведывательным операциям США против России и России против США.

После долгого и обоюдного зондажа стороны договорились о продаже Аляски Америке. В Вашингтоне было объявлено, что стоимость сделки составляет 7,2 миллиона долларов, и конгресс США выделил соответствующую сумму. «Это самая ценная территория, приобретенная Соединенными Штатами после Калифорнии», — писала в те дни американская газета «Дейли Орегониан».

Российская печать отнеслась к сделке более пессимистично. Газета «Биржевые ведомости» — орган деловых кругов — писала: «Правда, Россия не много имеет пользы от своих американских владений, да и по политическим соображениям ей нет большой надобности сохранять за собой эти владения, но, во всяком случае, вряд ли кто решился бы предложить нашему правительству за "Русскую Америку" такую ничтожную цену, как 7 000 000 долларов»³.

Нашлись люди, которые сразу же обратили внимание на явное несоответствие стоимости Аляски в американской и российской печати. Куда же девались 200 тысяч долларов? На этот вопрос предстояло официально отвечать канцлеру А.М.Горчакову, и он направил запрос в российское посольство в Вашингтоне. Объясняя эту «странную» ситуацию, первый секретарь посольства В.А.Бодиско в шифрованной телеграмме лично канцлеру ответил, что некоторые российские миссии за границей «располагают фондами на разведку» и никто, кроме глав государств, не имеет права знать, на что они были употреблены. Нетрудно предположить, что какая-то часть денег, полученных за Аляску, осела именно в этом секретном фонде. Официального разъяснения по этому поводу не последовало...

Так это или иначе, но действия российских дипломатов в Вашингтоне были милостиво одобрены Александром II. Канцлер Горчаков направил в российское посольство в Вашингтоне специальное письмо от 28 апреля 1867 г., в котором передал Стекло царское «спасибо» и сообщил о награждении его и секретаря миссии В.Бодиско 30 тысячами рублей серебром.

Взаимный интерес России и Америки стал быстро расти по мере промышленного развития двух стран. И это обстоятельство,

естественно, давало определенный импульс для постоянного, порой негласного, наблюдения за успехами друг друга на мировых рынках, а также за достижениями в области передовых технологий и промышленного производства. Когда в середине 70-х годов прошлого века тогда дешевой американской нефти, полученной по новейшим тогда технологиям, буквально залил этим ценным энергетическим продуктом мировой рынок и Россия стала нести огромные финансовые потери, так как ее нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия не выдерживали конкуренции с американскими производителями нефтепродуктов, встал вопрос о перенесении американского опыта на российскую почву. К этому времени в России из ста действующих нефтеперерабатывающих предприятий осталось только четыре; остальные закрылись, не выдержав конкуренции. Вот тогда-то чиновникам из государственного аппарата России и пришла в голову разумная, но запоздавшая на несколько десятилетий мысль «разобраться с американскими новшествами» в области нефтедобычи и нефтепереработки. Кандидата в «разведчики» долго разыскивать не пришлось, он оказался прямо-таки «под боком». Им стал специалист с мировым именем — великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев.

В июне 1876 года, когда отмечался 100-летний юбилей принятия Декларации независимости, он приехал в США на международную выставку технических новинок. «Ратник русской науки» был разносторонним химиком, специалистом по разработке методов добычи нефти, ее очистки и переработки.

Поездку Д.И.Менделеева в США организовали совместно Министрство финансов и Русское техническое общество, осуществлявшее прямые контакты с военным ведомством, имевшим свои «чисто профессиональные интересы» в этом заокеанском турне ученого.

Дмитрий Иванович Менделеев начал свою работу в США со знакомства с официальной нефтяной статистикой. В Вашингтонских технических библиотеках, научных институтах и государственных департаментах Менделеев изучил «системный подход» к расширению нефтяного производства и был в высшей степени удовлетворен состоянием учета сведений и статистики по нефтедобыче.

Во время поездок по США и в ходе работы Филадельфийской выставки российский ученый имел много личных контактов и встреч с видными американскими специалистами и учеными. Он отмечал высокий профессиональный уровень и интеллигентность американских коллег. «С кем из ученых или техников ни приходилось нам иметь дело — все до одного были до крайности обязательными. Немногих первых связей было достаточно для того, чтобы сразу получить большой и разнообразный круг знакомства»⁴.

С практической и научной точек зрения самой продуктивной и информационно насыщенной была поездка Д.И.Менделеева в сердце американского промышленного производства тех дней — город Питтсбург. Русский ученый часто посещал нефтяные скважины, насосные станции и нефтепроводы. Это дало возможность своими глазами увидеть не только преимущества американского нефтяного бизнеса, но и его негативные особенности. «При всей кажущейся грандиозности нефтяного дела в США, — писал в своем отчете о поездке Дмитрий Иванович, — слияние различных малых частных предприятий и фирм делается не для того, чтобы двинуть вперед нефтяную промышленность, а чтобы достигнуть монополизма, при котором нет особого и настоящего интереса расширять производство, а может быть, только стремление поддерживать высокую цену или ее поднять»⁵.

Д.И.Менделеев интересовался в США не только вопросами нефтяного производства. По просьбе российского военного ведомства он старался найти секрет изготовления бездымного пороха и узнать, насколько успешны разработки американских химиков в этом направлении. Его усилия увенчались успехом. Полученная по этому вопросу информация позволила Менделееву не только воспроизвести засекреченные американцами химические формулы взрывоопасного «продукта», но и разработать на их основе новое поколение эффективных и сравнительно недорогих российских порохов.

Находясь в США, Дмитрий Иванович не мог не обратить внимания на массовое производство и широкое распространение среди населения различных видов оружия. В одной из заметок, сделанных российским ученым в записной книжке, было написано: «С железом своим Америка производит револьверы и ружья — ничего лучшего не придумала; а говорит: мир и покой».

Безоблачные дни российско-американских отношений второй половины XIX столетия подходили к концу. И здесь немалую роль сыграли появившиеся к тому времени межгосударственные противоречия: острая заокеанская хлебная конкуренция, соперничество двух стран на нефтяном рынке. Не способствовали добрососедским отношениям и частые «набеги» американских зверопромышленников и бизнесменов за территории "Русской Америки", то есть на Охотское побережье, Чукотку и Камчатку. Политика движения на восток, проводившаяся российским правительством, в свою очередь, не встречала одобрения со стороны американцев. Все это капля за каплей усиливало сначала взаимную «озабоченность», «беспокойство», а затем и «отчужденность» в российско-американских отношениях, а следовательно, и желание с помощью негласных средств «навверняка» знать о намерениях друг друга. Поэтому штат посольств США в Петербурге и России в Вашингто-

не постепенно увеличивался — отнюдь не только за счет кадровых профессиональных дипломатов. Но это уже происходило чуть позже — в первые десятилетия нынешнего, XX века.

¹ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. — М.: «Наука», 1990. — С.170.

² Московские ведомости. — 1866. — 21 янв.

³ Биржевые ведомости. — 1867. — 23 марта. — № 79. — С.2 (Политическое обозрение).

⁴ Менделеев Д.И. По нефтяным делам//Собр.соч. — Т.Х. — С.490.

⁵ ММА, бумаги Д.И.Менделеева, ф.1, д.21, л.32.

Офицер «по особым поручениям» — военный министр в Болгарии

В жизни разведчика обычное дело, когда, выполнив за рубежом поставленное перед ним задание, он возвращается на родину. В этом отношении судьба полковника русской армии Петра Дмитриевича Паренсова уникальна: он успешно справился с возложенным на него секретным заданием по Болгарии и остался в столице освобожденной страны уже не в качестве разведчика-нелегала, а в ранге военного министра временной администрации, осуществлявшей переход от турецкой вассальной зависимости к государственной самостоятельности.

В 70-е годы XIX века живописные ландшафты многострадального Балканского полуострова буквально «дышали» порохом. После поражения в Крымской войне Россия была по рукам и ногам связана кабальными обязательствами. Однако позднее, после отмены статей Парижского договора о «нейтрализации Черного моря», она получила возможность более активно участвовать в решении политических вопросов этого региона. Российское правительство не ставило перед собой задачу захватить Константинополь и проливы, ему достаточно было укрепить свое политическое и экономическое влияние на Балканах. Возник тот редкий в истории случай, когда чаяния русского народа, всей душой поддерживавшего борьбу братьев-славян за независимость, совпали с планами правящих кругов Петербурга.

Итоги Крымской войны не смогли остановить процесс распада Османской империи. Огромного размаха достигло национально-освободительное движение народов Балканского полуострова. В 1875 году вспыхнуло антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине, пламя которого перекинулось на территорию Сербии, Черногории, Македонии и Болгарии. В апреле 1876 года против турецкого засилья выступили болгары. На борьбу поднялись свыше

30 тысяч человек во главе с национальным героем, поэтом и революционером Христо Ботевым. Необученные, плохо вооруженные люди (местным жителям запрещалось иметь какое-либо оружие) с лозунгами «Свобода или смерть!» героически противостояли частям регулярной турецкой армии.

Правительство России оказывало моральную, материальную и дипломатическую поддержку балканским народам, борющимся за свое освобождение, поскольку это отвечало интересам ее политики закрепления в регионе. Однако к решительным действиям и вступлению в войну против Турции правительство еще готово не было. Остались незавершенными военные реформы, начатые после поражения в Крымской войне, слабо работала военная промышленность, не хватало обученных резервов. Самый живой отклик в сердцах русского народа вызвали сообщения о восстаниях на Балканах. Был организован сбор средств, участие в котором приняли крупнейшие ученые России — Д.И.Менделеев, И.И.Мечников и др. На Балканы стали отправляться русские добровольцы — солдаты и офицеры, врачи, писатели и художники. Среди них те, чьи имена золотыми буквами навечно вписаны в историю нашего Отечества — врачи С.П.Боткин и Н.Ф.Склифосовский, художники В.Д.Поленов и К.Е.Маковский, писатель Г.И.Успенский.

Однако эта поддержка не могла оказать решающего воздействия, а Александр II и канцлер А.М.Горчаков, понимая всю сложность экономического и военно-политического положения России, проводили консультации с западноевропейскими державами. Воспользовавшись пассивностью некоторых европейских правительств, Турция с непомерной жестокостью приступила к «наведению порядка» на Балканах. Турки нанесли серьезное поражение сербской армии, задушили национальное движение в Боснии и Герцеговине. Буквально в море крови было потоплено апрельское восстание в Болгарии — опустошено 58 селений, убито 12 тысяч болгар, без различия пола и возраста. Вереницей потянулись караваны с «живым товаром» на невольничьи рынки обширной Османской империи.

Эта резня вызвала резкое негодование всего цивилизованного мира. Сложившаяся обстановка подтолкнула дипломатов России и ряда других держав выступить с обращением к правительству султана о проведении реформы с целью облегчить невыносимое положение христианских народов на территории империи. Порта игнорировала это обращение. А когда, опираясь на тайную поддержку из Лондона, султан в декабре 1876 года категорически отверг выработанный конференцией послов в Константинополе проект предоставления автономии некоторым провинциям в Болгарии, Боснии и Герцеговине, стало ясно — войны не миновать.

В спешном порядке Россия начала к ней готовиться. В январе 1877 года она заключила соглашение с Австро-Венгрией о сохранении нейтралитета, а в марте — с Румынией о пропуске русских войск через ее территорию. Настала пора приведения в боевую готовность воинских частей.

Основная тяжесть предстоящих боев ложилась на сосредоточенную в Бессарабии мощную группировку российской армии, которой командовал великий князь Николай Николаевич. Настроение в армии было на подъеме. Офицеры и солдаты понимали, что им предстоит освободить своих славянских братьев-болгар от многовекового турецкого ига. Но командованию требовалась дополнительная военно-политическая информация, которая позволила бы России избежать больших военных потерь на предполагавшемся театре военных действий. Необходимо было получить четкие сведения о положении дел на территории Болгарии, дислокации гарнизонов турецкой армии, их численности и вооружении, постоянно строившихся новых оборонительных укреплений турок.

Вызов полковника П.Д.Паренсова в ставку главнокомандующего не оказался для него неожиданностью: повод мог быть только один — состоявшийся несколько дней назад разговор у великого князя Николая Николаевича. Его, офицера «по особым поручениям», пригласили к главнокомандующему для обсуждения проблем получения достоверной секретной информации о потенциальном противнике. В заключение беседы, будучи специалистом разведывательного дела, П.Д.Паренсов предложил великому князю свою кандидатуру в качестве негласного представителя полевого штаба российской армии в Болгарии. Ничего не сказал тогда Николай Николаевич, задумался. А потом на прощание лишь крепко пожал руку полковнику. С тем и расстались. И вот снова вызов в ставку. Предчувствие близкой работы вызывало приятное легкое волнение, будоражило. Никакого беспокойства П.Д.Паренсов не испытывал. Многолетняя служба уже приучила спокойно воспринимать такого рода задания. Несомненно, определенный риск и опасность присутствовали в этом деле, но боевому офицеру к этому не привыкать.

Пребывание в ставке оказалось коротким. Ему вручили документы на имя Пауля Паульсона и три тысячи рублей на расходы, связанные с организацией разведывательной работы за границей.

В скором времени в Бухаресте объявился «дальний родственник» российского консула в Румынии барона Стюарта, прибывший сюда из Кишинева. Он ежедневно наносил визиты, заводил новые знакомства, катался по городу в лакированной коляске, иногда кутил или играл в карты. В общем, вел себя так, как это было принято, ничем особым не отличаясь от людей светского круга, не обремененных государственной службой. И только по

возвращении домой Пауль Паульсон вновь становился самым собой, подробно анализировал проведенные беседы, изучал установленные контакты и тщательно подбирал помощников, в первую очередь среди болгарских патриотов, готовых бескорыстно и преданно служить делу освобождения своей родины и оказать ему посильную помощь в решении поставленных перед ним задач.

Он познакомился со многими представителями болгарской эмиграции в Бухаресте, которые объединялись вокруг известного болгарского писателя Л.Каравелова, издававшего журнал «Отечество» и газету «Независимость». Но больший интерес для него представляли болгары, которые жили по ту сторону Дуная и могли передать ему нужные сведения.

Одним из таких помощников П.Д.Паренсова был крупный зернооторговец и банкир Евлогий Георгиев. Братья Христо и Евлогий Георгиевы были известными в Болгарии людьми. Значительные средства выделяли они для поддержания народного просвещения. Именно на их деньги создавались национальные школы, открывались сельские «читалища». В память о них болгарский народ отлил бронзовые статуи братьев, и по сей день стоящие у входа в Софийский университет, одними из основателей которого они являются.

Они, как говорится, у всех на виду. Но мало кто догадывается о другой, секретной жизни братьев Георгиевых. Они были патриотами и для освобождения своей родины пошли на огромный риск, поставляя одновременно с зерном в Румынию секретные сведения для русской разведки. А рисковали они многим. По ту сторону Дуная было достаточно единственного доноса, чтобы оба брата погибли мучительной смертью.

Ценные сведения получал П.Д.Паренсов и от других негласных источников. Среди них был купец Григорий Начович, который вел свои дела по обе стороны Дуная. Он сообщал о прохождении военных судов и речных укреплениях турок. Помощник начальника товарной станции Рушукско-Варненской железной дороги регулярно информировал о передвижении турецких войск на его участке железной дороги, о перевозках артиллерии, боеприпасов, продовольственных грузов.

В полевой штаб российской армии от П.Д.Паренсова стали регулярно поступать сведения о личном составе и передвижении турецкой армии в придунайской Болгарии, кораблях и минных заграждениях на Дунае, состоянии укреплений и других оборонительных сооружений, новинках вооружения и прибытии египетских войск для подкрепления, продовольственных запасах и складах военной амуниции.

П.Д.Паренсов и сам неоднократно пересекал Дунай под предлогом необходимости навестить могилу своего «русского родствен-

ника», а на самом деле — для рекогносцировки местности и уточнения турецких военных позиций. Переданные им в полевой штаб русской армии сведения были надежны, проверены и четко отвечали на вопросы, интересующие командование, готовившееся к началу боевых действий. Его немалая заслуга состоит в том, что, форсировав Дунай 15 июня 1877 г., передовой отряд российских войск под командованием генерала И.В.Гурко уже 25 июня освободил город Тырново и овладел горными перевалами через Балканский хребет.

С началом войны потребность в получении достоверных сведений о противнике возросла, и П.Д.Паренсов блестяще справился с этой задачей. Созданная им агентурная сеть продолжала работать. «Я понимал необходимость иметь постоянную агентуру и сделал опыты, доставившие прекрасные результаты», — рассказывал он своим коллегам по полевому штабу.

Разведывательная деятельность Петра Дмитриевича была оценена по заслугам его непосредственным шефом — управляющим Военно-ученым комитетом, будущим начальником Главного штаба русской армии генералом Н.Обручевым. «Никогда еще, — писал он, — данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи...»

Отгремели кровопролитные бои на Шипкинском перевале, навечно запечатленные в картинах русского художника В.В.Верещагина. Взят Плевен, освобождена Болгария, и русские войска, остановившись в 12 километрах от Константинополя, победоносно завершили эту войну. Подписаны Сан-Стефанский, а затем и Берлинский договоры. Они до минимума свели итоги победы русского оружия, но Болгария, хоть и сильно урезанная по территории, все же получила независимость. Для оказания помощи в становлении болгарской государственности была образована особая форма временной администрации — Русское гражданское управление во главе с Верховным комиссаром России генерал-адъютантом князем А.М.Дондуковым-Корсаковым. Во время войны он командовал 13-м армейским корпусом, а затем так называемым восточным отрядом российских войск. Военное ведомство было предложено возглавить П.Д.Паренсову.

Как оценить деятельность кабинета, просуществовавшего менее года? Как представители России, они, естественно, в первую очередь действовали в интересах своего государства, стремясь максимально сочетать их с интересами новообразованного Болгарского княжества. По условиям Берлинского соглашения российское военное присутствие на Балканах ограничивалось 9 месяцами. Следовательно, обеспечить интересы России в регионе

можно было лишь одним путем — создав жизнеспособное государство, которое выступало бы как союзник России и могло бы противостоять турецкой гегемонии. И с этой задачей кабинет справился.

За короткое время Русское гражданское управление сумело провести реформу налоговой системы, создать органы самоуправления, подготовить выборы в Великое народное собрание (парламент) Болгарии. В стране, где ни один болгарин до войны не допускался к административной деятельности, было срочно подготовлено более трех тысяч чиновников различного уровня, которые постепенно заменяли на руководящих постах русских офицеров. Могут возразить, что, мол, все это делалось по указке из Петербурга, в собственных интересах. Это, конечно, не лишено оснований, но сомнительно, чтобы представители одной из самых жестких абсолютистских монархий получили указание об организации системы самоуправления, проведении парламентских выборов и оказании помощи в подготовке проекта конституции. Все это объясняется тем, что среди российского офицерства всегда было немало прогрессивно настроенных людей. Поэтому здесь, в Болгарии, они дали шанс новой стране получить то, чего не имели сами, — наиболее передовую по тем временам либерально-демократическую конституцию, которая затем вошла в историю Болгарии под названием «Тырновской».

Решать глобальные задачи Русскому гражданскому управлению пришлось на фоне повседневных текущих проблем — обеспечение жильем и продовольствием потянувшихся из южных районов Боягарии еще остающихся в составе Турции беженцев, а их было около 200 тысяч человек, судебное разбирательство претензий некоторых мусульман, пожелавших возвратиться и требовавших компенсации за свое имущество.

Возглавив военное ведомство, П.Д.Паренсов активно включился в работу по формированию новой болгарской армии. На базе ополченских батальонов было развернуто земское войско. Из резервов русской армии было безвозмездно передано вооружение, боеприпасы, обмундирование, армейское снаряжение, а также несколько военных судов. Для формирования национальных армейских кадров в Софии было открыто военное училище, в котором преподавали российские офицеры. Многие болгары были отправлены в Россию, в военные учебные заведения по различным родам войск. В итоге уже к началу 1879 года земское войско насчитывало 25 тысяч хорошо обученных солдат и офицеров. Это потребовало немалых усилий от П.Д.Паренсова и его сотрудников, ведь на протяжении многих веков болгары не имели своих воинских формирований и жестоко карались турками за одно хранение даже холодного оружия.

Память о русских воинах-освободителях до сих пор жива в народной памяти болгар. В Софии, других городах страны появилось немало памятников, связанных с той войной. И сейчас в болгарской столице можно посидеть в уютных небольших рестораниках на улице графа Игнатьева, посмотреть на театральные афиши на улице генерала Гурко, пройтись по бульвару генерала Скобелева, который венчает шпиль монумента русским воинам, погибшим при освобождении Болгарии, услышать перезвон софийских трамваев на бульваре князя Дондукова. Но среди этих имен не встретишь полковника П.Д.Паренсова, так много сделавшего для становления независимой Болгарии. Конечно, ему, как разведчику, не привыкать оставаться в тени.

Есаул Ливкин в Индии и Китае

Конец XIX века в истории России отмечен нарастанием противоречий с Англией в Азии. Укрепившись в Индии, англичане строили планы проникновения в Среднюю Азию и Приуралье через Афганистан с юга и через Тибет с востока. В свою очередь, Россия также стремилась распространить свое влияние на эти регионы.

Россия и Англия ревниво следили за действиями друг друга в Афганистане и Тибете. Россия считала, что англичане, усилив свои позиции в Афганистане и завоевав Тибет, который откроет им дорогу в Синьцзян, окажутся на южных и восточных границах Средней Азии. Англия же опасалась, что Россия через Афганистан может выйти за западные границы Индии, где положение у нее было весьма нестабильным.

В таких условиях особое значение приобрело для России постоянное слежение за ситуацией в Афганистане, Персии, Индии, Китае, Тибете и других районах Азии, где могли быть затронуты интересы империи.

Эти интересы имели не только геополитический характер. В это время в Индии разразилась эпидемия чумы, что вызывало серьезную обеспокоенность у российского правительства. Чума через Афганистан могла распространиться на территорию России. По высочайшему повелению была создана специальная комиссия во главе с принцем А.П.Ольденбургским. Под его началом вдоль границы с Афганистаном были сформированы карантинные отряды, на обустройство которых требовались значительные суммы из государственной казны.

Отсутствие надежной информации об эпидемиологической обстановке в Индии и приграничных с ней районах Афганистана серьезно осложняло работу. От вероятности проникновения чумы

в Среднюю Азию во многом зависел объем затрат на противочумные меры.

В этой обстановке было принято решение направить в Индию опытного разведчика. Выбор пал на есаула Уральского казачьего войска Давида Ивановича Ливкина. В 1898 году, когда готовилась эта операция, ему было 35 лет. Родился он в городе Гурьеве, где с самого детства соприкасался с выходцами из Средней Азии. В дальнейшем большая часть его службы проходила в районах Востока, где он хорошо изучил нравы, обычаи, психологию, религиозные ритуалы представителей многих восточных национальностей.

Ливкин окончил военное училище, трехгодичные курсы восточных языков для офицеров при учебном отделении Азиатского департамента МИД России. На курсах изучали арабский, турецкий, персидский, французский языки, международное и мусульманское право. Помимо полученных Ливкиным знаний по иностранным языкам на курсах он владел татарским, киргизским и английским языками, которые выучил ранее самостоятельно.

Ливкин уже неоднократно проявил себя как опытный и смелый офицер при выполнении заданий за границей.

По указанию начальника Закаспийской области генерала Туманова он выехал в Самарканд для встречи с принцем Ольденбургским. Принц сразу же предупредил, что данная операция носит исключительно деликатный характер из-за взаимоотношений с Англией и должна проводиться с особой осторожностью.

Практическая подготовка Ливкина к выполнению задания проводилась под непосредственным руководством принца. Сначала по предложению Ливкина был принят вариант поездки по документам иностранного купца. Однако незадолго до выезда принц Ольденбургский изменил свое решение и предложил Ливкину выехать в Индию в качестве адвоката полковника князя Орбелиани, который должен был ехать под видом богатого русского вельможи, отыскивающего права на наследство после смерти родственника в Мадрасе. Этот вариант, по мнению принца, позволял надежнее организовать связь и давал больше шансов избежать провала. Предполагалось, что Ливкин, действуя под видом адвоката, будет иметь возможность собирать необходимую информацию и через князя переправлять ее в Россию.

Вместе с тем Ливкину было дано право в случае каких-либо осложнений на маршруте следования действовать самостоятельно по первому варианту.

Ливкин попросил разрешения взять в поездку своего надежно человека — персидского купца Мирзу Мехди, который вел торговые дела в Персии, Египте и России. Мирза Мехди располагал большими связями среди купечества в этих странах, и Ливкин

рассчитывал на его помощь в установлении необходимых контактов с персидскими, египетскими и другими торговыми фирмами.

Большое внимание было уделено разработке маршрута поездки. Ехать через Афганистан было нельзя, так как это сразу бы привлекло внимание англичан, тем более что путь в этом случае пролегал бы через северо-западные провинции Индии, которые англо-индийские власти усиленно охраняли от проникновения иностранцев. Было решено использовать путь через Европу, Суэцкий канал и далее в Индию.

29 октября с паспортом на имя купца Магомета Гасанова, уроженца Кавказа, Ливкин вместе с князем Орбелиани выехал в Вену. Там нужно было решить, как действовать дальше — выступать в роли адвоката князя или самостоятельно.

По приезде в Вену Ливкин обратил внимание на то, что иностранцы и местные постояльцы гостиницы, где они поселились, уже знали, что группа едет в Индию. Не нравилось и поведение самого князя, который придавал слишком большое значение внешней мишуре и слишком слабо представлял характер предстоящей работы.

В беседе с ним выяснилось, что у Орбелиани никаких родственников в Индии нет, никакой переписки по вопросу наследства не велось и не ведется, что сама легенда о наследстве ничем не подкрепляется и при первой же проверке лопнет как мыльный пузырь. Кроме того, сам Ливкин для роли адвоката не подходил. Стало ясно, что продолжать путешествие с князем нельзя. Поэтому Ливкин принял решение использовать первый вариант. С князем была достигнута договоренность о конспиративных встречах в Порт-Саиде и Бомбее, где будет передаваться добытая информация.

В качестве промежуточной страны был избран Египет. Давид Иванович планировал провести всю подготовительную работу в Порт-Саиде. В частности, он надеялся с помощью Мирзы Мехди привлечь к сотрудничеству двух-трех помощников и использовать их в дальнейшем в изучении эпидемиологической обстановки в Индии. Нужно было также приобрести персидский паспорт и дальше выступать под видом персидского купца. Данные для этого у него были. Внешне он был похож на человека восточной национальности, хорошо владел персидским языком, отлично знал нравы и обычаи этой страны — все это давало уверенность, что он успешно справится с избранной им ролью.

Порт-Саид в те годы был центром международной торговли, где имелись иностранные колонии и вели торговлю купцы из Персии, Индии, ряда арабских стран, Европы.

Мирза Мехди оказался исключительно полезным спутником. Он свел Ливкина с нужными людьми, через которых за определен-

ную плату получил настоящий персидский паспорт. В дальнейшем он познакомил его с человеком по имени Хаджи Нияз, занимавшимся торговлей драгоценными камнями и располагавшим большими связями среди купцов в Индии, где неоднократно бывал по делам.

С Мирзой Мехди и Хаджи Ниязом Ливкин договорился о том, чтобы они выехали в Индию и помогли ему в организации работы по изучению эпидемиологической обстановки. Важная роль предназначалась Хаджи Ниязу. Он должен был через своего надежного человека в Индии подобрать двух агентов, которые могли бы беспрепятственно обследовать северо-западную часть Индии, а также восточные районы Афганистана.

Для закрепления отношений с Хаджи Ниязом и Мирзой Мехди Ливкин не только использовал материальные стимулы, но и прибег к помощи одного крупного религиозного мусульманского авторитета. Этот человек хорошо относился к России. Узнав о том, какую благородную миссию выполняет Ливкин, он обязал Хаджи Нияза и Мирзу Мехди оказывать ему любую помощь, которая только потребуется. Теперь Хаджи Нияз и Мирза Мехди были связаны с ним не только имевшимися договоренностями, но и ответственностью, которую они несли перед своим духовным лидером.

Большая работа была проведена по созданию дополнительного канала связи с Россией, через который можно было бы передавать добытую информацию. У Давида Ивановича были большие сомнения в том, что Орбелиани обеспечит надежную связь. Уже по приезде в Порт-Саид он столкнулся с первыми нарушениями достигнутых договоренностей. Согласно разработанным условиям, князь должен был находиться в Порт-Саиде до приезда туда Ливкина, где намечались их встреча и окончательная доработка плана действий в Индии. Но, как обнаружилось, Орбелиани не стал задерживаться в Египте и проследовал напрямую в Индию.

Ливкин вынужден был искать возможность, которая могла бы обеспечить передачу информации через Порт-Саид в Одессу. С помощью своих помощников он нашел надежного человека в одном из иностранных консульств, согласившегося получать корреспонденцию, которая будет поступать из Индии, и передавать ее по назначению. Этот человек имел дипломатический статус и с точки зрения безопасности полностью отвечал требованиям, необходимым для выполнения этой работы.

Созданный канал связи через Порт-Саид давал возможность не только пересылать добытую информацию, но и получать из России необходимые указания, деньги и т.д. Не исключалось использование и линии связи через Орбелиани. Однако ввиду потери контакта с ним предстояло выяснить его местонахождение и убедиться в возможности поддержания с ним регулярных отношений.

В этих целях Ливкин поручил Мирзе Мехди выехать в Бомбей и попытаться установить, где проживает Орбелиани, какова обстановка вокруг него и можно ли рассчитывать на пересылку через него информации.

Отправив Мирзу Мехди в Индию, Ливкин вместе с Хаджи Ниязом вплотную занялся отработкой вопроса, связанного с подбором агентов из числа индийцев для обследования заданных районов. Для этого необходимо было прежде всего определить, кого из знакомых Хаджи Нияза в Индии можно было бы использовать для подбора нужных людей.

Было решено обратиться к хорошему знакомому Хаджи Нияза афганскому купцу Худе Бахшу, проживавшему в городе Лахор в Индии. Последний вел торговлю как в Индии, так и в Афганистане и имел широкие связи в местных торговых кругах. Хаджи Нияз характеризовал его как честного и вполне надежного человека.

Он написал ему письмо с просьбой подобрать двух грамотных и надежных людей, которые могли бы свободно путешествовать в восточном Афганистане и западных провинциях Индии и выяснять положение с чумой. Просьба легендировалась коммерческими интересами фирмы, которая опасалась вместе с импортируемыми из Индии товарами занести чуму в Египет. Ответ Хаджи Нияз просил направить на его имя в город Хайдарабад в Индию, куда он собирался в ближайшие дни выехать.

Из Порт-Саида Ливкин вместе с Хаджи Ниязом выехал не сразу в Индию, а сначала прибыл на Цейлон. Он ознакомился там с рынком драгоценных камней, установил контакты с местными купцами, приобрел небольшую партию камней и только затем высадился в Индии. Это было небольшое местечко Тотикорин, где особого контроля за въезжающими не было, а оттуда через Мадрас направился в Хайдарабад.

Ливкин выдавал себя за торговца драгоценными камнями и другими редкими колониальными товарами. Этим и объяснял посещение Цейлона — одного из крупных рынков камней. В случае проверки, чего никак нельзя было исключать, факты «торговой деятельности» Ливкина как в Порт-Саиде, так и в Коломбо нашли бы соответствующее подтверждение.

В Хайдарабаде Хаджи Нияз получил письмо от Худа Бахша, который сообщал, что продолжает подыскивать нужных людей и, как только закончит эту работу, направит их к нему. Через несколько дней Худа Бахш сам прибыл в Хайдарабад вместе с двумя помощниками. Худа Бахш произвел весьма благоприятное впечатление на Ливкина. Остался доволен он и помощниками, один из которых был выходцем из Кашмира по имени Шамседдин, другой — Абдулла Хан — был афганцем, проживавшим в Индии. Оба оказались грамотными, что по тем временам было редкостью,

много путешествовали и хорошо были знакомы с районами, где предстояло вести работу.

Однако, прежде чем окончательно был решен вопрос и агенты отправились по своим маршрутам, Ливкин несколько дней, следуя восточным обычаям, провел с ними в дружеских беседах и одновременно вместе с Хаджи Ниязом изучал их с точки зрения надежности и пригодности для использования. Как пишет Ливкин в своем отчете, только «после долгих дружественных разговоров о самых разнообразных предметах, обменах визитами и обильных угощений Хаджи Нияз наконец выразил уверенность в том, что на этих лиц можно положиться»¹.

Шамседдин и Абдулла Хан поручение Ливкина приняли со всей серьезностью. Была оговорена цена за выполнение задания — 500 рупий. Худа Бахшу в знак дружбы и уважения был сделан подарок — перстень с бриллиантами и, кроме того, было обещано особое вознаграждение в 500 рупий, если агенты хорошо исполнят поручение.

Одновременно Ливкин планировал посетить Бомбей, поскольку по расстоянию это было недалеко, и попытаться установить связь с Орбелиани. Однако эту поездку пришлось отменить, так как поступило сообщение от Мирзы Мехди, что после долгих поисков ему удалось установить местонахождение князя и встретиться с его слугой. Тот сообщил, что за ними установлена слежка и что они полностью находятся под контролем полиции. После встречи со слугой Мирза Мехди был задержан полицией и допрошен. Дальнейшие попытки по установлению контакта с князем были сочтены нецелесообразными.

После анализа полученных от своих помощников сообщений Ливкин пришел к выводу, что в порученных для проверки районах положение благополучно, в Афганистане и прилегающих к нему районах Индии чумы нет. В Петербург было направлено первое сообщение об этом. Однако работа продолжалась.

Наиболее опасными местами, откуда чума могла проникнуть в Россию, Ливкин считал приграничные с Афганистаном районы Индии и Кашмир. Поэтому он лично с особой тщательностью проверял информацию относительно обстановки в этих районах. Его пребывание в Амритсаре и Лахоре давало возможность беседовать с людьми, прибывающими из интересовавших его мест.

Работа близилась к завершению. В Петербург было направлено уже несколько сообщений. Ливкин дал команду о возвращении агентов. В то же время его не покидала мысль о том, что болезнь может распространиться на северную и северо-западную часть Индии. Хотя она и пошла на убыль, но это не снимало угрозы для территории России.

Для контроля за ситуацией он решил подобрать надежного человека, который должен будет регулярно направлять ему со-

общения в Россию. Таким человеком стал торговец Ибрагим-бей, которого Ливкин хорошо изучил и проверил на конкретных делах.

После подробных бесед со своими помощниками по поводу их работы и полученных впечатлений он выразил им благодарность, выдал причитающиеся суммы и в сопровождении Хаджи Нияза отбыл в Карачи, где находился наиболее опасный очаг эпидемии. В это время смертность в городе достигала 34 случаев в день. После Карачи Ливкин посетил Бомбей, где также находился крупный очаг эпидемии.

На основании изучения полученных о чуме данных Ливкин сделал вывод, что англо-индийские власти достаточно энергично и квалифицированно организовали работу по борьбе с чумой и их усилия дают положительные результаты. Однако разведчик считал, что, пока эпидемия полностью не ликвидирована, есть опасность заноса ее в другие районы, в том числе и на территорию России. Он был свидетелем возникновения небольшого очага заболевания недалеко от Дели. Он посетил это место и в результате бесед с врачами установил, что болезнь была занесена из Карачи, откуда прибыли два человека к своим родственникам. Такого рода занос эпидемии не исключался на любую территорию, в том числе в Афганистан и далее в Среднюю Азию через торговцев или паломников.

В этой связи он принял дополнительные меры по изучению потоков населения из Индии в Афганистан, Персию и Среднюю Азию, а также причин, оказывающих влияние на оживление и уменьшение этих потоков.

В результате были получены любопытные данные. После открытия Суэцкого канала полностью прекратился вывоз индийских товаров в Среднюю Азию, так как это стало нерентабельным. Поэтому остановился и поток людей. Из-за подозрительности, а то и просто враждебности к чужеземцам со стороны афганцев практически прекратились сношения Индии с Персией через Афганистан. Религиозный фанатизм и полный произвол по отношению к иноверцам, в том числе к мусульманам шиитского толка — персидским подданным, до крайности ограничили круг лиц, пользующихся проходом через Афганистан.

На основании полученных сведений Ливкин сделал вывод, что в существующих условиях проникнуть из Индии в Среднюю Азию и, следовательно, занести туда чуму можно только через Кашмир и верхнюю долину Инда, где есть проход на ее территорию. Однако в связи с усилением пограничного контроля с российской стороны и этот теоретический вариант отпадал.

Предложения Ливкина комиссии принца Ольденбургского сводились к следующему:

1. Приостановить формирование карантинных отрядов вдоль афганской границы в связи с отсутствием реальной опасности распространения чумы на территорию Средней Азии.

2. Усилить контроль за лицами, прибывающими из Индии, и товарами индийского происхождения.

3. Полностью закрыть границу в случае появления чумы в Афганистане или сопредельных с ним странах, поскольку потери от торговли в результате этой акции будут намного меньше затрат на карантинные меры.

Предложения были доложены Ливкиным комиссии после благополучного возвращения в Петербург в июне 1899 года. Задание, данное разведчику, было выполнено. Такой, казалось бы, «неразведывательный» вопрос, как изучение эпидемиологической обстановки, потребовал осуществления целого комплекса сложных оперативных мероприятий.

Одновременно Ливкин проводил работу по сбору политической информации. Отсутствие постоянных представителей России в Индии зачастую вело к искаженному представлению о действительном положении в этой стране. Поэтому разведчик стремился разобраться не только в том, насколько прочным является положение англичан в Индии, но и в глубинных внутренних процессах, происходящих в индийском обществе.

На основании личных наблюдений и бесед с различными категориями населения, включая торговцев, госслужащих, интеллигенцию, Ливкин пришел к выводу, что недовольство господством англичан в народе усиливается. Особенно взрывоопасная обстановка сложилась в долине реки Ганг и Пенджабе, где нельзя было исключать вспышки всеобщего народного восстания.

Вместе с тем в своем отчете он отметил: «Надо признать господство англичан очень прочным, так как организация, в смысле поддержания своей власти, у них образцовая. Возникни где-либо частичное восстание или мятеж, немедленно, благодаря целесообразной передислокации войск и рельсовым путям, в данной местности будет сосредоточено нужное для подавления мятежа количество войск. Несмотря на то, что присутствие англичан в Индии мало заметно, надзор их повсюду сильно чувствуется»².

Учитывая большую роль Индии в Азии и интересы России в этом регионе, Ливкин в своих рекомендациях указывал на необходимость иметь в этой стране своих секретных агентов, чтобы получать достоверную информацию о внутривнутриполитической обстановке и внешнеполитических акциях англичан.

Особое внимание он рекомендовал обратить на такие вопросы, как:

1. Изучение политических воззрений, настроений и идеалов как индусского, так и мусульманского населения. Большое значе-

ние при этом необходимо уделять внутренним процессам, происходящим в верхних слоях индийского общества, особенно в среде интеллигенции.

2. Добывание информации о назревании политических потрясений в стране, о методах борьбы против англичан, наличии возможностей выставить против англичан вооруженные формирования из местного населения, качестве и количестве таких формирований.

3. Выяснение требований различных слоев населения в социальной и аграрной областях, какие из этих требований являются наиболее острыми.

4. Изучение настроений в войсках, набираемых из местного населения, какова вероятность присоединения этих войск, в случае антианглийских выступлений, к восставшему народу.

5. Проведение исследований ситуации в вассальных княжествах.

После возвращения в Петербург он был прикомандирован к Главному штабу, совершил несколько инспекторских поездок в войска, а с началом русско-японской войны подал рапорт с просьбой направить его в Маньчжурию в действующую армию.

По прибытии на фронт он был назначен командиром разведдивизиона при главнокомандующем русскими войсками. Разведчики Ливкина проводили большую работу по сбору данных о противнике, ходили в тыл к японцам, брали «языков», участвовали в других боевых операциях. Незаурядные способности Ливкина проявились и здесь. Однажды главнокомандующий вызвал Ливкина и сообщил, что на правом фланге русской армии находится крупная группировка китайских войск под командованием генерала Ма. Эта группировка сосредоточена на линии Пекин — Мукден, и существует опасение, что китайцы могут соединиться с японцами, а это серьезно осложнит положение русской армии. Поскольку намерения китайцев не известны, снимать войска с этого участка нельзя, хотя они могли бы быть использованы на других участках фронта. Он спросил Ливкина, что можно сделать для того, чтобы выяснить истинные намерения генерала Ма и удержать его от соблазна ударить во фланг русской армии. Ливкин предложил направить в ставку китайского генерала небольшую группу разведчиков под видом русских купцов во главе с ним и попытаться выведать его планы. Согласие было дано, и Ливкин, не откладывая, приступил к подготовке разведывательной операции.

С документом на имя русского чаоторговца Попова и с подарками для генерала, в сопровождении своих товарищей, действовавших под видом караванщиков, Ливкин появился в ставке Ма.

Вначале «купцов» встретили холодно и с подозрением. Однако, когда Ливкин был принят самим генералом, положение изме-

нилось. Преподнесенные подарки, умение Ливкина располагать к себе людей, знание китайских обрядов и обычаев способствовали налаживанию необходимого контакта. Ливкин пробыл в ставке генерала Ма несколько дней и сумел за это время не только наладить хорошие отношения с китайцами, но и подружиться с самим генералом.

В беседах генерал сообщил, что не собирается помогать японцам и никаких наступательных операций проводить не будет. В ходе бесед Ливкин убедился, что китайское командование серьезно обеспокоено захватническими планами японцев, считая их прямой угрозой непосредственно Китаю. Каких-либо признаков, которые говорили бы о подготовке наступления, Ливкин не обнаружил, более того, дружеское отношение к нему и к русским вообще свидетельствовало о доброжелательных намерениях китайского командования.

Полученные Ливкиным сведения были высоко оценены в штабе главнокомандующего и сыграли большую роль в планировании боевых операций русской армии на Мукденском участке фронта.

Дальнейшая судьба и карьера этого блестящего русского разведчика и талантливого человека круто изменилась. Под Мукденом он получил тяжелую контузию, потерял дар речи, не мог самостоятельно двигаться, и был уволен в отставку в чине полковника. За время службы был награжден золотым оружием, орденом Св.Владимира с мечами и бантом.

В последние годы жизни, находясь в бедственном положении (временами из-за бюрократических волокит не получал даже ту небольшую пенсию, которая была ему назначена), он неоднократно обращался в разные инстанции с просьбой установить ему положенную по чину и заслугам пенсию, которая давала бы возможность проводить лечение и более или менее сносно существовать. Однако его прошения пересылались из одного ведомства в другое, а положительного решения не принималось. 15 октября 1912 г. он приехал в Петербург и подал прошение непосредственно царю:

«Всемиловейший державный Великий Государь
Император Николай Александрович
Самодержец Всероссийский Государь всемиловейший

Просит отставной полковник
Уральского Казачьего Войска
Давид Иванович Ливкин

В декабре месяце прошлого года состоялось всемиловейшее повеление Вашего Императорского Величества о передаче на рассмотрение г. Председателю Совета Министров моей просьбы об увеличении пенсии или пособия.

8 мая текущего года Департамент Государственного Казначейства известил меня, что рассмотрение моего ходатайства последует незамедлительно по получении затребованных от Главного штаба дополнительных сведений. Наконец в сентябре мне было объявлено, что вся переписка о пенсии передана в Главное Интендантское управление. Таким образом, со дня передачи мною просьбы прошло 11 месяцев.

За это время здоровье мое значительно ухудшилось, и можно опасаться, что желанная помощь придет тогда, когда уже будет поздно.

В настоящее время я приехал в Санкт-Петербург вновь посоветоваться с врачами. Денег на обратный выезд, а тем более на предписанное немедленное путешествие на юг у меня нет; а между тем окончательное решение моего дела вследствие необходимых формальностей может быть отсрочено еще на несколько месяцев.

Находясь в критическом положении, снова и снова позволю себе прибегнуть к Вашему, Великий Государь, милосердию. Прикажете теперь же, не дожидаясь окончательного решения по моему делу, выдать мне единовременное пособие в размере нескольких сот рублей, чтобы я мог осуществить предписанную поездку и хоть немного поправить мое здоровье, разрушенное на службе Вашему Величеству и Родине.

Вашего Императорского Величества верноподданный
полковник *Давид Иванович Ливкин*

15 октября 1912 г.³

На этом переписка Давида Ивановича прерывается. Неизвестно, дождался он царской милости или нет. В скором времени он скончался.

¹ РГВИА, ф. 970, оп.3, д.1594, с.40.

² Там же, с.74.

³ Там же, с.40.

Подьесаул Уланов и лама Ульянов

Министр двора Его Императорского Величества барон Фредерикс был явно раздражен. Только в последнюю минуту ему сообщили, что программа визитов к государю на 14 января 1904 г. должна быть изменена, поскольку Генеральный штаб армии просил Николая II срочно принять для «конфиденциальной аудиенции» двух донских казаков, отправляющихся с секретной миссией в Тибет. Государь согласился, и барону Фредериксу не оставалось ничего иного, как передать организаторам царской охоты в заповедном фазаннике в Ропше, что Его Величество не сможет приехать сегодня и переносит охоту на несколько дней, о чем будет сообщено дополнительно.

Недовольно поморщившись, Фредерикс бросил своему адъютанту: — Надеюсь, вы сказали гостям Его Величества, что им необходимо прибыть на аудиенцию в парадной форме?

— Сказал, — с запинкой ответил адъютант, — но они предпочитают гражданскую, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Тем более, что они... калмыки.

Секретная аудиенция состоялась. В своем дневнике в этот день царь записал: «14-го января 1904 года... Встали пораньше. Утром много читал; два раза обежал сад с детьми. После докладов принял десять сенаторов. Облекся в прусский мундир и пошел с Аликс и Мишей к завтраку с германским посольством по случаю дня рождения Вильгельма. В 3 часа принял двух донских калмыков — офицера Уланова и ламу Ульянова, которые отправляются в Тибет...»¹.

Изменить свои планы государя заставила угроза конфликта с Англией из-за тибетского вопроса.

Россия уже давно проводила активную внешнюю политику на Дальнем Востоке. Это касалось и Тибета, над которым нависла опасность английского вторжения. У России в этот период стали

налаживаться связи с тибетскими властями. Увеличился поток российских паломников в эту страну. Из Лхасы в Петербург в 1901 году прибыла делегация во главе с одним из приближенных далай-ламы.

Издававшаяся в то время в Шанхае немецкая газета «Дер ост азиатше ллойд» писала: «Со времени утверждения русского владычества в Средней Азии тысячи ламаистских паломников, стекающихся в Лхасу, своими рассказами о могуществе России распространяли обаяние русского имени в Азии и таким образом невольно или сознательно способствовали расширению русского влияния»².

Отношения с Тибетом сдерживались отдаленностью от России и главным образом отсутствием хорошо обследованных путей доступа в эту страну. Поэтому царское правительство уделяло большое внимание изучению районов, прилегающих к Тибету, и самой территории страны. Это было важно не только для того, чтобы поддерживать регулярную связь с ней, но и четко представлять степень вероятности использования имеющихся путей для переброски английских войск в Синьцзян, к границам Средней Азии.

В эти районы было организовано несколько экспедиций, действовавших под эгидой Императорского русского географического общества, в том числе четыре — под руководством Пржевальского, а также экспедиции под началом Роборовского, Козлова.

Помимо экспедиций использовались и другие пути получения разведывательной информации о положении в Тибете. Издававшаяся в то время в Петербурге газета «Новое время» писала, что в 1898—1899 годах в Лхасе, путешествуя в одежде ламы, побывал, в частности, известный специалист в области тибетской медицины доктор Бадмаев³, при этом делался намек на то, что он выполнял там секретное задание.

В 1902 году было принято решение направить в Тибет специальную разведывательную группу под видом буддийских монахов, которую должен был возглавить подъесаул Н.Э.Уланов, калмык по национальности, хорошо владевший тибетским языком и знавший буддийские обычаи и обряды. До этого Уланов состоял офицером одного из казачьих полков Войска Донского. В 1901 году привлекался к работе в качестве переводчика с находившейся тогда в Петербурге тибетской правительственной делегацией.

В 1902 году он был прикомандирован к Главному управлению казачьих войск и зачислен в качестве вольнослушателя в Академию Генерального штаба.

Подготовка к операции продолжалась два года. Особое внимание Уланов уделял изучению топографии, связи и коммуникаций, астрономии и других дисциплин, которые могли ему пригодиться во время предстоящего похода.

Направление разведывательной группы в Тибет вызывалось весьма важными государственными причинами. Англия по отношению к Тибету проводила тогда агрессивную политику. В 1888—1889 годах она осуществила несколько военных экспедиций, а в 1904 году, используя благоприятную обстановку (русско-японская война), начала открытую вооруженную интервенцию. Тибетцы оказывали упорное сопротивление. Однако силы были неравны, и англичане заняли Лхасу.

Далай-лама вынужден был бежать из страны в Монголию и обосновался там в одном из крупных буддийских монастырей. Он установил связь с правительством России, одновременно поддерживая контакты и с китайскими властями, в формальной зависимости у которых находился Тибет.

Русская дипломатия прилагала большие усилия, чтобы воспрепятствовать установлению полного контроля Англии над Тибетом. Политика Петербурга заключалась в том, что Тибет, находясь под верховной властью Китая, должен сохранить известную самостоятельность. Такое решение вопроса отвечало национальным интересам России.

Однако после отъезда далай-ламы события в Тибете разворачивались в неблагоприятном для России направлении. Позже, в сентябре 1904 года, Англия подписала с тибетскими чиновниками, не имевшими на это полномочий, договор, согласно которому Китай почти полностью утрачивал свою власть в Тибете.

В то же время борьба против англичан не утихала. Они маневрировали, непредсказуемо вели себя и тибетские высшие сановники. Ситуация выглядела в высшей степени запутанной. Не знал и далай-лама, что ему делать.

В этой обстановке правительство России приняло решение ускорить отправку разведывательной группы в Тибет и детально разобраться в происходящем.

Большое внимание подготовке экспедиции уделял военный министр генерал-адъютант Куропаткин. Для зашифровки операции было решено уволить Уланова в отставку с тем, чтобы не возникало ненужных домыслов в различных военных канцеляриях. Периодически о ходе работы докладывали царю.

В январе 1904 года на имя царя была направлена следующая записка:

«3-го сего января Вашему Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на командирование весьма секретно в Тибет для сбора сведений об этой стране прикомандированного к Главному управлению казачьих войск Первого Донского казачьего Генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова Рымникского полка подъесаула Уланова, сроком приблизительно на один год в сопровождении штатного гелюна⁴ Потаповской станицы Войска

Донского Дамбе Ульянова и переводчика урядника той же станицы Лиджи Шарапова.

Для сохранения в тайне сего командирования полагалось бы по бывшим примерам уволить подьесаула Уланова в отставку под рубрикой «по домашним обстоятельствам» с условием обратного приема на военную службу по окончании командировки и с зачетом проведенного в ней времени за действительную службу с сохранением всех прав.

Вызываемый сей командировкой расход в сумме 13 840 рублей полагалось бы отнести на суммы запасного кредита Канцелярии Военного Министерства.

Кроме того, подьесаулу Уланову полагалось бы отпустить для вооружения его, спутников его, а равно для подарков 5 винтовок казачьего образца и 8 трехлинейных револьверов с надлежащим количеством патронов.

Испрашивается: благоутодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на изложенное?

Генерал-адъютант Куропаткин»⁵.

Высочайшее соизволение было получено. Это обстоятельство указывает на ту большую важность, которую придавали в правительстве предстоящей разведывательной операции. Об этом свидетельствует и еще один документ, подписанный военным министром.

«Завтра, 14 января, Государь Император примет в 3 часа дня совершенно тайным образом в Зимнем дворце отправляющихся в Тибет подьесаула Уланова и ламу Ульянова. Означенным лицам об изложенном уже сообщено.

Прошу поставить об этом в известность Экспедицию церемониальных дел с указанием на частный характер приема и просить принять меры, чтобы сведения об этом приеме не попали в газеты... Генерал-адъютант Куропаткин. 13 января 1904 года»⁶.

Из Петербурга группа выехала в январе 1904 года и до сентября находилась в Средней Азии, где велась подготовка к походу. Важное место отводилось оформлению документов, по которым путешественники должны были следовать в Тибет. По имеющимся в делах отрывочным данным, члены группы выдавали себя за жителей китайской провинции Синьцзян и соответственно должны были иметь на руках документы, которыми в то время располагали коренные жители. Большую помощь в подготовке к экспедиции оказывало российское представительство в городе Кульдже, в Синьцзяне, куда группа прибыла в октябре. Здесь же в ее состав были включены еще четыре человека. Это были опытные проводники и караванщики из числа местных жителей.

От Кульджи группа сначала двигалась по дорогам, ведущим в глубь китайской территории. Она имела небольшой караван, при-

мерно из десятка верблюдов. Члены группы были одеты как буддийские монахи и по внешним признакам ничем не отличались от обычных паломников, направляющихся к святым местам.

Но в пути случилось непредвиденное. Сразу заболели два человека: сам руководитель разведгруппы Уланов и урядник Шарапов. Болезнь была какая-то необычная, никто о ней в этих местах не слышал, и лечить местные лекари ее не могли. Вся надежда была на здоровый организм казаков. Шарапов начал постепенно поправляться, здоровье Уланова не улучшалось. Через несколько дней он умер, и группа осталась без начальника.

Оставив группу и караван на месте, Ульянов, как заместитель руководителя, выехал в Кульджу, где сообщил в русском представительстве о случившемся и получил санкцию на продолжение пути. Далее группа следовала под его руководством, что имело свои преимущества: Ульянов был буддийским религиозным служителем в казачьих войсках, хорошо разбирался во всех тонкостях буддийской религии и мог естественно и правдоподобно играть роль знатного паломника. Но ему недоставало опыта и военной подготовки Уланова, блестяще закончившего военное училище и Академию Генерального штаба.

К концу декабря группа добралась до цайдамских калмыков, живущих в Чеменских горах, на северо-востоке Тибетского нагорья.

Двигаться дальше было нельзя, горные перевалы были завалены снегом, начались морозы и метели. У калмыков группа зимовала до 20 марта, а затем снова двинулась в путь. При переходе тибетской границы произошла встреча с воинственным кочевым племенем тангутов. Если русские экспедиции они встречали враждебно, постоянно беспокоили дерзкими набегами, то «паломников» приняли с большим почтением. В своем отчете Ульянов писал: «Меня сочли за гегена, и благодаря этому на нас не было никаких набегов, а, напротив, во время проезда через их чумы навстречу мне выходили мужчины и женщины с детьми для поклонения, и я принимал их и благословлял, и снова продолжали свой путь»⁷.

Группа прибыла в Лхасу в двадцатых числах мая. «Паломников» встретили с большим почтением, приняв Ульянова за Великого Хубильгена или гегена (высшего представителя буддийского духовенства). На поклон к нему стали приходить как местные жители, так и иностранные паломники. Однако от приема верующих Ульянов стал уклоняться и все первые дни посвятил поклонению местным хубильгенам, гегенам и другим святым.

Подозрение, которое возникло в первое время, сменилось полным доверием к ним со стороны окружающих. Скоро местные ламы убедились, что встретили в лице Ульянова большого знатока

учения Будды. Ульянов еще во время подготовки к походу в Тибет написал трактат на тибетском языке по одному из спорных вопросов учения Будды, по которому не было согласия у буддийских авторитетов. С обсуждением этого трактата он выступал перед местными хубильгенами во время визитов к ним, чем полностью снял всякие подозрения в отношении своей миссии в Тибете. К нему стали относиться как к большому знатоку учения Будды и крупному буддийскому религиозному деятелю.

Однако, несмотря на это, английская агентура из числа непальцев первое время держала группу под плотным наблюдением, но и они через некоторое время убедились, что имеют дело с религиозным авторитетом, и прекратили слежку.

Совершив первые необходимые поклонения святым, Ульянов направился на прием к Голдану Тива-Рамбуче, который правил страной в отсутствие далай-ламы. С информационной точки зрения этот визит был исключительно важным, так как давал возможность из первых рук получить информацию об обстановке в стране.

На приеме Рамбуче рассказал, что после происшедших антианглийских выступлений населения англичане ушли из Лхасы, но он опасается, что они вновь могут вернуться. По его словам, британцы отлично понимают, что народ не сможет оказать им серьезного сопротивления и что их больше сдерживает вероятная негативная реакция других стран. Рамбуче также высказал мнение о том, что отношение населения и лам к далай-ламе не изменилось, тибетцы продолжают считать его своим духовным вождем. Он указал, что с нетерпением ждет возвращения далай-ламы, но ситуация в самом Тибете пока еще остается опасной из-за английской военной угрозы.

Группа пробыла в Лхасе три месяца. За это время Ульянов еще не однажды встречался с Рамбуче и другими высшими сановниками двора, детально изучил ситуацию не только в столице, но и в других районах страны путем бесед с прибывающими оттуда папниками и караванщиками.

Ульянов и члены группы большое внимание уделяли также изучению жизни и быта населения. Была попытка серьезно заняться изучением тибетской медицины, для чего представлялся подходящим случай, хотя и весьма огорчительный. Недели через две-три после прибытия в Лхасу урядник Шарапов ночью непонятным образом выпал из окна третьего этажа здания, где они проживали. Его в тяжелом состоянии принесли в дом и послали за местным лекарем. Врач установил несколько переломов костей ног, таза и повреждение позвоночника. Казалось, надежд на то, что Шарапов сможет двигаться, не было никаких. Однако лекарь сказал, что за два месяца поставит его на ноги. И действительно, через определенное время казак начал поправляться. Через два месяца он пол-

ностью выздоровел и был в состоянии путешествовать. Попытка же Ульянова узнать секреты тибетской медицины не увенчалась успехом. Никаких секретов лекарь ему не открыл, сказав, что они в соответствии с местными обычаями передаются по наследству одному из детей.

Завершив все дела, 15 августа группа отправилась в обратный путь. Задерживаться дольше было нельзя, так как в пути могла застать зима и возвращение могло затянуться на несколько месяцев.

В Петербург группа возвратилась 17 марта 1906 г. Доставленная информация получила высокую оценку и сыграла серьезную роль в разработке политики России по тибетскому вопросу. Во время путешествия Ульянов вел путевой журнал, куда заносились сведения о событиях, наблюдения и другая информация. Для того чтобы его не могли прочитать посторонние лица, он вел журнал на калмыцком языке.

Информация Ульянова о ситуации в Тибете вызвала особый интерес в Министерстве иностранных дел и в Военном министерстве. В это время русская дипломатия вела тонкую работу, имевшую цель остановить английскую экспансию в Тибет и создать условия для укрепления своих позиций в Китае.

В проводившихся в то время дипломатических ходах не последнее место отводилось вопросу о времени возвращения далай-ламы в Тибет. Контакт с ним поддерживался постоянно. Часто в Петербург приезжал его представитель Д.Л.Хамбо Доржиев.

В марте 1906 года после возвращения разведгруппы было принято решение о целесообразности выезда далай-ламы в Тибет или, по крайней мере, в один из монастырей в прилегающих к Тибету китайских районах. Эта информация была доведена до далай-ламы. Поскольку путешествие было длинным и небезопасным, он попросил усилить его конвой, который состоял из казаков-бурят. Согласие было дано. Однако вопрос был настолько деликатным со всех точек зрения, что просьба о конвое неоднократно обсуждалась министром иностранных дел и военным министром с самим царем. Было опасение, что китайские власти воспримут наличие большого конвоя как недоверие к ним и могут заподозрить в наличии каких-то особых планов решения тибетского вопроса.

В результате переговоров с далай-ламой удалось договориться о том, что конвой останется в обычном составе и будет его сопровождать только до границы с Тибетом.

Одновременно далай-лама поставил вопрос о направлении в Лхасу двух научных экспедиций, которые в случае необходимости могли бы укрыть его и помочь перебраться в безопасное место. Кроме того, он предлагал также разместить на территории Монголии недалеко от тибетской границы казачье подразделение из

числа бурят, одетых в обычную одежду, для связи с русскими представителями и оказания при необходимости вооруженной поддержки тибетскому духовному лидеру.

Началась подготовка к направлению в Тибет научных экспедиций. Одна должна была действовать под началом капитана Козлова, другая — под командой ротмистра Козакова.

Однако в дальнейшем от этой затеи пришлось отказаться. В российском Министерстве иностранных дел считали, что «к факту возвращения далай-ламы в Тибет все заинтересованные в делах этой страны правительства отнесутся с исключительным вниманием и поэтому никоим образом нельзя рассчитывать на то, чтобы от их бдительности могло укрыться такое обстоятельство, как нахождение в это время в Тибете иностранных, особенно русских, экспедиций. Приезд в Лхасу русских офицеров будет, без всякого сомнения, обнаружен и послужит основанием к усиленным интригам со стороны агентов других держав, ибо за названными выше лицами не будет признан научный авторитет и их участие в экспедиции лишь послужит поводом заподозрить Россию в каких-либо затаенных целях»⁸.

Ввиду этого присутствие русских представителей в свите далай-ламы должно быть сведено к минимуму. На просьбу правителя направить с ним официального представителя России был дан отрицательный ответ. Согласились только на то, чтобы включить в свиту под видом буддийского монаха одного человека — казачьего старшину из бурят Дилыхова.

Россия прилагала большие усилия к нормализации обстановки в Тибете, она вела активные переговоры с Китаем и Англией, добиваясь скорейшего восстановления в стране власти далай-ламы.

Отъезд далай-ламы состоялся в декабре 1906 года. Вначале он поселился на территории Китая в монастыре Гумбут, близ Синина, недалеко от тибетской границы, в дальнейшем переехал в Лхасу.

Хорошо скоординированные дипломатические шаги русского правительства позволили в 1907 году заключить англо-русское соглашение, по которому Англия признала Тибет частью Китая и обязалась поддерживать отношения с ним только через Китай.

Таким образом, угроза английской агрессии была снята, Китай восстановил свой контроль над Тибетом, в стране были восстановлены нормальные условия правления. Важную роль в этом деле сыграла российская внешняя разведка, которая в труднейших условиях регулярно снабжала правительство необходимой информацией.

-
- ¹ Дневник императора Николая II. — М.: «Полистар», 1991. — С.135.
- ² Der Ost Asiatische Lloyd. — 1901. — Nr.5.
- ³ Новое время. — 1900. — 17 окт.
- ⁴ Буддийский военный священнослужитель.
- ⁵ РГВИА, ф.447, д.77, с.29—30.
- ⁶ Там же, с.27.
- ⁷ Там же, с.88.
- ⁸ РГВИА, ф.2000, оп.1, д.1091, с.14.

Таинственный Токио

В 1898 году представителем российской разведки в Токио был назначен полковник Б.П.Ванновский, сын бывшего военного министра. Сначала предполагалось, что он временно заменит там генерал-майора Янжула, который просил предоставить ему шестимесячный отпуск «по семейным обстоятельствам». Но получилось так, что временное назначение Б.П.Ванновского продлилось до 1903 года. Несмотря на опыт службы в войсковых частях, окончание с отличием академии Генерального штаба, полковник вскоре почувствовал себя совершенно беспомощным в качестве военного агента в Японии и понял, почему его предшественник так стремился в Россию, хотя должность была престижной, а жалованье — высоким. Начальство в Петербурге не раз выражало неудовлетворение количеством и качеством разведывательных донесений, поступавших от Ванновского. В конце концов было принято решение заменить его.

Преемником Ванновского был назначен подполковник В.К.Самойлов. Несмотря на хладнокровие, выдержку и незаурядные способности разведчика, поначалу он тоже несколько растерялся. В донесении в Главный штаб от 24 мая 1903 г. он сообщал: «Все, что касается численного состава армии в Японии, составляет большой секрет, и достать какие-либо сведения можно только случайно. Сведения же, сообщенные мне иностранными военными агентами, хотя и разнящиеся от наших, не могут считаться достоверными»¹.

Оказавшись в Токио, В.К.Самойлов упорно пытался использовать все возможности для того, чтобы как можно более детально разобраться в обстановке на месте. По некоторым признакам он понимал, что Япония готовится к войне с Россией, сознательно занижает свой военный потенциал и данные о численности своих

войск. С первых дней своего пребывания в Токио Самойлов интуитивно чувствовал, что сложившееся у многих высокопоставленных петербургских сановников мнение о том, что Япония не внушает особых опасений, не соответствует действительности. Но это надо было доказать, добыв достоверные сведения о масштабах скрытых милитаристских приготовлений этой страны. Для этого была необходима тайная агентура, а с вербовкой агентуры по-прежнему дело не шло.

Но разведчик все-таки сумел быстро найти практически оптимальный выход в создавшейся обстановке: если не получается с вербовкой местных граждан, нужно шире, активнее использовать представителей других государств в Японии, особенно дружественно настроенных к России. В частности, тех самых «иностранцев военных агентов», о сведениях которых он писал с известной долей пессимизма в одном из первых своих донесений в Главный штаб, приведенном выше. Разумеется, эти лица не были прямыми «носителями секретов» японских госаппарата и армии, но получаемые от них отрывочные, порой противоречивые сведения давали материал для анализа, уточнения, проверки и соответствующих выводов. В конечном счете это было существенным подспорьем в разведывательной работе.

Не теряя времени, В.К.Самойлов сближается с французским военным атташе в Японии бароном Корвизаром и устанавливает с ним тесный контакт. О результатах этого сотрудничества свидетельствует такой факт: уже в июне 1903 года по ходатайству Самойлова барон Корвизар был представлен к награждению орденом Св.Станислава 2-й степени.

Во второй половине 1903 года Самойлов, теперь уже полковник, регулярно направлял информацию в Главный штаб о всех более или менее заметных изменениях, касающихся японской армии и в значительной части — военно-морского флота. Одновременно от него поступали и политические сведения, связанные с внутренним положением в стране и внешнеполитическими мероприятиями.

Информация Самойлова свидетельствовала об интенсивной подготовке Японии к войне. Чем ближе к началу войны, тем тревожнее становились сведения. 27 ноября 1903 г. Самойлов направил командованию рапорт об информации, полученной им от иностранных военных агентов. Изложенные в рапорте сведения полностью подтвердились в дальнейшем ходе боевых действий, однако российским командованием они не были приняты во внимание.

Ниже приводится выдержка из этого рапорта:

«Произведя приблизительно верный подсчет наших сил, они [военные агенты] того убеждения, что мы будем разбиты до подхо-

да подкреплений. Правда, они берут за основание несколько другие данные, а именно: флот наш считают безусловно слабее японского, высадку первых четырех дивизий предполагают в Чемульпо через две-три недели после объявления мобилизации, когда, прибавляют они, флот наш уже будет разбит; высадку следующих четырех дивизий — еще через две недели и последних двух — еще через неделю; в общем, считают, что через два месяца после объявления мобилизации на р.Ялу будет сосредоточено десять дивизий, тыл которых будет прикрываться резервными (территориальными) войсками. Они не предполагают, чтобы до решительного боя японцы послали бы на материк все двенадцать дивизий, а только десять и часть территориальных войск. Силы наши они считают в 6 дивизий (72 батальона) и полагают, что против 120 батальонов этого недостаточно»².

В дальнейшем от В.К.Самойлова поступали донесения и по более конкретным вопросам, в том числе о состоянии боеготовности каждой японской дивизии, перевооружении отдельных частей, призыве запасного состава для переобучения, о состоянии транспортных средств и их подготовке к войне, подготовке военно-медицинских учреждений, закупках военной техники за рубежом, особенно для военно-морского флота.

В конце декабря в Главном штабе на основании последних разведывательных донесений из Японии, Кореи и Китая была подготовлена записка царю о современной боевой готовности японской армии и о военных приготовлениях японцев в Корее и Северном Китае, в которой отмечалось: «Начатая с весны 1903 года самая тщательная проверка мобилизационной готовности японской армии закончена. Во всех дивизионных участках произведены были проверочные, а в некоторых учебные сборы как запасных, так и чинов рекрутского резерва. В 4-й дивизии, расположенной в Осака, были в августе вторичные в этом году учебные трехнедельные сборы для 952 запасных; такие же вторичные сборы запасных назначены были в текущем месяце в 5-й (Хиросима) и 12-й (Кокура) дивизиях.

Летом почти во всех дивизиях были пополнены неприкосновенные запасы, осмотрено оружие и приспособления для оборудования транспортов, хранящиеся в Куре, произведена опытная посадка войск на железную дорогу и на суда.

Проверенная во всех деталях мобилизация и произведенные смотры показали, что японская армия совершенно готова.

Красный Крест также подготовился на случай войны. В октябре был учебный и поверочный сбор 237 врачей Красного Креста. В Такесике на острове Цусима произведена проверка сестер милосердия Красного Креста.

На осенних больших маневрах 5-й, 10-й и 11-й дивизий (39 батальонов, 108 горных орудий, 9 эскадронов и 3 обозных баталь-

она, всего 30 тыс. человек) в войска была призвана часть запасных, так что части были в несколько усиленном составе, чем обыкновенно (в роте по 66 рядовых).

Призывавшиеся на сборы запасные были уволены во всех дивизиях, но при увольнении им было сказано, чтобы были наготове, а отпуск нижних чинов вовсе не разрешен.

Наиболее подготовлены для отправки первыми в качестве экспедиционного отряда дивизии: 12-я (Кокура), 5-я (Хиросима) и 4-я (Осака), в особенности первая из них. Штабом 2-й дивизии (Сидай) заключен подряд на постройку в случае надобности в течение суток навеса для помещения 1200 лошадей. В Удзине возведены новые помещения, предназначенные для войск в случае сосредоточения их для посадки на суда.

Токийский арсенал с весны этого года усиленно работал, летом выделялось в сутки по 450 винтовок. В Кокура прибыла значительная партия артиллерийских снарядов. На острове Цусима заготовлены значительные запасы угля и продовольствия.

По имеющимся сведениям, в настоящее время японская армия обеспечена обозом наполовину; в случае войны остальное рассчитывают пополнить на месте, что по условиям театра войны и обстановки не представляет больших затруднений.

Количество имеющихся в продовольственных складах консервов из мяса, сушеного риса, галет и прессованного чая достаточно на всю армию.

Японский флот также готов: большая часть его была сосредоточена у Сасебо, откуда флот вышел 27 декабря неизвестно куда. На днях Япония приобрела в Генуе два аргентинских броненосных крейсера, которые получат команды из Англии и придут в Японию в начале февраля³.

Эта записка была доложена царю примерно за месяц до начала войны. Из нее совершенно отчетливо было видно, что Япония в самое ближайшее время начнет военные действия. Однако каких-либо экстренных мер со стороны русского командования принято не было. Не было проведено сосредоточения прежде всего военноморского флота, не проводилась ускоренная переброска войск в районы предполагаемого театра военных действий.

3 января 1904 г. полковник Самойлов докладывал шифровкой по телеграфу: «Через три дня в 12-й дивизии призыв резервистов». 4 января: «Прекращен прием телеграмм Цусима». 5 января: «Еще 4 парохода в 20 тыс. тонн». 7 января: «По сведениям, 2 января в Куре стояло 6 транспортов, 10 ушли на запад». 11 января: «Транспорты стоят в Экосоо, Куре, Удзина и Сасебо. Много воинских грузов перевозится в Удзине. Нанимают много кули. По-видимому, в Сасебо ставят мины». 13 января: «Опасный признак: в армии сильное возбуждение, открыто говорят о близкой войне»⁴.

Судя по тому, как в дальнейшем развивались события, сведения русской разведки явно недооценивались.

В ночь на 27 января десять японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру, стоявшую без должных мер охранения на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя два броненосца и один крейсер. В тот же день шесть японских крейсеров и восемь миноносцев напали на русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец», находившиеся в корейском порту Чемульпо. В неравном бою героически сражавшийся «Варяг» получил серьезные повреждения и, чтобы не стать добычей врага, был затоплен своим экипажем, а канонерская лодка взорвана. 28 января Япония объявила войну России.

Последствия пренебрежения данными разведки оказали серьезное влияние на весь ход военных действий и привели Россию к сокрушительному поражению в этой войне.

Можно ли говорить о том, что для России сам факт войны с Японией был неожиданностью? Весьма сомнительно. Политическая ситуация на Дальнем Востоке давно предопределила неминуемость военного столкновения между двумя крупнейшими державами этого региона, постоянно соперничавшими в борьбе за приобретение новых территорий и сфер влияния. Япония стремилась к захвату Кореи и Северо-Восточного Китая (Маньчжурии). После японо-китайской войны 1894—1895 годов Токио захватил Тайвань и часть Северо-Восточного Китая — Ляодунский полуостров. Однако под давлением России, поддержанной Францией и Германией, японцы были вынуждены отказаться от этого полуострова. В 1896 году Россия получила от Китая концессию на постройку железной дороги через Маньчжурию (КВЖД), а двумя годами позже арендовала юго-западную часть Ляодунского полуострова (Квантун) с правом создания там военно-морской базы (Порт-Артур). Разумеется, японцы никак не могли смириться с такой ситуацией, тем более что в 1900 году царские войска оккупировали Маньчжурию.

Заключив в 1902 году союз с Англией, Япония стала усиленно готовиться к войне с Россией. Почти два года продолжалась эта подготовка, которую трудно было не заметить даже, как говорится, невооруженным глазом. Итак, сам факт развязывания войны едва ли оказался неожиданностью для Петербурга.

Но неожиданность все-таки была. В чем же она заключалась? И на этот вопрос можно ответить вполне определенно: в серии сокрушительных поражений царской армии, закончившихся полным крахом.

Правящие круги в Петербурге не удосужились внимательно оценить реально сложившуюся обстановку накануне войны, слишком понадеялись на собственную силу. В экономическом и воен-

ном отношении Россия была, конечно, значительно сильнее Японии. Этот неоспоримый факт и сыграл, как ни парадоксально, свою роковую роль. Он «убаюкивал» петербургских стратегов, создавал атмосферу «самозашоренности», нежелания замечать некоторые обстоятельства, каждое из которых, взятое само по себе, быть может, и не имело решающего значения в общей расстановке сил. Но игнорирование их в совокупности и привело к тому, что война с Японией и последовавшие одно за другим крупные поражения застали Россию врасплох.

К началу войны японская армия после проведенной мобилизации насчитывала 375 тысяч человек, Россия же располагала армией в 1,1 миллиона человек. Преимущество трехкратное, весьма внушительное. При этом мобилизационный запас России составлял еще 3,5 миллиона человек, а Япония за все время войны мобилизовала всего 1,2 миллиона человек. Как видим, общий вес «пушечного мяса» был однозначно в пользу России. Царские военно-морские силы и артиллерия, взятые в целом, тоже превосходили японские, и этот примитивный арифметический подсчет порождает опасную иллюзию того, что японец — слабый противник.

А теперь о некоторых отдельных особенностях сложившейся обстановки. Первая из них состояла в том, что накануне войны, в январе 1904 года, на всей огромной территории театра военных действий, от Читы до Владивостока и от Благовещенска до Порт-Артура, российская армия насчитывала всего 98 тысяч человек и 24 тысячи пограничной стражи. Эти скромные цифры, наверное, не требуют комментариев.

Вторая особенность заключалась в том, что пропускная способность Сибирской железной дороги была очень низкой и в начале войны могла обеспечить прогон лишь трех пар воинских эшелонов в сутки.

На основании каких же данных русское командование предполагало тогда, что японская армия не сможет скоро начать наступление на суше? Этот вопрос, видимо, так и останется без ответа. Известно только, что крупные армейские подкрепления из центра России пришли на Дальний Восток... через семь месяцев после начала войны. Хотя и это не спасло Россию от тяжелого поражения при Мукдене в феврале 1905 года.

Количество примеров подобных неучтенных особенностей и обстоятельств можно было бы умножить. Но и приведенных выше, наверное, достаточно, чтобы наглядно проиллюстрировать ту атмосферу тишины и самоуспокоенности, которая царила в Петербурге накануне войны.

Если бы царские власти вовремя прислушались и внимательно отнеслись к донесениям полковника В.К.Самойлова из Токио, к записке Главного штаба, подготовленной в конце декабря 1903 года

на основании разведывательных данных из Японии, Кореи и Китая, о неминуемой японской агрессии в ближайшее время, то дальнейшие события могли бы развиваться несколько по-иному. Многого, видимо, удалось бы избежать. Если бы...

Но только с началом войны в высших эшелонах российского руководства наступает запоздалое прозрение. К донесениям разведки наконец начинают прислушиваться. Уже никому не надо объяснять, что на разведке не сэкономишь, что недооценка секретной информации и отсутствие анализа поступающих данных приводят к непоправимым последствиям. Поэтому среди прочих мер срочно предпринимаются шаги по активизации всех видов разведывательной деятельности.

На театре военных действий руководство разведкой осуществляется специальным отделением управления генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии, а с октября 1904 года после разделения маньчжурских войск на три армии в каждой из них создается свое разведывательное отделение.

Разведка, судя по секретным отчетам генерал-квартирмейстерской службы штаба Главнокомандующего Маньчжурской армии⁵, делилась на три ветви: «дальнюю», действовавшую за рубежом, в глубоком тылу противника или соседних с ним странах, «ближнюю», засылавшую отдельных лазутчиков или небольшие разведывательные отряды на территорию расположения вражеских войск, и так называемую «разведку флангов», в функции которой входило решение разведывательных задач в зоне непосредственной близости к флангам армии, а также в более отдаленных районах Китая и Монголии — странах, соблюдавших в войне нейтралитет.

Расскажем подробнее, что представляли собой эти три вида разведки. С начала войны организацией дальней разведки в штабе Маньчжурской армии занимался бывший военный агент в Корее⁶ полковник Генерального штаба Нечволодов. Возможности у него были весьма ограниченные.

В конце апреля 1904 года он командировал в Японию и Корею трех тайных агентов — иностранных подданных Шаффанжона, Барбье и Мейера, которые «условным языком» сообщали получаемые ими разведывательные сведения через Европу. Путь был долгий, да и качество информации оставляло желать лучшего.

В штаб армии также поступала секретная информация от бывшего российского посланника при корейском императоре действительного статского советника Павлова, от представителя в Пекине российского Министерства финансов, члена правления Русско-китайского банка статского советника Давыдова и консульских работников в Китае — коллежского советника Лаптева и надворного советника Тидемана.

Павлов завербовал состоявшего при российской миссии в Сеуле корейца М.И.Кима с заданием «установить непрерывные секретные сношения с местными корейскими властями и с тайными корейскими агентами, которые, согласно заранее сделанному в Сеуле условию, имеют быть посылаемы к Маньчжурской границе как от корейского императора, так и от некоторых расположенных к нам влиятельных корейских сановников».

Разведывательная информация из Кореи поступала также от бывшего военного агента в этой стране подполковника Генерального штаба Потапова, имевшего широкие связи среди иностранцев в Сеуле.

В конце 1904 — начале 1905 года сотрудник разведотделения штаба Маньчжурской армии подполковник Линда установил контакт с французскими подданными Эшаром и Пларром с целью «привлечения их к дальней разведке». Линда был командирован в штаб Приамурского военного округа и Владивосток «для организации на месте тайной разведки в Северной Корее».

Член Правления Русско-китайского банка Давыдов сообщал некоторые заслуживающие внимания сведения военного характера о противнике и выполнял отдельные специальные поручения. Главным его помощником в организации разведки был служащий Русско-китайского банка Фридберг, который получал информацию от секретаря японского военного агента в Чифу (ныне Янькоу, Китай).

Давыдов также посылал китайцев-разведчиков в Маньчжурию, которым поручалось «сверх сбора сведений о противнике наносить вред в тылу неприятеля посредством поджогов его складов, порчи железных дорог», то есть выполнять задания диверсионного характера.

Давыдов, служивший до войны в Японии, продолжал и в Пекине поддерживать связь с некоторыми иностранцами, в том числе и японцами, от которых ему удавалось получать порой ценные сведения.

Бывший посланник в Корее Павлов в продолжение всей войны также доставлял представлявшие интерес сведения о противнике благодаря тем связям, которые еще ранее имел в Корее и Японии. Одним из лучших его агентов в Японии был французский подданный журналист Бале, который хорошо владел японским языком и знал положение в японской армии.

Сведения, доставляемые Павловым и Давыдовым, отличались достоверностью и, как правило, получали высокую оценку в штабе армии.

В апреле 1905 года под видом сербского корреспондента Маринковича был командирован в Японию поручик Субботич.

Однако всех этих мер было явно недостаточно, чтобы в полном объеме решать те задачи, которые были поставлены перед дальней разведкой:

- 1) получение информации о мобилизационных планах в Японии;
- 2) ход призыва лиц всех категорий запаса и новобранцев;
- 3) формирование новых резервных и боевых частей;
- 4) учет отплывающих из Японии подкреплений в Маньчжурию и в Корею, места их высадки и назначения;
- 5) политическое, экономическое и финансовое положение Японии и Кореи.

Не менее сложными оказались и вопросы организации ближней разведки, основной задачей которой являлся «сбор сведений о противнике непосредственно в районе расположения и действий его армий». Эта задача решалась следующими средствами: войсковой разведкой (захват пленных, добывание различного вида документов, предметов снаряжения, обмундирования и т.п.), тайной разведкой (направление лазутчиков, в основном китайцев и корейцев) и анализом сведений из иностранной печати.

К руководству ближней разведкой в основном привлекались лица, знакомые с местными условиями жизни в этом регионе, особенностями быта и нравов коренного населения. Среди них был генерал-майор Кондратович, служивший ранее в Маньчжурии и имевший связи среди китайцев и местных миссионеров, капитан Кузьмин, бывший инструктор корейских войск, хорошо изучивший местный язык, капитан Нечволодов, бывший помощник военного агента в Китае, генерал-майор Вогак, долгое время прослуживший на Дальнем Востоке, штабс-капитаны Афанасьев и Россов, владевшие китайским языком.

Кроме офицеров, находившихся в прямом распоряжении разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии, сведения от китайцев доставляли еще следующие лица: представитель военного комиссара Мукденской провинции в городе Ляоян штабс-капитан Пеневский, штабс-капитан Блонский, военный комиссар Мукденской провинции полковник Квединский, начальник транспортной службы армии генерал-майор Ухач-Огорович и хабаровский купец Тифонтай, китаец по национальности.

Первые сведения о японских частях с номерами полков и дивизий были получены от лазутчиков-китайцев штабс-капитана Пеневского.

Вместе с тем, по оценке генерал-квартирмейстерской службы Маньчжурской армии, разведка посредством агентуры из числа китайцев в начале кампании велась слабо по следующим причинам:

«Агенты из китайцев были исключительно временны и вовсе не заинтересованы в своем деле, да вдобавок их было весьма мало.

Вследствие постоянства успеха, сопровождавшего японское оружие, агенты-китайцы боялись предлагать нам свои услуги, тем

более что японцы расправлялись с беспощадной жестокостью со всеми китайцами и их родственниками, которых подозревали в сношениях с русскими».

Самые ценные сведения о противнике давались войсковой разведкой посредством документальных данных.

К последним относились допросы пленных, предметы снаряжения и обмундирования с номерами, нагрудными личными знаками, записные солдатские книжки, дневники с кратким изложением действий войсковой части, карты, найденные в сумках убитых офицеров с нанесенными расположениями войск, конверты от писем с обозначением точного адреса японского военнослужащего (армия, дивизия, полк, рота) и т.п. Большинство пленных при допросах давали довольно полные и достоверные сведения. Опыт показал, что «мягкостью и сердечностью к пленным, в особенности играя на их самолюбии, можно было добиться большего, чем строгостью и запугиванием».

Третьим источником получения сведений о противнике являлся анализ иностранной печати, хотя и здесь были свои трудности. Прежде всего, не хватало переводчиков, особенно с хорошим знанием письменного японского языка. Да и японцы весьма строго следили за тем, чтобы в прессу не просачивались сведения военного характера. В качестве примера приведем выдержку из газеты «Джапан таймс» от 5 июля 1905 г. К этому времени исход войны был решен, поэтому ничто уже не мешало японцам писать открыто:

«С первых же дней войны японская печать получила беспрецедентное **приказание Правительства**: хранить в тайне все, что касается организации, мобилизации и передвижения морских и сухопутных сил их родины.

Правительство предохраняло прессу от разглашения военных тайн, подчеркивая, насколько печать может вредить военным операциям, ссылаясь на примеры последней японо-китайской войны. Оно просило не оглашать никаких сведений, которые, как бы они ни были интересны для публики, могли даже одними намеками принести пользу противнику, давая ему указания о намерениях или предполагаемых движениях японцев.

Насколько честно японская печать отозвалась на призыв правительства, красноречиво доказано той непроницаемой тайной, которую были окутаны все движения кораблей адмирала Того и армии маршала Ойяма».

И, тем не менее, из японской прессы все-таки можно было черпать кое-какие сведения о противнике. К ним относились официальные донесения японских начальников (особенно в начале войны), отдельные объявления в японских газетах. Значительно больший интерес представляли корреспонденции иностранных

военных журналистов, побывавших на театре военных действий с японской стороны и напечатавших свои наблюдения без цензуры в своих странах. В этих корреспонденциях содержались порой интересные сведения о японской тактике, моральном духе японской армии, некоторых вопросах ее материально-хозяйственного обеспечения.

Разведывательное отделение штаба Главнокомандующего добывало из японских, английских и немецких газет сведения, хотя и запоздалые. Было дано указание начальнику цензурного отделения представлять генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем вырезки из всех получаемых иностранных газет, содержащие сведения о японской армии.

И, наконец, о «разведке флангов». Что же представлял собой этот своеобразный вид разведки? В отчете о деятельности разведывательного штаба Маньчжурской армии отмечалось:

«С самого начала войны придавалось большое значение нашему правому флангу, ввиду того что в штаб Маньчжурской армии поступали донесения о движении китайских войск генералов Юаньшикая и Ма к нейтральной полосе и даже в тыл нашего расположения, а истинные намерения китайского правительства нам были неизвестны. Положительных данных о том, что Китай до конца войны сохранит строгий нейтралитет, не было; наоборот, предполагали, что при удобном случае и при условии производства Японией десанта, где-либо на западном побережье Ляодунского залива, Китай станет открыто на сторону Японии».

Точных сведений о численности китайских войск генералов Юаньшикая и Ма не было, в особенности войск последнего, численность которых преувеличивалась иногда агентами-китайцами до 100 тысяч. В конце марта 1904 года в качестве датского корреспондента и купца в районы расположения войск Ма и Юаньшикая был командирован штабс-капитан Россов для выяснения на месте точной дислокации, численности, состояния и качества китайских войск.

Для этой же цели в апреле под видом русского купца был командирован есаул Уральского казачьего войска Ливкин.

В районах Монголии, где находились передовые конные части генерала Ма, коммерческому заготовителю Маньчжурской армии А.Г.Грому было поручено попутно с покупкой скота, которая им производилась в Монголии, собирать сведения о находившихся там воинских частях.

С появлением хунхузских шаек (бандформирований из числа китайцев) под начальством японских офицеров на правом фланге с целью нападения на железную дорогу было решено ввиду обширности района «разделить» его между есаулом Ливкиным и Громым; первому поручалось наблюдение за южной частью, второму — за северной.

Левый фланг армии в течение всей кампании находился под наблюдением отряда полковника Мадритова, который был по прежней своей деятельности еще в мирное время знаком с районом и имел там агентов-китайцев.

Разведку на левом фланге проводил также военный комиссар Гиринской провинции (Маньчжурия) полковник Соковнин. Сведения, доставляемые им, отличались полнотой и достоверностью благодаря тем широким связям, которые он за свое долгое пребывание на Дальнем Востоке успел установить с китайской администрацией и с представителями всех слоев местного населения.

Полковнику Соковнину была поручена вербовка китайца Хандэнгю, главаря независимой вольницы, игравшего заметную роль еще в 1900 году во время боксерского восстания в Китае. У Хандэнгю было почти 10-тысячное собственное войско. Имелись сведения, что он со своим войском может перейти на службу к японцам. Этот вопрос приобретал особо важное значение, так как Хандэнгю и его люди находились на близком расстоянии от русской армии.

Полковник Соковнин встретился с Хандэнгю и предложил ему пойти на сотрудничество, поставив следующие условия:

— его люди не должны оказывать содействия японцам и поступать к ним на службу;

— они должны вести разведку и сообщать русским все сведения о японцах; на организацию разведки будут выделены суммы по его назначению.

Хандэнгю согласился.

Кроме того, в непосредственном ведении штаба Главнокомандующего находился китайский отряд Пинтуй («все сбивающий перед собой»).

Отряд этот был сформирован добровольно на собственные средства китайским купцом Тифонтаем, желавшим «послужить на пользу русских». Во главе отряда, действовавшего на левом фланге русской армии, стоял полковник китайской службы Чжан Чженюань. Это был энергичный, опытный офицер, пользовавшийся большим авторитетом и личным влиянием среди своих сограждан. Благодаря ему в отряде соблюдалась железная дисциплина.

Другие китайские разведывательные отряды, в общем, не оправдали возлагавшихся на них надежд, и сколько-нибудь ценных сведений о противнике от них почти не поступало. Зато часто поступали жалобы от населения на так называемых милиционеров-китайцев, состоявших на русской службе, за чинимые ими грабежи и насилия, что заставило в конце концов отказаться от формирования китайских разведотрядов. К концу августа 1905 года все они были распушены.

Во время войны русское командование уделяло немалое внимание акциям, которые впоследствии получили название «активных мероприятий». Речь шла об усилении влияния России на Дальнем Востоке. Один из разделов отчета о деятельности разведотделения штаба Маньчжурской армии за 1905 год был специально посвящен этому вопросу:

**«Меры для усиления нашего влияния в Китае,
Маньчжурии и Монголии»**

Японцы, по-видимому, еще до войны, а в особенности во время последней прибегали к негласным субсидиям для привлечения на свою сторону иностранной печати на Дальнем Востоке в целях распространения своего влияния, сообщения благоприятных для них сведений и освещения текущих событий в выгодном для них виде, не говоря уже о распространении ложных слухов в целях демонстративных.

В виде противовеса было решено и с нашей стороны пользоваться иностранной печатью для поддержки русских интересов.

Еще приказанием Наместника ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, подтвержденным затем 15-го декабря 1904 г. генерал-адъютантом Куропаткиным, с 10-го сентября 1904 г. издавалась за наш счет газета «Чайна ревью» под руководством 1-го военного агента в Китае полковника Огородникова. Издание газеты обходилось в месяц около 2,500 долларов. Цель, преследуемая изданием «Чайна ревью», заключалась в том, чтобы, на основании получаемых сведений от штаба Главнокомандующего, нашего посольства в Пекине, консулов и проч., передавать события войны в правдивом виде, так как англо-японская пресса на Дальнем Востоке была всегда склонна изображать наши неудачи в преувеличенных размерах и в самых мрачных для нас красках, при этом с большим уклоном от истины.

Для упрочения нашего влияния собственно в Маньчжурии и для распространения среди местного китайского населения достоверных и нам благоприятных сведений о положении дел на театре военных действий издавалась, с разрешения Наместника, на китайском языке в г. Мукден газета «Шенцзинбао» под руководством Мукденского военного комиссара полковника Квевинского. Личный состав редакции газеты состоял из вольнонаемных китайцев, а типография была частная.

Так как газета эта, являясь единственным по всей Маньчжурии печатным органом на китайском языке, приобрела большое распространение среди местного населения, то японцы начали преследовать посредством угрожающих писем в редакцию и сотрудников-китайцев.

К газете относилось также весьма несочувственно китайское чиновничество, увидавшее в ней посягательство на права своего

абсолютно бесконтрольного влияния и давления на настроение общества и принявшее поэтому все зависящие от него меры к прекращению газеты.

Ввиду названных причин издание газеты «Шенцзинбао» в конце прошлого года было прекращено».

Следует отметить, что из опыта русско-японской войны российское руководство сделало серьезные выводы. Прежде всего были приняты меры по усовершенствованию организации агентурной разведки. Большое внимание было уделено вопросам улучшения сбора и обработки поступающей разведывательной информации. Были впервые введены структурные разграничения оперативной и информационной работы. Руководство разведкой, вербовка агентуры и контроль за ее деятельностью были возложены на «особое» (разведывательное) подразделение Главного управления Генерального штаба. Обработка и систематизация получаемой информации стали функцией специального «статистического» делопроизводства.

В 1906 году созданы разведывательные отделения при штабах всех военных округов. Сферы разведывательности распределялись следующим образом: Петербургский в.о. вел разведку в Швеции, Дании, Норвегии, Англии и Финляндии; Виленский — в Восточной Германии и Англии; Варшавский — в Германии и части Австро-Венгрии, прилегавшей к Варшавскому в.о.; Киевский — в Австро-Венгрии; Одесский — в Румынии, Балканских странах и европейской части Турции; Кавказский — в азиатской части Турции и Персии к западу от меридиана Амур — Ада; Туркестанский — в Афганистане, Индии, Западном Китае, Кашгарии, Белуджистане и восточной части Персии; Омский — в Западной Монголии и частично в Китае; Иркутский — в Восточной Монголии, Маньчжурии и Северном Китае; Приамурский — в Японии, Корее и части Маньчжурии, примыкавшей к границам округа.

Разведка велась теперь по единому плану и под общим руководством Главного управления Генерального штаба. В академии Генерального штаба был введен специальный курс обучения разведчиков, а также курсы японского языка. Для более успешного согласования работы центральных и местных органов разведки в 1908 и 1910 годах проводились специальные семинары старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов. На семинарах отработывались методологические и организационные принципы работы разведорганов. Значительно активизировалась деятельность секретной агентуры как на западном, так и на восточном направлениях. Повысились требования к проверке агентурного аппарата, количеству и качеству поступающей разведывательной информации.

¹ ЦГВИА, ф.400, оп.4, д.327, с.384.

² РГВИА, ф.451, оп.1, д.1595, с.35.

³ Там же, с.29—30.

⁴ Там же, с.39.

⁵ Здесь и далее приводятся выдержки из двух секретных документов:

а) Отчет № 1 о деятельности разведывательного отделения штаба Маньчжурской армии (с начала войны по 26 октября 1904 г.) и штаба Главнокомандующего (с 26 октября 1904 г. по 25 февраля 1905 г.);

б) Отчет № 2 о деятельности разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем с 4 марта 1905 г. по 31 августа того же года.

⁶ Корея была оккупирована японцами, и российские представители были вынуждены покинуть ее пределы.

Многоликость разведки

В конце XIX — начале XX века в практике международных связей России все более распространяется своеобразное явление: попытки самостоятельного «выхода» за границу отдельных министерств и ведомств в виде постоянных представителей или представительств, главная цель которых состояла в том, чтобы вести собственную разведку. Приведем несколько примеров.

Артур Раффалович официально являлся представителем российского Министерства финансов в Париже, на деле он был крупным дельцом, банковским воротилой и... негласным «агентом влияния», который использовал свои связи во французской прессе, чтобы добиваться крупных кредитов для России на максимально выгодных для нее условиях. Раффалович приобрел множество платных агентов из числа иностранных журналистов в Париже, которые использовались в качестве «литературных толкачей» в пользу предоставления бесперебойных займов России, а также для снятия у французов подозрений относительно безопасности их капиталов. Раффалович имел «своих людей» практически во всех крупнейших печатных изданиях Франции. Доброе расположение французской прессы к российскому представителю Министерства финансов обходилось Раффаловичу в кругленькую сумму — в 200 тысяч золотых франков ежемесячно. Россия же получала на этом миллионы. Известно, например, что свыше четверти всех французских внешних кредитов приходилось тогда на Россию.

Обширные связи Раффаловича во французской печати и среди иностранных журналистов, аккредитованных в Париже, позволяли иногда ловкому бизнесмену и финансисту вторгаться и в чисто политические дела. Министр иностранных дел России граф В.Н.Ламздорф в своих дневниках приводит дословный текст телеграммы Раффаловича в Санкт-Петербург, в которой финансовый

агент выступает с контрпропагандистскими предложениями политического характера:

«Национальное агентство распространило мнимую депешу из Рима, тревожную по содержанию и касающуюся позиции России в восточном вопросе. Не было бы полезным для успокоения публики сделать заявление относительно ориентации нашей политики? (речь идет о возможных совместных акциях Англии, Франции и России в поддержку Турции. — *Авт.*)¹.

Как бы ни оценивали потомки личные качества Артура Раффаловича, можно без преувеличения сказать, что он, бесспорно, представлял собой заметную фигуру в политической жизни страны пребывания, совмещая в одном лице и бизнесмена, и финансиста, и разведчика.

Другой пример. П.И.Рачковский руководил во Франции агентурой царского департамента полиции. У Рачковского была хорошо организованная и многочисленная «команда» агентов, которые выполняли в основном роль платных помощников царской охраны. В материалах «темной комнаты» российского посольства в Париже, хранящихся сегодня в институте «Войны и мира» в Пало-Альто, Калифорния, рассказывается, например, что только за русским террористом Борисом Савинковым вело наблюдение во Франции около 100 платных агентов! Этому вполне можно поверить, если просмотреть десятки тайных фотоснимков, сделанных разными лицами, о пребывании и конспиративных встречах на французской территории этого опаснейшего врага царского самодержавия. Даже слежка за В.И.Лениным была значительно менее интенсивной, хотя некоторые его письма, написанные специальными чернилами, так никогда и не дошли до России, а расшифрованные охранкой до сих пор лежат в хранилище института «Войны и мира».

Рачковский появился во французской столице в середине 80-х годов прошлого века. Он приложил много сил, чтобы добиться видного положения в высшем парижском обществе. По мнению французской контрразведки, Рачковский стал самым влиятельным профессиональным разведчиком во Франции за всю историю царской России. Его светская жизнь была весьма разнообразна. Утром его можно было видеть на парижской фондовой бирже, днем он встречался за завтраком с редакторами ведущих парижских газет и журналов, вечером давал роскошные приемы на собственной вилле в Сен-Клу. Рачковский был близко знаком со многими видными деятелями французской контрразведки, министрами, президентами страны. Одна из французских газет писала об этой незаурядной личности:

«Если вы встретите его в обществе, вы никогда ничего не заподозрите, поскольку ничего в его внешности не выдает его злове-

щей миссии. Полный, неугомонный, с не сходящей с лица улыбкой... он выглядит добродушным веселым парнем — душой общества. У него есть одна большая слабость — он без ума от наших крохотных парижанок. Но на самом деле он самый искусный из агентов, работающих во всех десяти столицах Европы».

Возможно, «крохотные парижанки» и занимали у Рачковского какую-то часть его души. Но это было не самым главным. Он был опытным разведчиком и оказывал своей стране неоценимые услуги в плане укрепления русско-французских отношений. Французы доверяли Рачковскому и пользовались его услугами. Не случайно организация визита министра иностранных дел Франции Теофила Делькассе в Петербург была доверена Рачковскому, а не французскому послу в России маркизу де Монтебелло. Аналогичная ситуация возникла и с тогдашним президентом Франции Лубэ. Вот что писал в своем дневнике по этому поводу премьер России граф Сергей Юльевич Витте:

«Президент Французской Республики Лубэ говорил мне, что он так доверяет полицейскому таланту и таланту организатора Рачковского, что когда ему пришлось ехать в Лион, где, как ему заранее угрожали, на него будет сделано нападение, то он доверил охрану своей личности Рачковскому и его агентам, веря больше полицейским способностям Рачковского, нежели поставленной около президента французской охране»².

Агентура Рачковского действовала не только во Франции, но и в Великобритании, Германии, а с 1912 года и в Италии. В Швейцарии, центре российской политической эмиграции, агентура имела на своем содержании трех женевских полицейских, которые черпали секретную информацию для Рачковского прямо из полицейских досье и строго следили за правильностью изложения разведывательных данных, добываемых для правительства Швейцарии и передаваемых России.

П.И.Рачковский был человеком больших организаторских и творческих дарований. Именно это, последнее, присущее ему качество позволило после возвращения в Россию создать при Министерстве внутренних дел специальный секретный отдел для получения доступа к архивам и шифрам иностранных посольств и миссий, аккредитованных при царском дворе. Рачковский возглавил лично операцию по добыванию английских дипломатических шифров, используя для этого содействие начальника канцелярии посольства Великобритании в Санкт-Петербурге. В феврале 1906 года секретарь посольства Спринг Райс телеграфировал в Лондон о том, что в течение некоторого времени из посольства исчезают бумаги и что курьер и другие лица, связанные с посольством, на самом деле являются платными агентами охраны. «Несмотря на то, — жаловался Спринг Райс, — что в посольстве

был установлен новый сейф, а в архивные шкафы врезаны новые замки, секретные материалы продолжали "тайнственным образом" исчезать»³. Как полагал господин Райс, это было делом рук подкупленного сотрудника посольства, который, сделав восковые отпечатки с замков архивных шкафов, получил дубликаты ключей из рук людей П.И.Рачковского. Надо сказать, что подозрения Спринга Райса имели под собой достаточно веские основания. Равно как и в отношении дипломатических шифров, поскольку Россия в те годы была практически единственной страной, где «специалисты» Рачковского постоянно добивались заметных успехов в дешифровке секретных телеграмм, которые влияли на принятие ответственных внешнеполитических решений.

Среди закордонных представителей царских спецслужб было немало лиц сомнительного толка — авантюристов, состоявших на агентурной службе отдельных российских ведомств. В этом отношении характерно дело некоего Манасевича-Мануйлова — «чиновника особых поручений» при российском министре иностранных дел, направленного в Париж для выполнения спецзаданий. В мае 1895 года И.Ф.Манасевич-Мануйлов появляется в Париже в качестве корреспондента газеты «Новости», знакомится со служащим парижской префектуры и рекомендует себя как «представителя» российского МВД, посланного для негласной проверки деятельности заграничной агентуры, которой в Петербурге якобы «недовольны». Демонстрируя свою осведомленность об агентуре и ее тогдашнем шефе Рачковском, Мануйлов выложил собеседнику массу «интригующих» сведений и предложил, разумеется за солидное вознаграждение, помочь французским спецслужбам «разоблачить» Рачковского.

Но получилось так, что об этой интриге узнал сам Рачковский и вызвал Мануйлова для выяснения отношений. Тот, почуввав опасность, решил «загладить вину» чистосердечным признанием. Как выяснилось, он действовал не самостоятельно, а по наущению тогдашнего начальника Петербургского охранного отделения полковника Секеринского и прочих, по выражению Рачковского, «охраненских тунеядцев»⁴. Очевидно, Секеринский был с Рачковским не в ладах и строил против него козни. А Мануйлов уже в течение ряда лет оказывал Секеринскому «агентурные услуги».

После беседы с Рачковским Мануйлов бежит из Парижа, но «выплывает» в Риме в качестве... сотрудника российского представительства при Ватикане. На сей раз в его секретные обязанности входит слежка за кардиналом Ледоховским, по отзыву департамента полиции — «главным руководителем антирусской агитации среди католического духовенства». В 1901 году «деятельность» Мануйлова в Ватикане закончилась скандальным разоблачением, но он остается в Риме для «наблюдения» за здешними «русскими

революционными группами». В 1902 году Плеве снова отправляет его в Париж с тайным заданием «установить ближайшие сношения с иностранными журналистами и представителями парижской прессы в целях прогидействия распространению в сей прессе ложных сообщений о России». С 1903 года аналогичное задание он выполняет и в Риме.

Уже к этому времени Мануйлов считался в полиции личностью весьма нечистойлотной, «человеком удивительно-покладистой совести», способным на мошенничество, подлог и финансовые махинации. И, тем не менее, с началом русско-японской войны он получает от своего руководства задание: сбор разведывательной информации о западноевропейских представительствах Японии и ряда дружественных ей государств. Мануйлов сообщает начальству, что якобы «внедрил агентуру» в посольства Японии в Париже, Гааге и Лондоне, в американскую миссию в Брюсселе, итальянскую — в Париже. Не слишком ли много? Существовала ли эта агентура на самом деле? Весьма сомнительно. Эти вопросы остались на «покладистой совести» Мануйлова.

За свои мнимые заслуги он получает орден Св.Владимира и продолжает развивать поистине фантастическую активность, последним «шедевром» которой явилась, если верить ему, добычка японского дипломатического шифра, и он приобрел возможность «осведомляться таким образом о содержании всех японских дипломатических сношений». «Этим путем, — отмечалось в документах российского МВД, — были получены указания на замысел Японии причинить повреждения судам второй эскадры на пути следования на Восток»⁵.

Речь шла о 2-й Тихоокеанской эскадре адмирала З.П.Рожественского, которая в скором времени должна была направиться из Кронштадта на Дальний Восток, в зону боевых действий. Из МВД без должной проверки информация (или дезинформация?) Мануйлова поступила в Генштаб. И вот к чему это привело. Генштаб, поверив коллегам из МВД, поспешил на всякий случай насторожить адмирала.

Сразу же по выходе из Кронштадта адмирал потребовал от офицеров чрезвычайной бдительности, сославшись на опасность внезапного нападения японских военных кораблей в любой точке маршрута. О дальнейшем свидетельствует тогдашний посланник в Дании, а позднее министр иностранных дел России А.П.Извольский:

«В ночь на 21 октября 1904 года, когда флот адмирала Рожественского, направляясь на Дальний Восток, проходил Северное море, произошел серьезный инцидент в районе Доггер-банка. Повстречавшись с флотилией гульских рыбаков и предполагая, что он окружен японскими кораблями, о пребывании которых в этих

водах было сообщено русским бюро информации, адмирал приказал открыть огонь. Один из английских траллеров [траулеров] затонул, и несколько других получили серьезные повреждения. Один из русских крейсеров — «Аврора» — тоже пострадал. Адмирал Рожественский, несомненно, узнал на следующее утро о своей ошибке, но, тем не менее, продолжал без остановки свой путь и настаивал на версии о японской атаке. Этот инцидент вызвал громадное негодование в Англии и едва не повлек за собой разрыв с Россией. Будучи в то время посланником в Копенгагене, я, естественно, первым получил известие о том, что в действительности произошло в Северном море. Несколькими днями раньше я имел случай посетить флот во время его прохода через Большой Бельт и мог видеть, в каком нервно-приподнятом состоянии находились адмирал и многие из его офицеров, чтобы понять, какое впечатление должно было произвести на них известие о появлении японских военных кораблей в европейских водах»⁶.

Какой-либо реальной угрозы эскадре Рожественского со стороны японцев в европейских водах, конечно, не было и быть не могло. «Информация» Мануйлова, по всей видимости, представляла собой его собственную выдумку или ловко подsunутую ему дезинформацию противника, которая чуть не привела к разрыву дипломатических отношений с Великобританией, что могло бы значительно осложнить и без того незавидное положение России в тот период.

Дальнейшая карьера Мануйлова проходила весьма скоротечно. В 1905 году он буквально заваливает своих шефов огромным количеством «документов», оказавшихся... «склеенными обрывками бумаг на японском языке, лишенными всякого значения». Последней точкой в его карьере стали присланные им из Парижа фотографии страниц китайского словаря, означенные в описи как «секретные документы».

Случай с Мануйловым не единичен. Попадались авантюристы и среди агентуры внешней разведки Генерального штаба. Из них наиболее колоритной фигурой, пожалуй, являлся некий Гидис, агент-двойник, работавший одновременно на российскую и японскую разведки.

Хосе Мария Гидис (он же Гайдес, он же Иосиф Геддес) — португалец по происхождению, английскоподданный, сын владельца газеты «Шанхай дейли пресс», по профессии коммивояжер. В апреле 1904 года, являясь агентом японской разведки, он предложил свои услуги русскому военному атташе в Тяньцзине полковнику Ф.Е.Огородникову, а затем консулу в Тяньцзине коллежскому советнику Н.Лаптеву, который, как и Огородников, занимался разведывательной работой. С самого начала Гидис находился на подозрении у русских разведчиков, но, тем не менее, его услугами

пользовались, и подчас от него поступала заслуживающая внимания информация.

У японцев Гидис тоже был на подозрении. В мае 1904 года они арестовали его как русского шпиона, выпороли хлыстом и приговорили к расстрелу. Однако позднее за недостатком улик освободили.

21 мая 1904 г. полковник Ф.Е.Огородников сообщал шифртелеграммой генерал-квартирмейстеру штаба Маньчжурской армии генерал-майору В.И.Харкевичу следующее: «...я вынудил агента Гидиса к усиленной работе. Понесенное им от японцев наказание подтверждается, но благодаря упорству Гидиса японцы, по-видимому, ему поверили. С другой стороны, Гидис озлоблен на них за жестокость и скупость»⁷.

Некоторое время двойник работал на тех и других. Контроль за ним со стороны русских разведчиков не снижался, и в декабре 1904 года, разобравшись в нем, они пришли к выводу о необходимости его ареста. Гидис пробыл в заключении до конца войны. В данном случае в вопросах проверки агентуры представители военного ведомства имперской внешней разведки проявили более высокую бдительность, оперативность и профессионализм, чем их коллеги из Министерства внутренних дел в случае с Мануйловым.

¹ Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. — М.: «Международные отношения», 1991. — С.305.

² Избранные воспоминания С.Ю. Витте. — М.: «Мысль», 1991. — С. 379.

³ Звонарев К.К. Агентурная разведка. — Изд. Генштаба РККА, 1929.

⁴ См. ЦГАОР, ф.102, ДП 00, 1904 г., д.102, с.5, 7.

⁵ Там же, с.10.

⁶ Извольский А.П. Воспоминания. — М.: «Международные отношения», 1989. — С.29.

⁷ ЦГВИА, ф.ВУА, оп.6, д.7, с.276.

Два взгляда на полковника Редля

Об Альфреде Редле — одном из руководителей австро-венгерской военной разведки начала XX века — написано очень много. Его личная жизнь, многие эпизоды которой до сих пор прикрыты непроницаемой завесой тайны, легла в основу сюжетов ряда художественных фильмов и литературных сочинений детективного жанра. Редля часто обвиняют в том, что он был не в ладах с принципами морали и кодексом офицерской чести, его имя приводят как пример продажности и изменнической низости. По оценкам многих специалистов, полковник Редль являлся «самым важным агентом иностранной державы из всех шпионов, действовавших в Европе накануне первой мировой войны». Что же известно об этом человеке?

Альфред Редль, сын небогатого железнодорожного служащего, с детства отличался разносторонними способностями, особенно к изучению иностранных языков. Городок, где жила семья Редля, находился поблизости от границы Австро-Венгерской империи с Россией, и поэтому ежедневное общение с людьми разных национальностей было для юного Редля делом вполне естественным и обыденным. Мальчик буквально на ходу ловил и запоминал незнакомую ему речь многих своих земляков, среди которых были австрийцы, немцы, поляки, украинцы. Когда Альфреду исполнилось 15 лет, родители устроили сына в кадетскую школу, которую он блестяще окончил в числе самых достойных и перспективных ее выпускников. Талант в изучении иностранных языков, большое прилежание и усердие молодого лейтенанта привлекли к нему внимание кадровиков австро-венгерского Генерального штаба, и Альфред Редль вместо службы в одной из провинциальных воинских частей, что было обычной практикой, попадает сразу в штат этого главного армейского ведомства страны. Начало военной карьеры поистине впечатляющее.

В 1900 году Альфреда Редля, получившего к этому времени уже чин капитана, командируют в Россию для изучения русского языка и обстановки в этой «недружественной Австро-Венгерской монархии» стране. Несколько месяцев он проводит на стажировке в военном училище в Казани. В свободное от занятий время Редль не скучает. Он ведет беззаботный образ жизни, посещая многочисленные офицерские вечеринки, которые организуют в его честь местные военные и гражданские «прожигатели жизни».

Редлю в те дни было совсем невдомек, что за его поведением и образом жизни внимательно наблюдают его российские коллеги, изучают его сильные и слабые стороны, увлечения, особенности характера. Позднее эти «наблюдения» легли в основу характеристики, которую дали ему российские негласные осведомители для использования в качестве аргументов в процессе возможной вербовки А.Редля в интересах Российской империи.

«Человек он лукавый, замкнутый в себе, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума — мелочный, — говорилось в характеристике. — Вся наружность слащавая. Речь сладкая, мягкая, угодливая. Движения рассчитанные, медленные. Любит повеселиться...»

Такого рода информацию получил после возвращения А.Редля в Вену руководитель российской военной разведки в Варшаве полковник Батюшин. Дело в том, что именно с территории Варшавского военного округа осуществлялась в те дни организация разведывательной работы по Австро-Венгрии. Батюшину было рекомендовано «продолжить изучение для привлечения к тайному сотрудничеству капитана Редля», который к тому времени прочно закрепился в русском отделе австро-венгерской военной разведки.

Полковник Батюшин успешно выполнил данное ему поручение. Он направил в Вену одного из своих лучших специалистов по вербовке агентуры, снабдив самыми подробными сведениями о личности и особенностях характера Альфреда Редля, большой суммой денег в австрийской валюте, а также подробной инструкцией по зашифровке (в случае успеха вербовки) важного информационного источника.

Альфред Редль довольно легко согласился на тайное сотрудничество с российской внешней разведкой. В беседе с вербовщиком он сказал, что готов помогать России из личных симпатий к россиянам, среди которых у него «осталось в Казани много прекрасных и душевных друзей».

«К тому же, — пояснил Редль, — мне очень не хотелось бы, чтобы между нашими странами разгорелся огонь войны. Уж очень много жизней может поглотить это страшное пожарище».

Справедливости ради следует сказать, что и сумма, переданная Редлю при первой встрече, не могла не произвести на него весьма

сильного впечатления: она в десять раз превышала годовой должностной оклад молодого генштабиста.

Сразу же была оговорена легенда получения крупной суммы Альфредом Редлем и способы ее естественной реализации в оперативном плане. К этому моменту, как нельзя кстати, пришло извещение о кончине одинокой дальней родственницы А.Редля, и он — не без помощи русского вербовщика — сразу был объявлен счастливым «наследником» внушительного состояния.

Вскоре Альфред Редль приобретает репутацию любителя «сладкой жизни», беспечного повесы и мота. Понятно, что все расходы мнимого наследника оплачивались из российской казны.

Такой «образ жизни» повесы давал Редлю большие возможности для заведения полезных контактов и знакомств в высших слоях тогдашнего венского общества. Он приглашал к себе «на мальчишники» многих высокопоставленных офицеров, которые за бокалом вина нередко выбалтывали Редлю ценную информацию о мобилизационной готовности австро-венгерской армии и новых типах ее вооружений. Одним из таких «подысточников» Редля был офицер гвардии Хоринка. Он регулярно снабжал своего «беспутного» богатого друга секретными материалами, за которые тот щедро платил и даже обещал подарить гвардейцу роскошный автомобиль «Даймлер».

Руководя работой, полковник Батюшин ни на минуту не забывал о необходимости укрепления служебного положения Альфреда Редля в Генштабе. Он предложил назвать Редлю несколько имен малоценных и подозреваемых в двурушничестве агентов из числа местных граждан, о которых тот мог бы смело доложить своему начальству, представив дело так, что поимка «шпионов» была делом рук и гибкого ума лично его — Альфреда Редля.

Результаты такой не столь уж изощренной оперативной хитрости не замедлили сказаться на служебной карьере А.Редля. Он чаще других своих коллег из военной разведки и контрразведки стал фигурировать в докладных записках и наградных представлениях начальника Генерального штаба. В 1907 году, получив внеочередное звание полковника, Альфред Редль становится вторым человеком в аппарате австро-венгерской военной разведки и контрразведки.

Почти во всех произведениях, рассказывающих о полковнике Редле, берется за основу сюжета заключительная, вернее, разоблачительная часть его биографии: Редль — развратник, Редль — повеса, Редль — самоубийца. Такова традиционно принятая схема повествования. Этот устоявшийся десятилетиями негативный стереотип был создан в свое время шефом немецкой военной разведки полковником Николаи. Еще в 1923 году он первым дал «психологический портрет» А.Редля в своей книге «Тайные силы», попытавшись свести на нет деятельность Редля как разведчика.

Существуют и другие мнения о деятельности А.Редля. По свидетельству, например, первого советского военного историка К.К.Звонарева, автора выпущенной в 1929 году книги «Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914—1918 годов», Редль был весьма обстоятельным человеком. Он давал сведения три-четыре раза в год, но зато вполне исчерпывающие и по всем интересующим русский Генеральный штаб вопросам.

Что же фактически передал Редль российскому Генштабу? Известный специалист в области тайных операций в годы первой мировой войны англичанин Эдвин Вудхол свидетельствует: «Полковник Редль выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования и т.д.»¹.

Среди наиболее ценных для России материалов, считает Э.Вудхол, были австро-венгерские мобилизационные планы против России и Сербии. Они содержали полный комплекс всех возможных операций против сербов. По свидетельству того же Э.Вудхола, в них «были указаны все подробности, вплоть до последнего человека и до последней пушки: способ передвижения необходимых сил, расположение одних единиц, мобилизация других; в каких пунктах произойдет атака на Сербию и т.д. Все это было подробно изложено в таблицах, схемах, чертежах, картах». Как утверждает Э.Вудхол, это был «шедевр Генерального штаба австро-венгерской армии». Искусное использование полученной информации помогло тому, что, к изумлению всего мира, малочисленная сербская армия трижды успешно отражала нападения австро-венгерских войск и наносила по ним тяжелые удары.

Большое значение имело также сокрытие А.Редлем от своего Генерального штаба секретных сведений, которые поступали в Вену от австро-венгерских тайных агентов непосредственно из России. Причем делал это А.Редль по собственной инициативе, сообразуясь с личными представлениями о масштабе ущерба для русских от той или иной сокрытой им тайны. Редль сам никогда не назначал гонорар за оказываемые им услуги, ему платили достаточно щедро. Например, за выдачу российскому Генштабу имени предателя, который начал продавать Австро-Венгрии и Германии секретные документы российской армии, полковнику Редлю было «пожаловано» без каких-либо просьб с его стороны около 4 тысяч английских фунтов стерлингов, что по тем временам составляло весьма солидную сумму².

Если историки военной разведки всегда расходились во мнениях относительно личных качеств полковника Редля и степени полезности его документальной информации для российского Ге-

нерального штаба, то все специалисты, не подвергая сомнениям, единодушно приняли на веру историю «случайного провала» австрийского полковника, изложенную его начальником — руководителем разведбюро австрийского Генштаба Урбанским.

Сюжет этой истории был составлен весьма увлекательно. Дело началось с письма, которое якобы пришло на главный венский почтамт «до востребования» на имя некоего господина Никона Ницетаса. Форма конверта и написание адреса привлекли внимание сотрудников почтамта своей «необычностью» и, подождав положенное время, они решили вскрыть подозрительную корреспонденцию. Каково же было удивление почтовых чиновников, когда в конверте с маленькой записочкой они обнаружили 7 тысяч крон! Записка гласила: «Глубокоуважаемый г.Ницетас. Конечно, Вы уже получили мое письмо от с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г.Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискну послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы. Уважающий Вас И.Дитрих.

P.S. Еще раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборгате, № 1, Эльзе Кьернли».

Содержание письма было немедленно доложено австрийской полиции, и работникам почтамта было предложено «дать знать» властям об адресате, который должен получить это послание. Но, увы, господин Ницетас не появлялся в поле зрения почтовиков; письмо лежало невостребованным и, более того, к нему прибавились еще две новые корреспонденции в адрес таинственного лица.

В один из майских дней 1913 года элегантно одетый джентльмен, предъявив соответствующие документы на имя Ницетаса, получил свою корреспонденцию и покинул главный венский почтамт на первом попавшемся такси. Бросившиеся за ним предупрежденные администрацией почтамта сыщики чуть-чуть задержались и увидели лишь «хвост» уезжающего такси. Однако они запомнили номер машины и стали разыскивать таксиста, чтобы обстоятельно допросить его. Поиск увенчался успехом, и таксист рассказал, что отвез интересующего полицию господина в кафе «Кайзергоф». Одновременно он передал преследователям «Ницетаса» кожаный чехол от перочинного ножа, который, как сказал шофер, «возможно, принадлежал разыскиваемому господину».

В кафе «Кайзергоф» венских сыщиков ожидало разочарование. «Господин в штатском» уже позавтракал и на другом такси уехал в неизвестном направлении. Куда? Где его искать? «В гостинице "Кломзер"», — заявил один из служащих «Кайзергофа», случайно слышавший разговор пассажира с таксистом.

Полицейские бросились в «Кломзер».

— Не вспомните ли вы, кто из ваших постояльцев полчаса назад приехал на такси в ваш отель? — спросили преследователи портье.

— Как же, как же, прекрасно помню. Это полковник Редль, начальник штаба Пражского корпуса. Да вот и он сам, — воскликнул гостиничный портье, указывая на спускавшегося по лестнице к выходу солидного господина.

Сыщик бросился к постояльцу:

— Простите, герр, не вы ли обронили этот чехол для перочинного ножика? Он ваш?

— Да, благодарю вас, он мой...

Этой самоубийственной короткой фразой Редль как бы подписал свой смертный приговор.

Долгих десять лет полковник Редль самоотверженно сотрудничал с российской внешней разведкой, пока роковая пуля, выпущенная собственной рукой или — как знать? — одним из его сослуживцев, не прервала его в высшей степени полезную для России агентурную деятельность. В венских газетах в разделе «Происшествия» было опубликовано лишь краткое стереотипное сообщение: «Полковник Генерального штаба Редль покончил с собой в припадке душевного расстройства. В последнее время он страдал бессонницей. Это был талантливый офицер, которого ожидало большое будущее». И все.

А через год началась первая мировая война. Началась для австро-венгерской армии крайне неудачно, и она потерпела ряд сокрушительных поражений. Чтобы как-то объяснить эти провалы, венские власти, по-видимому, сочли необходимым снова вспомнить о полковнике Редле. Вспомнить для того, чтобы «списать» свои неудачи на «самоубийцу».

¹ Вудхол Э. История полковника Редля и других. — М.: Издательство политической литературы, 1991. — С.137.

² Там же. — С.138.

Российская разведка в 1914—1917 годах

Подготовка к первой мировой войне (1914—1918 гг.) шла заблаговременно. В 1882 году оформился Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, который обновлялся пять раз, вплоть до 1912 года. Параллельно складывалась Антанта — коалиция Франции, Англии и России. В основе противоборства были схватки за колонии, рынки, сферы мирового влияния. К трагическому исходу ситуация продвигалась через отдельные кризисы (Северная Африка, Балканы), пока выстрелы в Сараево и убийство эрцгерцога Фердинанда не дали повода к объявлению войны. Италия, правда, к этому времени покинула Тройственный союз, а затем примкнула к Антанте. Так или иначе, конфликт охватил не только Европу, но и Азию (Япония, Турция), а на последнем этапе и США. Всего в войну были вовлечены 38 стран.

Русско-германский фронт был одним из основных. Здесь в 1915 году находились 107 из 268 дивизий германского блока. Германия готовилась к войне особенно тщательно. В разведывательной деятельности против России ей помогала Австро-Венгрия. Для этого обе страны располагали благоприятными возможностями. Много лиц немецкого происхождения находилось на русской, в том числе военной, службе, были близки к царскому двору, связанному родственными узами с германской монархией. Почти все предприятия электротехнической промышленности, химические, многие металлургические заводы принадлежали немецким фирмам. Германский капитал имел позиции также на железнодорожном и водном транспорте.

Основная сеть германской разведки была развернута в Польше, Литве, Петербургском военном округе. Руководство ею осуществлялось из германского и австрийского посольств столицы.

Это учитывала российская разведка и не оставалась в бездействии.

В канун войны в российской разведке были проведены существенные преобразования. Из состава Главного штаба — высшего органа военного управления России — было выделено Главное управление (ГУ) Генерального штаба (ГШ), в котором было сосредоточено руководство военной разведкой. В тот период именно она была основной формой разведывательной деятельности Российской империи. Конкретно же руководил разведкой с 1910 года отдел генерал-квартирмейстера (ОГЕНКВАР) Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ), ответственного за организацию самостоятельной разведки стратегического характера в сопредельных с Россией странах, равно как и за руководство разведывательной деятельностью окружных штабов.

Эти реформы, как и поставленные задачи, были закреплены в соответствующих документах военного ведомства России. При этом в разведке было ясное понимание того, что решение этих задач в канун неизбежной войны было возможно лишь в результате создания в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной обеспечивать получение необходимой информации по ключевым проблемам.

К началу первой мировой войны ОГЕНКВАР ГУ ГШ располагал некоторыми агентурными возможностями как в Германии и Австро-Венгрии, так и на Востоке (Китай, Корея, Монголия). Вместе с тем приобретение источников осуществлялось главным образом путем работы с доброжелателями, предлагавшими свои услуги. Штабы военных округов располагали своими источниками.

Связь источников с Центром осуществлялась путем переписки на условные адреса в закодированном виде.

В канун войны русская военная разведка добыла ряд важных документов мобилизационного и стратегического характера, в том числе по Германии (мобилизационный план, сведения о развертывании полевых и резервных войск, данные об укреплениях стратегически важных крепостей Бреслау, Торна и др.). Важные документы были получены через известного читателям полковника А.Редля. Разведка получала секретные материалы по Австро-Венгрии и по другим каналам. Но в то же время всесторонне и глубоко, в комплексе, вооруженные силы потенциального противника не изучались. Такое положение имело тяжелые последствия в ходе первых боевых действий.

К началу войны разведка не смогла полностью решить стоявшие перед ней задачи. Прежде всего, не была создана широкая, прочно законспирированная агентурная сеть в Европе, которая была бы в состоянии постоянно передавать упреждающую надежную информацию и бесперебойно работать в период войны.

Пожалуй, одним из наиболее существенных недостатков в работе русской разведки в канун войны были беспечность и пренебрежение конспирацией. Так, вновь приобретенных источников фотографировали для их личных дел в обычных фотоателье. Немцы, получив об этом информацию, принимали контрмеры к выявлению засылаемых в Германию сотрудников. Контрразведка действовала недостаточно эффективно. Жандармский корпус главные усилия направлял на борьбу с «внутренним врагом», в то время как вражеская агентура, по сути дела, беспрепятственно работала в районе предстоящих боевых действий.

Хотя многие разведывательные данные поступали своевременно, но изучались они далеко не достаточно в силу слабой постановки информационно-аналитической работы. Нередко из верных данных делались ложные выводы.

В канун войны деятельность русской разведки была неоправданно сужена — преимущественное внимание уделялось в основном изучению будущей прифронтовой полосы, в то время как стратегический тыл потенциального противника был оставлен без должного внимания.

Свою роль сыграл и недостаток средств, отпущавшихся на организацию разведывательной работы.

Война внесла коррективы, но не все они давали нужный эффект. В действующую армию была переведена значительная часть офицеров ОГЕНКВАРа, что усилило разведку штаба Верховного главнокомандующего и штабов фронтов. Однако это обстоятельство, равно как и активизация контрразведки противника, привело к утрате части источников ОГЕНКВАРа в Восточной Пруссии, например, после отхода русских войск и потери связи между источниками и руководителями агентура самоликвидировалась.

Главной задачей русской разведки стало вскрытие военных планов противника, выявление группировок его войск и направление главного удара.

Русские разведчики, действовавшие в Европе в условиях ограниченного времени, отводимого для решения поставленных задач, подчас были вынуждены прибегать к крайне неординарным методам для их решения. Один из представителей разведки в Италии, получивший задание в течение нескольких дней установить направление движения группы центральных немецких корпусов и не имевший для этого надежных источников, успел подобрать нескольких людей, которые были готовы выполнить разъясненные им задачи, и направил их в Германию по обусловленным маршрутам. В результате было установлено, что германские корпуса перебрасываются на Западный фронт для действий против Франции¹. Однако далеко не все подобные экспромты, обусловленные утратой или ослаблением с началом войны оперативных возможнос-

тей, были удачны, и ряд важных перебросок немецких корпусов не был своевременно выявлен.

Но у разведки России были и успешные операции, связанные с получением важных политических сведений. В 1916 году она сумела выйти на высокие политические круги в Ватикане и Испании, располагавшие информацией стратегического характера о Германии и Австро-Венгрии. Разведка располагала источниками документальной информации в главной штаб-квартире Австро-Венгрии, в германском генеральном штабе, в штабах и корпусных округах Германии. Русская разведка сумела найти надежные подходы к французскому телеграфному агентству «Гавас» и опубликовала с его помощью ряд дезинформационных материалов.

В целом же в годы войны русские разведчики не отказывались ни от одной возможности, дававшей надежду на получение сведений о противнике. Вместе с тем бессистемность в использовании этих сведений существенно затрудняла работу по важнейшим проблемам, требовавшим быстрого и глубокого освещения.

Ставка, которая должна была быть центральным органом, направляющим всю разведку, не справилась с этой задачей. В результате разведывательная деятельность не была достаточным образом организована; зоны этой деятельности между штабами фронтов и армий не были строго разграничены, что в ряде случаев приводило к излишней, не скоординированной активности различных подразделений в одних и тех же районах, а отсюда — к нередким провалам. Поспешность в формировании агентурной сети нередко влекла за собой ее засорение случайными людьми и провокаторами, что служило причиной провалов в работе.

В ходе войны организация разведки поэтому совершенствовалась с учетом приобретаемого опыта. К началу 1917 года агентурная сеть военной разведки уже более четко разделялась по подготовке в зависимости от выполнения задач. Каждый делал свое дело, что повышало отдачу и усиливало конспирацию. Сведения направлялись по почте, телеграфу с применением шифров, кодов, симпатических чернил. Широко использовались «почтовые ящики», то есть вспомогательная агентура, в задачи которой входила только доставка уже полученных разведывательных донесений.

Работа разведки по мере накопления опыта в ходе войны все более и более приобретала свой привычный нам современный облик. Появились вспомогательные линии разведки: система связи резидента с источниками, оперативная фотография. Стали все шире применяться технические средства.

Большей целенаправленности работы разведки содействовала и координация усилий союзников по Антанте. В сентябре 1915 года представители Антанты договорились об образовании координирующего органа — Межсоюзнического бюро, в задачу

которого входило объединять получаемые по различным каналам сведения о противнике, с тем чтобы они становились достоянием всех союзников. К концу 1915 года в Межсоюзническое бюро входили уже миссии Франции, России, Великобритании, Италии, Бельгии и Сербии.

Однако координация деятельности звеньев разведки реализовывалась медленно, с трудом. Проекты, подготовленные к концу 1916 года в Главном управлении Генерального штаба, фактически не были осуществлены. Несмотря на то что в системе ГУ ГШ был образован центральный аппарат разведки, она на деле продолжала действовать, как и прежде, оставаясь преимущественно в ведении Ставки и штабов фронтов.

К концу войны все еще так и не было центра, объединяющего различные виды разведки. Сбором информации занимались военные, дипломатические, промышленные, финансовые, торговые и другие ведомства. Ни в одном из генеральных штабов стран Антанты даже к окончанию войны не было четко сформулировано само понятие «стратегическая разведка», не был определен комплекс военных, политических и экономических проблем, подлежащих изучению².

Реорганизация разведки затянулась до лета 1917 года, когда в конце концов было принято решение передать всю заграничную сеть источников в ведение ОГЕНКВАРа Главного управления Генерального штаба. Эта работа была завершена к августу 1917 года.

С учетом приближения окончания войны русская разведка к лету 1917 года готовила планы развития агентурной сети за границей в мирное время. При этом ставилась задача освещения не только военных вопросов, а всех аспектов политической, экономической и общественной жизни представлявших интерес для России государств. К этому времени окончательно определился подход к созданию агентурных сетей, где исходным и главным моментом был подбор организатора-руководителя, обладавшего возможностями получения необходимых для оседания в данной стране документов, располагавшего необходимыми связями и широкими полномочиями по привлечению к сотрудничеству источников.

Существенным недостатком оставалась слабая постановка информационно-аналитической работы Центра. Часто полученная серьезная информация глубоко не прорабатывалась, аналитические материалы были поверхностными. Нередко выводы и заключения подгонялись под настроения «наверху».

Конечно, первая мировая война завершалась в условиях неслыханных политических и социальных потрясений, приведших к двум революциям в России, к волнениям и революционным событиям в Германии, Венгрии, изменению политической карты мира.

Размах и сложность этих явлений, кризисные события в России, охватившие практически все слои общества, не могут не приниматься во внимание при оценке действий русской разведки в этот самый сложный переломный период.

С учетом этих обстоятельств недочеты в ее работе не заслоняют главного вывода — разведка в основном справилась с решением вставших перед нею задач. Сформировавшись в ходе войны к концу лета 1917 года в действенный инструмент государственного механизма, она, однако, не успела в полной мере реализовать свои возможности. Наступала новая эпоха, происходили смена строя, институтов государства, такие изменения, которые потребовали и принципиально новых разведывательных и контрразведывательных механизмов, отвечающих современным условиям.

¹ См. Алексеев М. Состояние агентурной разведки русской армии накануне и в ходе первой мировой войны. На правах рукописи. — М., 1994.

² См. Большаков И.А. Очерки военной разведки. — М., 1966. — С.119.

31

Итоги

Итак, пора подвести некоторые итоги. Каждый этап становления и развития российской внешней разведки имеет свои особенности, исходя из тех или иных конкретных государственных интересов и исторических условий. Вместе с тем нельзя не заметить одну закономерность: каждый из этапов связан с нарастанием кризисной обстановки внутри и вокруг государства Российского, усилением военной опасности, угрозой иностранного вторжения. В этих условиях роль внешней разведки закономерно возрастает.

Остановимся подробнее на этом вопросе. Возьмем для начала 1549 год. Царь Иван Грозный делает первые самостоятельные шаги в реорганизации государственной деятельности. Позади годы боярского правления (1538—1548 гг.), которое сопровождалось засильем временщиков, борьбой за власть между враждующими группировками, интригами и убийствами. Кризисная ситуация во внутривластной обстановке близка к критической точке. Развал государства может привести к тому, что оно станет легкой добычей агрессивных соседей: с востока и юга — преемников Золотой Орды (Казанского, Астраханского и Крымского ханств), с запада — Литвы, Польши, Дании и Швеции. Во внешнеполитическом плане Русь в то время практически не имела союзников.

Прежде всего молодой царь стремится создать вокруг себя крепкое государственное ядро, способное быстро и эффективно решать вопросы внутренней и внешней политики в интересах укрепления самодержавия. Таким ядром стала образованная им в 1549 году так называемая Избранная рада — фактически внутренний неофициальный «кабинет» с самыми широкими полномочиями. В Избранную раду входили думный дворянин А.Ф.Адашев, придворный священник Сильвестр, митрополит Макарий, думный

дьяк И.М.Висковатый, князь А.М.Курбский. Все они были в тот период ближайшими сподвижниками царя. Наиболее важная роль отводилась Адашеву, который возглавлял так называемый Челобитный приказ, направлявший деятельность всех других государственных учреждений. За время правления рады (1549—1560 гг.) были проведены радикальные реформы в области центрального и местного управления, армии и права (создаются важнейшие приказы, ликвидируется система «кормлений», ограничивается местничество, закладываются основы стрелецкого войска, составляется общегосударственный кодекс — «Судебник»).

В области внешней политики перед И.М.Висковатым и возглавляемым им Посольским приказом ставится задача сбора секретной информации о потенциальных союзниках и противниках, а затем и ликвидации военной угрозы поочередно — сначала с востока, а затем и с запада. В результате успешной реализации этой стратегической линии в 1552 году к России было присоединено Казанское ханство, в 1556 году — Астраханское ханство, в зависимость от Ивана IV попали сибирский хан Едигер (1555 г.) и Большая ногайская орда (1557 г.). И только после этого была начата борьба за выход России к берегам Балтийского моря (Ливонская война 1558—1583 гг.).

Менялись цари на Руси, но оставались российские интересы. Царь Алексей Михайлович продолжил борьбу за выход к берегам Балтики. В те времена внешнеполитические интересы и связи России значительно возрастают. И снова 1654 год — год основания Приказа тайных дел и активизации разведывательной работы — выбран не случайно. Именно в начале этого года произошло крупнейшее событие царствования Алексея Михайловича — воссоединение Украины с Россией. Царь понимал, что Речь Посполитая, державшая до сего времени Украину в своем вассальном подчинении, просто так не уступит своих позиций в этом регионе. Поэтому именно в 1654 году возникла особая необходимость внимательно следить за тайными планами и устремлениями сильного в то время западного соседа. Эта работа проводилась успешно — Украина навсегда освободилась от шляхетской зависимости, России были возвращены ранее оккупированные поляками ее исконные территории — Смоленск, Северская земля с Черниговом и Стародубом.

Выйти на Балтику и закрепиться на ее берегах суждено было только при Петре Великом. Не сразу далась эта победа. Были и неудачи. Битва со шведами под Нарвой, например, окончилась поражением. На поражениях тоже учатся. Это был 1700 год. А в следующем, 1701 году Петр создает генерал-квартирмейстерскую службу, которая в Воинском уставе 1716 года закрепляет свое правовое положение в качестве разведывательной службы¹. Петр при-

давал военным вопросам особо важное значение. И, пожалуй, с него начался уклон в сторону военных приоритетов в деятельности имперской внешней разведки.

Следующий важный этап в становлении и развитии службы снова связан с нависшей над страной смертельной угрозой — нашествием Наполеона. К чести российской внешней разведки и ее руководителей, нужно сказать, что на сей раз были приняты солидные упреждающие меры, позволившие своевременно добыть необходимую секретную информацию о планах и замыслах противника. Это позволило избрать правильную стратегию военных действий, закончившуюся сокрушительным поражением агрессора.

Во время Отечественной войны 1812 года впервые на базе партизанского движения были организованы разведывательно-диверсионные отряды, подчиненные армейскому командованию и успешно действовавшие в тылу врага. Впоследствии эта практика получила широкое применение, в том числе во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Многими партизанскими отрядами руководили кадровые разведчики.

С первых дней вторжения Наполеон оказался под воздействием дезинформации, которая распространялась российским военным командованием. Доведенные до Наполеона через имевшиеся агентурные возможности ложные сведения о том, что русская армия якобы готовится к генеральному сражению, в определенной мере сковали его действия, рассчитанные на быстрое продвижение в глубь страны.

Очередные этапы в истории разведки (1856 и 1905 гг.), к сожалению, явились уже последствием происшедших трагических событий. Это случилось не по вине разведки. Накануне и во время Крымской войны российская разведка прилагала немалые усилия для добычи новейших образцов западноевропейских вооружений и военной техники, агентурным путем были получены чертежи наиболее современных кораблей. Однако в условиях крепостного строя и промышленной отсталости России воспользоваться этими образцами вовремя не удалось. Перевооружение российской армии нарезным огнестрельным оружием и замена парусного флота паровым произошли уже после поражения в Крымской войне.

К началу XX века российская разведывательная служба приобретает более или менее организационно оформленные структуры. Приоритетное значение отдается военным вопросам. Поэтому вся поступающая секретная разведывательная информация о военном потенциале иностранных государств сосредоточивается в едином центре — так называемом статистическом отделении генерал-квартирмейстерской части Главного штаба армии. Под внешней вывеской «статистического» этот орган выполняет чисто разведыв-

вательные функции: сбор и обработку военно-стратегических материалов по армиям потенциальных противников, сведений об их военных приготовлениях, направление за границу офицеров с заданиями разведывательного характера, контроль за вербовкой и использованием агентуры за рубежом, приобретение и освоение в интересах российской армии новейших иностранных изобретений в военной области².

С 1 марта 1903 г. этот разведывательный центр «зашифрован» под 7-е отделение военно-стратегического отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. Функции его остаются прежними. Центр осуществляет руководство агентурной разведкой, которой занимаются его постоянные представители за рубежом, отдельные сотрудники МИД, представители других министерств и ведомств в ряде иностранных государств, а также штабы военных округов³.

Принятые меры по централизации разведывательной работы позволили расширить ее агентурный аппарат, увеличить число объектов агентурного проникновения, объем добываемой разведывательной информации. Вместе с тем в работе разведки имелись серьезные недостатки. В ряде случаев разведка велась бессистемно, отставала от требований времени. В военных округах наблюдался определенный сепаратизм, стремление самостоятельно использовать добываемую информацию без согласования с Главным штабом. Кроме того, в мирное время штабы округов не имели специальных разведывательных отделений. Сказывалась также слабая профессиональная подготовка кадровых разведчиков, особенно в вопросах работы с агентурой. Большим упущением был недостаток финансовых ассигнований на нужды разведки, что вскоре весьма плачевно сказалось на результатах русско-японской войны 1904—1905 годов. Главному штабу на «негласные расходы по разведке» (так называемая б-я смета) выделялось ежегодно 56 тысяч рублей, распределявшихся между военными округами — от 4 до 12 тысяч рублей на каждый. Военно-статистическому отделу на нужды разведки отчислялось всего около тысячи рублей в год. Исключение представлял Кавказский военный округ, которому отдельно выделялось 56 890 рублей в год для ведения разведки и содержания тайной агентуры в Турции⁴. Тем временем Япония, готовясь к войне с Россией, затратила на приобретение и содержание военной агентуры около 12 миллионов рублей золотом.

Недооценка российским правительством Японии как сильного и опасного противника привела к роковым результатам. Еще в 90-х годах XIX века началось резкое сокращение военных расходов. При этом даже те незначительные суммы, которые выделялись на нужды разведки, были распылены между военными округами,

да и главное направление (Турция) оказалось выбранным ошибочно. Сила инерции (бесконечные русско-турецкие войны на протяжении XIX в.) помешала сделать правильные, своевременные выводы из реально складывавшейся стратегической обстановки на границах империи.

В Главном штабе дальневосточным направлением разведки (Китай, Корея, Япония) занимался так называемый 6-й стол 7-го отделения. Нельзя сказать, чтобы Японии там уделялось мало внимания. Однако ряд специфических особенностей этой страны представлял значительные трудности для организации разведывательной работы. Японские государственные чиновники, фанатически преданные «божественному микадо», отказывались идти на тайное сотрудничество с представителями иностранных спецслужб. При отсутствии солидных негласных источников информации приходилось рассчитывать на получение хотя бы каких-то отрывочных сведений из прессы и других официальных изданий. Но и здесь разведчиков ожидала неудача: большинство периодических изданий в Японии содержало ловко подобранную дезинформацию, рассчитанную на то, чтобы ввести читателя в заблуждение. К тому же русские разведчики, командированные в Японию, не владели языком, а приставленные к ним местные переводчики сплошь являлись информаторами японской контрразведки.

«Представьте себе, что Вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, — писал один из представителей российской разведки в Токио, называя иероглифы «тарабарской грамотой», — и что для Вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник, знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть содержание японского манускрипта. Поэтому для военного агента остается один лишь исход — совершенно и категорически отказаться от всяких quasi [якобы] секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложение подобных сведений со стороны японцев будет лишь ловушкой»⁵.

Русско-японская война обнажила кризисное состояние всей государственной машины Российской империи. Разведывательная служба, несмотря на имевшиеся существенные недостатки в ее организации, направляла отдельные сообщения о подготовке Японии к войне. Однако им не придавалось должного внимания в высших эшелонах власти.

«Россия не имеет постоянного правительства, — писал своему руководству тогдашний британский представитель в Петербурге С.С.Райс. — Каждый министр действует самостоятельно, без ко-

ординации с другими министрами. Происходит курьезное положение. Император (Николай II) — в высшей степени религиозный человек без соответствующего государственного опыта, и даже без совета знающих людей, будучи окруженным великими князьями — в числе тридцати пяти, ни один из которых не находится на фронте войны. И рядом священников и монахинь, или просто церковных женщин... Нет голоса среднего класса. Аристократы без всякого влияния, тогда как бюрократия — чиновничество — живет на взятках. При всем этом миллионы людей в силу обстоятельств беднеют и беднеют, неся ношу налогов и предоставляя государству все необходимое, не говоря уже о миллионе призванных в армию...»⁶.

Эти «самостоятельные действия» различных ведомств весьма пагубно сказались на ходе событий. Полковник Главного штаба Гурко, присутствовавший при объявлении Николаем II войны Японии в связи с нападением японских кораблей на русскую порт-артурскую эскадру, в беседе с гвардейскими офицерами, вызвавшимися ехать на Дальний Восток, сказал: «Наша информация о военных приготовлениях Японии против России была просто безобразной. Существовала полная неразбериха между донесениями нашего посла в Токио и военного агента. Каждый из них излагал диаметрально противоположные мнения о подготовленности Японии к войне».

Не меньший вред наносили и внутриведомственные «выяснения отношений». Вскоре после начала военных действий общая организация дальней разведки была поручена генерал-майору Генерального штаба В.А.Косаговскому, у которого сразу же возникли серьезные осложнения в отношениях с генерал-квартирмейстером Маньчжурской армии генерал-майором В.И.Харкевичем. В июне 1904 года Косаговский писал в своем дневнике: «...Харкевич боялся, как бы я не стал ему поперек дороги, и употребил все от него зависящее, чтобы затормозить мне это дело. И, увы, он благополучным образом достиг этой гнуснейшей цели на пагубу русскому делу. Харкевич не только не дал мне ни одного способного офицера Генштаба, но еще и подставлял всюду ножку, подрывая мой престиж и восстанавливая против меня Куропаткина... и вообще весь штаб. А меня он довел до такого нервного возбуждения, что я готов был задушить Харкевича»⁷. Разведотделения армий действовали разобщенно. По свидетельству полковника Генерального штаба П.И.Измествьева, их сводки отличались низким качеством, и бывали случаи, когда в них «документально устанавливалось то, что на другой день документально опровергалось». Кроме того, собственные разведотделения были в штабе Приамурского военного округа и штабе тыла войск Дальнего Востока. Разведка проводилась также штабами войсковых частей, которые действовали не-

зависимо друг от друга. Все это свидетельствовало о недопустимой дезорганизации руководства разведкой.

И, тем не менее, нужно сказать, что именно разведка Генерального штаба являлась центральной, наиболее профессионально подготовленной структурой в системе внешних спецслужб Российской империи до октября 1917 года. Выводы, сделанные руководством царской разведки после поражения в русско-японской войне, не остались на бумаге. Предвидя будущее военное столкновение с Германией, Генштаб российской армии с начала первой декады нынешнего столетия направляет в Германию самых подготовленных и способных специалистов разведки, которым надлежало «быть в курсе» подготовки к войне с германской стороны, а также снабжать российские вооруженные силы секретными техническими и научными новинками, которые можно было бы использовать против армии кайзера.

Основной задачей прибывшего в Берлин полковника Генерального штаба А.А.Михельсона была вербовка надежной агентуры среди сотрудников и технического персонала ряда фирм, работавших над выполнением специальных военных заказов германской армии. Уже первые его шаги привели к заметным результатам. Он организовал приглашение в Германию большой группы офицеров русской армии — сотрудников артиллерийского комитета и конструкторских бюро, а также специалистов электротехнического отдела инженерного управления для «стажировки» на таких важнейших объектах германской военной индустрии, как завод «Рейн-металл» в Дюссельдорфе, завод компании «Сименс-Шуккерт» в Берлине, завод Круппа в Эссене, оптическая фабрика «Карл Цейс Йена» и другие ключевые для военного производства предприятия. Там сотрудники и коллеги полковника Михельсона не теряли времени зря. Один из них — капитан М.М.Костевич — сумел завербовать агента, работавшего в особо секретном конструкторском бюро, которое разрабатывало тяжелые и сверхтяжелые артиллерийские системы. Агент передал Костевичу чертежи новейших германских гаубиц, забыв предупредить, что передает сами оригиналы, а не копии с них. Такая оплошность стоила дорого. Агент был схвачен германской контрразведкой, а капитан Костевич, успевший отправить документы в Петербург, тоже оказался на время за стенами берлинской тюрьмы Моабит. Этот «эпизод» не мог не отразиться и на судьбе полковника Михельсона. Он был объявлен «персоной нон грата» и покинул Германию.

На смену ему в Берлин приехал П.А.Базаров, который с большим размахом принялся за дело. Его интересовало все: и пропускная способность, и мобилизационная готовность железных дорог в Восточной Пруссии, и важнейшие оборонительные сооружения в районах возможных боевых операций, и новые сведения о рас-

положении складов боеприпасов и амуниции немецкой армии. Ему удалось получить документы отдела разведки немецкого Генштаба о его личном составе и агентуре. Вскоре в Варшаве был задержан агент, проявлявший повышенный интерес к российским военным объектам, а в столице империи арестован «исследователь» российской промышленной архитектуры — на самом деле лейтенант германской армии, разведчик Дамм.

Сведения, полученные Базаровым и его людьми в предвоенной Германии, легли в основу многих оперативных мероприятий по линии военной контрразведки. Только по Варшавскому военному округу было арестовано почти полторы сотни австро-германских шпионов.

Принцип необходимости ведения активной агентурной работы не только в военное, но и в мирное время дал хорошие результаты. Достаточно вспомнить вербовку в 1906 году руководителя австро-венгерской разведки полковника Редя или вербовку в 1910 году полковника австро-венгерского Генерального штаба Яндржека. От этих агентов поступали исчерпывающие сведения по всем интересовавшим российскую разведку вопросам в этом регионе. Появляются новые агентурные возможности в ряде других стран Европы и Азии.

Расширились горизонты разведывательной работы, вплоть до Африки. На протяжении веков этот континент оставался для России «terra incognita», и только в конце XIX века к нему пробуждается неожиданный интерес в связи с началом осенью 1899 года англо-бурской войны. У разведчиков этот интерес был вызван вполне профессиональными причинами: англичане в этой войне впервые испытывали на практике такие «новинки», как разрывные пули «дум-дум», причинявшие тяжелые ранения, автоматическое оружие, новые мощные взрывчатые вещества. Впервые против конницы были использованы бронепоезда. Появились первые концлагеря и колючая проволока. Война в Африке интересовала не только профессионалов, но и самого царя. В одном из частных писем Николай II писал: «Я всецело поглощен войною Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки...» Впервые в Африку были посланы сотни российских добровольцев. Среди них был А.И.Гучков, известный впоследствии политический деятель, основатель партии октябристов, председатель Государственной думы. Добровольцы не были сторонними наблюдателями: они участвовали в боевых действиях, изучали реальную расстановку сил и истинные интересы ведущих мировых держав на юге Африки. Позднее трижды — в 1908, 1910 и 1913 годах — в командировках в ряде стран Африки побывал замечательный русский поэт Н.С.Гумилев. Его стихи об Африке хорошо известны, но мало кому из-

вестна, например, его служебная записка об Абиссинии — информационный документ, характеризующий мобилизационные возможности этой страны... Не случайно во время первой мировой войны Н.С.Гумилев служил в «ближней», войсковой разведке и за храбрость и умелые действия был дважды награжден Георгиевским крестом.

По-разному сложились судьбы царских разведчиков после 1917 года. Генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, начальник отдела генерал-квартирмейстерской службы, ведавшей вопросами внешней разведки, остался верен профессиональному долгу и в первые дни после революции, а именно 23 ноября 1917 г., был назначен начальником Генерального штаба. Во время гражданской войны возглавлял Военно-законодательный совет при Реввоенсовете — высшем органе военной власти Российской Республики. Н.М.Потапов был уволен в запас по возрасту только в 1938 году, умер в 1946 году, дожив до окончания Великой Отечественной войны. Герой первой империалистической, Николай Степанович Гумилев, к сожалению, стал жертвой известных трагических обстоятельств.

До 1917 года в работе внешней разведки по-прежнему принимали деятельное участие многие сотрудники Министерства иностранных дел. Среди них были и послы. В 1905 году, например, российский посол в Константинополе Зиновьев заполучил агентурным путем копии нот, которыми обменялись министр иностранных дел Турции и австрийский посол в этой стране Каличе. Австро-Венгрия вступила в тайные переговоры с турками, стремясь добиться от них признания за собой исключительного права на покровительство всем католическим учреждениям на территории Османской империи. Как писал сам Зиновьев, он следил за переговорами «весьма осторожно» и черпал сведения о них «исключительно из сторонних источников»⁸. Позднее российский посол в Константинополе добыл из «весьма секретного» источника письма политического характера, которыми обменялись в 1910—1911 годах в преддверии балканской войны министр иностранных дел и военный министр Турции со своим премьер-министром⁹.

Во время первой мировой войны к российской миссии в Берне для организации разведывательной работы по воюющим странам с территории нейтральной Швейцарии был прикомандирован действительный статский советник А.Мандельштам. По заданию военных дипломатами были получены заслуживавшие внимания сведения о военно-морских силах Турции и Болгарии, планах дарданелльских укреплений и минных заграждений в проливе.

В январе 1916 года, в разгар войны, отдел печати МИД направил министру иностранных дел С.Д.Сазонову служебную записку

с соображениями о необходимости усиления добычи информации по политическим вопросам в блоке воюющих против России стран. Сведения по этим вопросам предлагалось концентрировать в Министерстве иностранных дел. Однако эти предложения не были реализованы. Российская государственная машина была уже практически запрограммирована на развал. В этих условиях в верхах вопросы политической разведки мало кого интересовали.

Министерство внутренних дел, а точнее — его департамент полиции, напротив, активизировал свою довольно многочисленную закордонную агентуру, которая иногда подключалась и к выполнению отдельных внешнеполитических задач. Но основной функцией этой агентуры было выявление подпольной деятельности оказавшихся в эмиграции революционеров, националистов, анархистов и других «подрывных» элементов. Страны, где находились российские политические эмигранты, были буквально наводнены агентами департамента полиции, которые часто действовали открыто, в контакте с местной полицией и контрразведкой.

По-прежнему разведкой за рубежом в той или иной степени занимались министерства финансов, торговли, промышленности. Они, как правило, имели свою собственную сеть информаторов, но эта сеть была узко нацелена на сбор сведений только финансового, коммерческого или экономического характера преимущественно через открытую и закрытую специальную литературу. Руководили этой работой за кордоном официальные представители указанных министерств при российских посольствах.

Особняком от всех упомянутых выше ведомств стояло министерство царского двора, которое имело своих представителей за рубежом. Это были лично доверенные лица русского императора при дворах иностранных монархов. Им вменялось в обязанность приобретение широких связей среди высокопоставленных лиц, отношения с которыми строились главным образом не на агентурной, а на доверительной основе, хотя на поддержание этих связей тратились порой довольно значительные суммы. Основным объектом их интереса были сведения о закулисной жизни дворов, но при этом они, разумеется, не упускали случая получить секретную информацию политического или военного характера.

Задачи, которые ставились официально перед представителями при монарших дворах, хорошо видны из двух писем, написанных в начале XX века германским императором Вильгельмом II российскому императору Николаю II.

«Принимая во внимание наши близкие отношения, — писал Вильгельм, — и частый обмен письмами и сообщениями, чем постоянно и напрасно приводится в движение сложный механизм посольств, не хочешь ли ты возобновить старый обычай, соблю-

давшийся нашими предками около ста лет, а именно иметь каждому из нас при своем штабе личного адъютанта? Дела более интимного и частного характера могли бы идти, как и в прежние времена, непосредственно через них, и сношения благодаря этому значительно упростились бы».

В другом письме Вильгельм писал Николаю:

«В качестве военного атташе я выбрал майора графа Лансдорфа — моего личного адъютанта. Я дал ему инструкции, чтобы он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответствен только передо мной лично, и ему раз и навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом, ты можешь доверить ему какие угодно поручения, запросы, письма и т.д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время серьезных событий ты мог бы в случае надобности возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий польств и т.д.»¹⁰.

С началом первой мировой войны эти дружеские контакты двух монархов навсегда прекратились. Вновь вступила в силу закономерная необходимость возрастания роли агентурной разведки в кризисной, критической для государства обстановке, но царское правительство было уже не в силах что-либо сделать... После окончания войны в истории российской внешней разведки наступил новый этап, о котором будет подробно рассказано в последующих томах.

По сведениям Большой Энциклопедии под ред. С.Н. Южакова (т.6, с.388), генерал-квартирмейстер — лицо, заведующее офицерами Генерального штаба и «специальной их службою».

Впервые в России о квартирмейстерских чинах упоминается в уставе 1698 года, которым введены полковые квартирмейстеры, а о генерал-квартирмейстере сказано, что «он в Русской земле не потребен». В 1701 году Петр I утверждает должность генерал-квартирмейстера, которую занял князь А.Ф. Шаховской.

В 1763 году при учреждении Екатериной II Генерального штаба в его состав включена генерал-квартирмейстерская служба. Должность генерал-квартирмейстера была упразднена в 1865 году, когда корпус офицеров Генерального штаба был непосредственно подчинен начальнику Главного штаба.

С 1892 года в ряде военных округов снова вводится должность генерал-квартирмейстера, а с 1900 года — и в Главном штабе. В его функции входила подготовительная работа «по ведению военных действий и обороне государства», а также сбор «военно-статистических сведений об иностранных государствах».

- ² См. Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг. (документы) / Составитель И.В.Деревянко // М.: «Прогресс», 1993. — С.319.
- ³ Там же.
- ⁴ См. ЦГВИА, ф.487, оп.1, д.231, с.1.
- ⁵ Русско-японская война 1904—1905 гг. — Т.1. — С.-Пб., 1910. — С.156—157.
- ⁶ The Letters of Friendship of Sir Cecil Spring Rice. — London, 1929. — P.425.
- ⁷ ЦГВИА, ф.76, оп.1, д.217, с.239.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи, ф.151, оп.482, д.298.
- ⁹ Там же, д.307.
- ¹⁰ Из переписки Вильгельма II с Николаем II // Изд.Центрархива РСФСР, 1925.

Содержание

Предисловие	5
1. Предтечи	13
2. Два Ивана	21
3. Судьба царского любимца	29
4. Приказ тайных дел	34
5. «Русский Ришелье»	43
6. Вор Гришка	49
7. Ближний боярин Артамон Матвеев	58
8. За сотни верст от поля брани	66
9. Петр Толстой — «дачных» дел мастер	71
10. Мужество и стойкость князя Хилкова	79
11. Паткуль — разведчик волею судеб	85
12. Флорио Беневени	90
13. Первый министр государыни	95
14. «Инерция покоя»	100
15. «Красавец Леандр» выходит на связь	105
16. «Военные агенты» Баркляя	109
17. Загадочная Дарья Христофоровна	115
18. Секретное поручение А.Грибоедову	122
19. В далеком Рио	126
20. Рыцарь «Зеленой лампы»	133
21. «Корреспонденты» А.И.Чернышева	146
22. Гусар, разведчик, министр — в одном лице	154
23. Россия — США: попытки сближения	160
24. Офицер «по особым поручениям» — военный министр в Болгарии	165

25. Есаул Ливкин в Индии и Китае	172
26. Подъесаул Уланов и лама Ульянов	183
27. Таинственный Токио	192
28. Многоликость разведки	207
29. Два взгляда на полковника Редля	214
30. Российская разведка в 1914—1917 годах	220
31. Итоги	226

Художественно-документальное издание

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ**

ТОМ 1

От древнейших времен до 1917 года

Редакторы *Е.Я. Кузнецова, М.В. Егорова*

Оформление художника *П.С. Сацкого*

Художественный редактор *Н.Д. Смольникова*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Корректор *Л.Ф. Крылова*

Компьютерная верстка *Л.А.Кривошеиной*

ИБ № 2274

Сдано в набор 31.08.95. Подписано в печать 17.10.95

Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,0+2,0 вкл. Усл. кр.-отт. 17,25. Уч.-изд. л. 15,72

Изд. № 11-и/95. Заказ № 328

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства «Международные отношения»
в Тульской типографии,

300600, Тула, проспект Ленина, 109

